ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ СССР

ГОД ИЗДАНИЯ 48-й

№ 46 (4592)

17 ноября 1976 г. СРЕДА

ГОДОВОЕ ЗАДАНИЕ — ДОСРОЧНО!

Досрочно выполнить производственное задание первого года десятой пятилетки, ознаменовать шестидесятый год Советской власти новыми трудовыми успехами — этим живет сейчас коллектив Московской опытной фабрики безверетенного пневмомеханического прядения.

НА СНИМКАХ: *передовики социалистического соревнования Т. Назарова, А. Белов и О. Дьячкова; в одном из цехов фабрики.*

Фото А. ХРУПОВА

ТАЛАНТ, ТРУД, ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ ХУДОЖНИКА

Диалог писателя Бориса ВАСИЛЬЕВА и артиста Михаила УЛЬЯНОВА

стр. 8

ОБРЯД И МОРАЛЬ

- Статья первого заместителя Председателя Совета Министров Абхазской АССР Л. МАРШАНИЯ
- Письма из города и деревни

стр. 11

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

С ВРЕМЕНЕМ СВЕРЯЯ ШАГ

Анатолий ЧЕПУРОВ

ДЕСЯТКИ прочных нитей связывают советских писателей с жизнью нашего общества, с различными сферами его созидательной деятельности. Одна из таких сфер, необъятная по потребностям приложения человеческих рук и разума, — это промышленное и сельскохозяйственное производство, в котором заняты десятки миллионов людей. Они создают условия для роста духовной культуры и являются ее непосредственными «заказчиками». Вот почему для нас, писателей, связь с производством имеет такое первостепенное значение. Вот почему мы неустанно ищем пути обогащения этих связей...

Еще в 1932 году ленинградские писатели после пребывания на хибинских новостройках первой пятилетки создали коллективную книгу «Большевики победили тундру». В предисловии к ней подчеркивалось, что она издается «в порядке культурной связи передовой писательской общественности города Ленина с партийной и советской общественностью социалистического Хибиногорска».

Дружба с наследниками первых добытчиков подземных богатств Кольского полуострова продолжается и по сей день. Ленинградские писатели нередко бывают в гостях у тружеников городов Апатиты и Кировска, иной раз подолгу живут тем, накапливая материал для будущих произведений. С «хибинского плацдарма» стартовали в жизнь многие документальные книги, стихи, песни. Лучшие произведения ленинградских прозаиков и поэтов удостоены литературной премии комбината «Апатит». Сейчас готовится к печати сборник, в который войдут повести, рассказы ленинградских писателей и очерки, статьи, написанные старожилами Хибин.

В последние годы наши шефские связи значительно расширились. Как у себя дома, мы теперь бываем на Невском машиностроительном заводе имени В. И. Ленина, в совхозе Ленинградской области «Алеховщина». Связи эти далеко не односторонни. И невские машиностроители, и труженики неблизкого от Ленинграда совхозного хозяйства также приезжают к нам, знакомятся с жизнью писательской организации, а кое-кого из пишущих на близкие заводу и селу темы и по-товарищески консультируют.

А какой богатый материал дает наше участие в Днях литературы республик, краев и областей страны! В этом году наша писательская организация впервые провела Дни литературы в Ленинградской области. Казалось бы, знаем ее хорошо, не за семью морями живут труженики стремительно выросших за последние годы промышленных городов области — Тихвина, Кингисеппа, крупнейших сельскохозяйственных комплексов. А побывали там — и сделали немало новых открытий. Я слышал от своих коллег самые восторженные отзывы об этом большом литературном празднике. Многие говорили, что одни только вопросы на встрече с читателями способны высечь искру раздумий над совершенно неожиданной для тебя темой, а иной раз и стать поводом для размышлений: о том ли и так ли, как надо бы, ты пишешь? Ленинградская партийная организация одобрила такие встречи с читателями, и мы теперь их будем проводить каждый год.

Думается, что и литературно-художественные журналы значительно обогатили свои разделы публицистики и очерка, создав на крупнейших стройках десятой пятилетки свои постоянные корреспондентские посты. Так поступил и наш ленинградский журнал «Звезда», в каждом номере которого печатаются очерки, статьи, корреспонденции о людях и проблемах строительства Саяно-Шушенской ГЭС. Побывавшие там в этом году писательские группы договорились с партийной организацией, с руководством стройки об установлении постоянных шефских связей. В порядке содружества позаботимся и о том, чтобы содействовать успешному выполнению заказов Саяно-Шушенской ГЭС в объединении «Ленинградский Металлический завод». Это объединение входит в число 28 предприятий и учреждений, заключивших договор о творческом содружестве и соцсоревновании по ускорению строительства енисейского энергогиганта. Ну, а мы будем их 29-м партнером.

Высокая оценка Генеральным секретарем ЦК КПСС Л. И. Брежневым прочных шефских связей писательских организаций с заводами, колхозами, стройками, данная в Отчетном докладе XXV съезду партии, обязывает нас ко многому. Дальнейшее расширение географии этих связей, обогащение новыми формами — веление времени. И наш высокий писательский долг.

ЛЕНИНГРАД

РУКА ОБ РУКУ

Одно из последних заседаний правления Союза писателей Мордовии проходило в не совсем обычной обстановке. Зал Дома культуры колхоза «Дружба» Инсарского района до отказа заполнили доярки, животноводы, механизаторы. Услышав о том, что в гости к колхозникам приедут писатели, потянулись в «Дружбу» и жители многих соседних сел...

Выездное заседание было посвящено тому, как в произведениях мордовских литераторов находит отражение сельская действительность. Горячо, заинтересованно, как о своем кровном, говорили о прочитанных книгах, о творчестве полюбившихся авторов на этом заседании колхозники. Много полезного, интересного обрели в разговоре и литераторы, которые выступили перед героями своих книг, рассказали о планах, прочитали стихи, отрывки из новых произведений.

Ближайшее, очередное заседание правления СП республики решено провести на Саранском электроламповом заводе. О людях этого предприятия мордовский прозаик Сергей Ларионов написал книгу «Хрустальные колокола», вышедшую только что на русском языке в издательстве «Современник». Автор долгое время жил среди рабочих, не один раз вместе с ними ходил на смену. Так появился роман о становлении рабочего класса Мордовии, в недалеком прошлом аграрной провинции, о перспективах развития завода, о судьбах наших современников.

В программе предстоящего выездного заседания обсуждение еще одного романа — «Лысая гора» Тимофея Якушкина. Это книга о строителях крупнейшего в нашей стране Алексеевского цементного завода.

Многообразны и широки формы содружества мордовских литераторов с тружениками республики. Писателей часто можно встретить в цехах, на строительной площадке, на полевом стане. Результатом этих животворных, взаимообогащающих встреч явились новые произведения многих мордовских литераторов — Н. Эркая, П. Любаева, И. Девина, П. Левчаева, А. Тяпаева, С. Кинякина, И. Пиняева, А. Мартынова, М. Бебана и других.

Наш корр.

САРАНСК

Широко отмечается 70-летие со дня рождения выдающегося советского поэта Самеда Вургуна. Мы попросили первого секретаря правления Союза писателей Азербайджана Имрана Касумова рассказать о юбилейных торжествах.

Имран КАСУМОВ:

СЛОВО САМЕДА ВУРГУНА И СЕГОДНЯ С НАМИ

— С трибуны VI съезда писателей СССР мне довелось с удовольствием сообщить делегатам, что 1976 год мы объявили в азербайджанской литературе годом Самеда Вургуна, и в этом сообщении не было никакого преувеличения.

Нынешний год уверенно входит в историю моей земли как год небывалого мирного сражения за осуществление предначертаний XXV съезда КПСС. И везде — далеко за морским горизонтом, где на плавучих основаниях с больших глубин извлекается драгоценная каспийская нефть; в корпусах огромных заводов и на многочисленных новостройках; на хлопковых полях и массивах виноградников, где собраны рекордные урожаи, отмеченные отечески добрым приветствием Л. И. Брежнева; в школах, вузах, рабочих дворцах культуры и в сельских библиотеках, — всюду незримо присутствует образ Самеда Вургуна, любимого певца людей труда и их нерушимой дружбы. Крылатое слово поэта отлично работает в первом году новой пятилетки.

70-летие Самеда Вургуна уже отмечено в Азербайджане тысячами вечеров, читательских конференций, часов воспоминаний. Юбилею посвящены сотни страниц периодической печати, передачи по телевидению, радио. Издательства республики выпустили к памятной дате двухтомник избранных стихов поэта на азербайджанском языке и однотомник на русском, сборники высказываний виднейших деятелей культуры современности о его творчестве, избранное на фарсидском, специальный фотоальбом, красочные плакаты, буклеты, монографии и исследования. Киностудия «Азербайджанфильм» выпустила на экраны большую документальную ленту под названием «Есть на свете Самед Вургун».

Проводятся вечера в честь выдающегося советского поэта-интернационалиста во всех братских союзных и автономных республиках.

Когда эти строки будут опубликованы, в Азербайджане уже начнется всенародное празднество. Свыше ста писателей — представителей нашей многонациональной страны, литераторы из-за рубежа посетят родину Самеда Вургуна — город Казах и село, в котором он родился, где будет открыт первый в республике сельский Дом поэзии. 18 ноября состоится торжественный юбилейный вечер в Баку, в лучшем зале города — во Дворце имени В. И. Ленина.

Как известно, в связи с 70-летием Самеда Вургуна создана Всесоюзная юбилейная комиссия, возглавляемая старейшим мастером советской поэзии Н. С. Тихоновым. Комиссия проделала большую работу: по ее решению начато капитальное трехтомное издание сочинений Самеда Вургуна в издательстве «Художественная литература», в Ленинграде готовится академический сборник его произведений в Большой серии «Библиотеки поэта», издательство «Прогресс» выпустило книги стихов азербайджанского поэта на французском, английском и арабском языках.

В скором времени столичные почтовые отделения будут принимать корреспонденции с адресом: «Москва, улица Самеда Вургуна», а в воды Мирового океана уйдет в первый рейс пассажирский теплоход, носящий имя поэте...

Юбилейные торжества завершатся в столице нашей Родины — Москве. 29 ноября в Большом театре Союза ССР состоится вечер, посвященный славной дате.

стр. 4

ДРУЖЕСКАЯ ВСТРЕЧА

12 ноября в секретариате правления Союза писателей СССР состоялась беседа первого секретаря правления СП СССР Г. Маркова с членом Политбюро ЦК ВСРП, секретарем ЦК ВСРП М. Овари. С венгерской стороны в беседе приняли участие заведующий отделом науки и культуры ЦК ВСРП М. Кориндес, референт международного отдела ЦК ВСРП Г. Котаи и советник посольства ВНР в СССР И. Кери, с советской — секретари правления СП СССР Ю. Верченко, Р. Рождественский, Ю. Суровцев, О. Шестинский.

Г. Марков рассказал венгерским товарищам о VI съезде советских писателей, о работе по выполнению решений XXV съезда КПСС. Подробно Г. Марков говорил о воспитании литературной смены в свете постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью», о деятельности общественных советов писателей, о международных связях Союза писателей СССР. Г. Марков рассказал венгерским друзьям о шефстве литературных журналов над важнейшими стройками пятилетки.

Член Политбюро ЦК ВСРП М. Овари поблагодарил Г. Маркова за информацию о деятельности Союза писателей СССР и передал привет советским писателям от Первого секретаря ЦК ВСРП тов. Я. Кадара. М. Овари отметил, что успешное сотрудничество между писателями СССР и ВНР служит благородному делу укрепления дружбы между нашими народами. М. Овари рассказал о той работе, которую венгерский народ ведет по претворению в жизнь решений XI съезда ВСРП. М. Овари выразил глубокое убеждение в том, что узы братской дружбы между венгерскими и советскими писателями будут и впредь развиваться и крепнуть.

Во встрече приняли участие заведующий Отделом культуры ЦК КПСС В. Ф. Шауро и заместитель заведующего Отделом культуры ЦК КПСС А. А. Беляев.

от среды до среды

ПРИСУЖДЕНЫ...

...Государственные премии Молдавской ССР в области литературы и искусства 1976 года. Лауреатами стали: Богдан Истру — за поэму «Татарбунар». Симион Чиботару — за монографию «Формирование социалистического реализма в молдавской литературе. 1917 — 1941», Владимир Иовицэ удостоен награды как автор сценария и сорежиссер художественного фильма «Дмитрий Кантемир».

ПРОШЕЛ...

...во Фрунзе семинар, в котором приняли участие более 60 молодых прозаиков и драматургов из разных областей и районов Киргизстана. Его организаторы — Союз писателей республики и ЦК ЛКСМ Киргизии.

Состоялось широкое обсуждение произведений авторов, не являющихся еще членами союза. Семинар позволил выявить ряд интересных имен.

В работе семинара приняли участие первый секретарь правления СП Киргизии Т. Аскаров, первый секретарь ЦК ЛКСМ республики А. Рысмендиев, поэты, прозаики К. Малинов, М. Джангазиев, М. Абылкасымова, С. Сасыибаев, А. Стамов, Ж. Мавлянов, Т. Касымбеков, Б. Жакиев, Ж. Мамытов.

В секретариате правления СП СССР

В минувший понедельник состоялось расширенное заседание секретариата правления СП СССР, на котором был заслушан и обсужден доклад секретаря правления О. Шестинского «О задачах Союза писателей СССР в свете постановления ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью».

На заседании — его вел первый секретарь правления СП СССР Г. Марков — выступили В. Пименов, А. Чаковский, А. Кешоков, С. Баруздин, В. Кожевников, Б. Полевой, А. Салынский, Р. Рождественский, С. Наровчатов, заведующий отделом пропаганды ЦК ВЛКСМ В. П. Горчаков, Г. Бакланов, Л. Ошанин, В. Амлинский, А. Ананьев, Г. Березко.

В заседании секретариата принял участие заведующий сектором Отдела культуры ЦК КПСС К. М. Долгов.

(Подробный отчет будет опубликован в следующем номере «ЛГ».)

ПРАЗДНИК ПОЭЗИИ

15 ноября во Дворце спорта Центрального стадиона имени В. И. Ленина под председательством К. Симонова состоялся большой вечер поэзии, сбор от которого поступит в Фонд Мира.

Этот литературный вечер — первый в серии мероприятий, посвященных XXII московскому Дню поэзии, который проводят Московская писательская организация и Всесоюзное бюро пропаганды художественной литературы Союза писателей СССР.

Во время праздника поэзии, который завершится 28 ноября, в стенах прославленных предприятий зазвучат стихи, литераторы расскажут о своем творчестве, поделятся планами на будущее. Участники праздника обсудят XX сборник «День поэзии 1976». Кстати, в разговоре о нем примет участие и коллектив Первой Образцовой типографии имени А. А. Жданова, где сборник печатался.

Кроме встреч в библиотеках, школах, домах культуры, пройдет цикл литературных вечеров. 21 ноября под председательством Ю. Друниной состоится вечер в Центральном Доме литераторов имени А. А. Фадеева. Там же 28 ноября под председательством Л. Татьяничевой пройдет заключительный вечер праздника поэзии.

Габит МУСРЕПОВ,
Герой Социалистического Труда

ЭТИХ ДНЕЙ НЕ СМОЛКНЕТ СЛАВА

О фильме «Леонид Ильич Брежнев в Казахстане»

ОСЕНЬ этого года навсегда войдет в летопись героических дел советского народа, останется памятнейшей страницей истории социалистического Казахстана. Наша республика — главное хлебное поле страны — в первый год десятой пятилетки дала народу рекордный урожай зерна. В закрома Родины засыпано около 1 миллиарда 200 миллионов пудов хлеба.

Этому героическому трудовому подвигу посвящена новая работа Центральной студии документальных фильмов — картина «Леонид Ильич Брежнев в Казахстане». Очень хорошо, что она создана в предельно короткие сроки. И в дни, когда весь советский народ поздравлял Казахстан с трудовой победой, уже вышла на экраны страны, демонстрировалась по Центральному телевидению.

Леонид Ильич Брежнев прибыл в Казахстан в разгар жатвы для участия в совещании партийно-хозяйственного актива республики. Поистине добрая традиция — каждый раз, когда посещает нашу казахстанскую землю Генеральный секретарь ЦК КПСС, трудящиеся Казахстана радуют страну особенно выдающимися успехами.

Документальный этот фильм напомнил нам не только недавние дни. Здесь в лаконичной яркой форме прослежена вся история развития современного сельского хозяйства Казахстана, его весомый вклад в народное хозяйство страны. Подчеркнута руководящая роль партии в освоении целинных и залежных земель — мы словно вернулись на двадцать два года назад, увидели кадры, ставшие сейчас поистине уникальными... Комсомольские путевки лучшим из лучших, первые эшелоны с добровольцами со всех концов страны. Первые борозды на земле, казалось бы, от века не плодородной. Первые колосья. И счастливые усталые лица людей, сделавших поистине невозможное.

Вся эта великая эпопея неразрывно связана с именем Леонида Ильича Брежнева, возглавившего в те годы республиканскую партийную организацию. Замечательный коммунист-ленинец, выдающийся организатор, он всегда с народом, всегда на переднем крае борьбы за хлеб. Мы видим на экране ежедневные встречи товарища Брежнева с тружениками колхозов и совхозов, механизаторами, партийными работниками. К людям как бы приходили новые силы. Точно определялись самые насущные задачи, яснее становились горизонты. И как хорошо, что свидетелями этих встреч часто были кинодокументалисты, «первопроходчики» многих прекрасных путей в искусстве.

На днях Государственной премией СССР отмечены создатели документальных лент «Программа мира в действии» и «Трудные дороги мира», посвященных неуклонному осуществлению нашей партией, правительством политики разрядки международной напряженности, деятельности на этом пути самого замечательного пропагандиста разрядки Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. И вот теперь документальная кинокамера рассказывает о том, как героический труд народа становится весомейшим аргументом в борьбе за мир и счастье людей.

Перед нами новь целины, преображенной руками советского человека. В бескрайней степи выросли сотни новых совхозов, воздвигнуты комфортабельные дома, школы, больницы, дворцы культуры, проложены современные дороги. И от края до края — золотые хлебные поля. До 1954 года наша республика давала всего около ста миллионов пудов хлеба. В десять раз увеличился за эти годы казахстанский хлебный сноп. Таков результат целенаправленной деятельности всей нашей партии, вдохновенного труда всего народа.

...Зал совещания партийно-хозяйственного актива Казахстана. Здесь и те, кто два десятка лет назад начинал штурмовать целину — мои земляки. И первые новоселы, прибывшие когда-то с комсомольскими путевками, повзрослевшие и поседевшие. И молодежь, которая знает о легендарном прошлом только по рассказам старших. Все внимательно слушают Леонида Ильича Брежнева. Он говорит о самом важном для этих людей сегодня:

— На XXV съезде партии мы заявили, что зерновое производство — наш ударный участок работы... Жатва — это серьезный экзамен республиканской партийной организации, который она держит перед партией и народом... Казахстанский миллиард олицетворяет самоотверженный труд рабочих, колхозников и интеллигенции, авангардную роль коммунистов республики, боевого и надежного отряда Коммунистической партии Советского Союза.

Люди, собравшиеся в этом зале, — цвет и гордость трудового Казахстана — дали слово Генеральному секретарю ЦК КПСС: собрать один миллиард сто миллионов пудов зерна. О том, как трудились они в эту осень, выполняя и перевыполняя обязательство, еще будут написаны романы, сложены поэмы, сняты масштабные художественные ленты. А этот фильм — «первая ласточка».

Вот из чего складывается рекордный казахстанский хлебный сноп:

Кустанайская область — 243 миллиона пудов зерна.

Кокчетавская область — 153 миллиона.

Целиноградская область — 127 миллионов.

Северо-Казахстанская область — 120 миллионов...

Фильм показал, как в нелегких погодных условиях работают замечательные кадры целинников, как их опыт и мастерство передаются новому поколению. Беззаветно, не щадя себя трудились в поле И. Иванов, первоцелинник, повторивший на трудовом фронте подвиг Алексея Маресьева, герои труда Л. Картаузов, М. Довжик, Н. Гурьев, В. Химич... Плечом к плечу с ними встали пришедшие на помощь Казахстану оренбуржец Е. Манин, омич И. Хоробрых, курганец А. Лукиных и тысячи других замечательных людей.

Кадр из фильма

Мне хотелось бы повторить слова члена Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря ЦК Компартии Казахстана Д. А. Кунаева о том, что приезд Леонида Ильича Брежнева в Казахстан в решающий момент жатвы способствовал повсеместному боевому настрою, с которым коммунисты и все трудящиеся республики провели уборочную страду и с честью сдержали слово, данное партии, народу, лично Леониду Ильичу, чья неоценимая помощь и поддержка не только радуют всех казахстанцев, но и становятся источником вдохновения для новых свершений, еще раз подтверждают нашу сплоченность вокруг родной партии, ее ленинского Центрального Комитета.

Я помню целину три десятилетия назад. Я не могу не только найти, но даже искать сравнений. Это не просто большие перемены. Это новый мир. Мир тем более удивительный и прекрасный, что он создан гением и руками советского человека.

Хлеб Казахстана. Он сейчас на столе у московских автозаводцев, у сибирских лесорубов, у рыбаков Приморья. Разламывая свежий, душистый каравай, пусть они вспомнят о тех, кто его вырастил.

За прозой каждодневных дел, за обычными буднями хлеборобов скрыта высокая поэзия. Если произведению искусства удается ее передать, оно поистине становится нужным людям и хранится в их памяти.

Сейчас нам, мастерам литературы и искусства, необходимо создать документальную и художественную летопись десятой пятилетки. Все ее трудовые будни определены незыблемыми принципами ленинской экономической и национальной политики, дружбой всех равноправных народов Советского государства. Задачи пятилетки учитывают специфические особенности и потребности каждой союзной и автономной республики, их общий социальный прогресс.

Как боевую программу действий восприняли все советские люди решения недавнего октябрьского Пленума ЦК КПСС. Положения об эффективности и качестве в полной мере применимы и к творческому труду художников слова, экрана, которые живут планами, заботами и радостями своего народа.

Фильм «Леонид Ильич Брежнев в Казахстане» (режиссеры И. Бессарабов, Е. Вермишева, главный оператор А. Кочетков, автор текста Ю. Аветиков) останется волнующим документом нашего времени. Через десятилетия дети и внуки покорителей целины вновь и вновь будут отдавать дань глубочайшей признательности легендарным героям борьбы за хлеб.

ПИСАТЕЛЬ И ПЯТИЛЕТКА

Гунар ПРИЕДЕ

ЭСКИЗ К ГРУППОВОМУ ПОРТРЕТУ

КОЛХОЗ «Лачплесис» Огрского района раскинулся в родных местах Андрея Пумпура, автора латвийского народного эпоса, и назван по имени его главного героя. И сам председатель колхоза Герой Социалистического Труда Эдгар Каулиньш причастен к литературе, он вместе с Петерисом Баугисом — автор прекрасной автобиографической книги «Будни не повторяются», в которой повествует и о становлении, развитии родного колхоза. У Эдгара Каулиньша огромный жизненный опыт великолепно сочетается с чувством нового, с умением увидеть тенденции развития сельского хозяйства, всего нашего общества. Ему, как и всему замечательному коллективу «Лачплесиса», близка мысль, приведенная в речи Л. И. Брежнева на октябрьском (1976 г.) Пленуме ЦК КПСС: «...надо выиграть и следующую битву — за сохранение щедрых даров земли, за то, чтобы результаты усилий по подъему сельского хозяйства ощутила на своем столе каждая советская семья».

Чтобы горожане смогли купить овощи только хорошего качества, в колхозе построили добротное вентилируемое картофелехранилище и цех по переработке помидоров, огурцов, капусты, столовой зелени и яблок. И потребители довольны, и колхоз не в убытке. Рентабельность цеха превысила 100 процентов, у полеводов появился новый стимул в работе. Кстати, в колхозе сумели получить от земли поистине щедрые дары и в этом году, несмотря на крайне неблагоприятные погодные условия. Урожай зерновых здесь — 47,6 центнера с га, картофеля — по 352 центнера, помидоров — по 300 центнеров.

Да, действительно, будни не повторяются. Каждый год ставит новые задачи перед земледельцами, перед рабочими, перед нами, писателями. На берегах Даугавы рождается новый эпос, герои и авторы которого — рядом с нами. Мастера высоких урожаев колхозов «Лачплесис» и имени Э. Вейденбаума, рабочие и инженеры рижского электротехнического завода ВЭФ, энергостроители, рыбаки колхоза «Бривайс вилнис», — давние друзья латвийских писателей. Ко многим трудовым коллективам в городах и селах республики, с которыми мы поддерживаем самые тесные творческие и деловые связи, добавился в последние годы еще один. Дружба завязалась с теми, кто пестует лес и бережет его, изучает и готовит для него специалистов. Более двадцати тысяч человек самых различных профессий связаны в Латвии с лесом.

Люди, выращивающие лес из крохотных, с карандаш величиной, саженцев, делают все возможное, чтобы охранять его от всяческих врагов. А кто злейший враг леса? Как это ни парадоксально звучит — человек. И здесь лесоводам приходят на помощь писатели. На языке образов нам надо объяснить людям, что такое для всех нас природа, наша флора и фауна, объяснить это на языке фактов. Вот с этого и началось содружество писателей Латвии с работниками лесного хозяйства и лесной промышленности. Счастливой была мысль — проводить совместно литературные конкурсы, посвященные теме охраны природы. В минувшем году лучшее стихотворение о лесе написала Ария Элксне. И другие известные наши поэты оказались в числе победителей конкурса прошлого года — Арвид Скалбе, Имант Зиедонис, Марис Чаклаис. И вот вновь подведены итоги второго тура конкурса, организованного Министерством лесного хозяйства и лесной промышленности республики, издательством «Лиесма» и Союзом писателей Латвии. На этот раз в нем приняли участие не только поэты, но и представители практически всех литературных жанров. Первыми премиями отмечены рассказ Владимира Каияка и цикл стихов молодой поэтессы Анды Лице, что особенно приятно. Среди победителей — прозаик Регина Эзера, очеркисты Олаф Гутманис и Арнольд Аузинь, драматург Дзинтра Журавска. На суд жюри представили свои стихи, и весьма удачные, многие молодые поэты. В результате решено издать коллективный стихотворный сборник о лесе, его людях.

Конечно же, наше содружество не ограничилось одними только конкурсами. Все чаще приезжали писатели на лесные делянки, встречались с лесничими, рабочими многих леспромхозов — Юрмалского, Кулдигского, Смилтенского и других. Устраивали мы и вечера. Средства, вырученные от платных мероприятий, перечисляются в фонд национального парка «Гауя» — красы и гордости Латвии. С острыми публицистическими материалами об охране природы в газете «Литература ун максла» выступили Ояр Вациетис и Андрис Якубан. В последнем стихотворном сборнике Яниса Петерса большой цикл посвящен лесу, его людям.

Да, можно смело сказать, что мы успели достаточно хорошо познакомиться с нашими современниками, труд и жизнь которых посвящены лесу. Кто же они, эти люди? Отличные специалисты, до тонкостей знающие свое дело и чуть ли не каждого человека в любом леспромхозе, энергичные организаторы — министр Л. Витолс, его заместители Я. Ванагс и Я. Рубенис (забавное совпадение, но оно кажется не случайным — даже их фамилии свидетельствуют о причастности к лесу, по-русски они звучат как Ива, Ястреб, Тетерев), это инженер по охране леса охотничьего хозяйства А. Блаус, шоферы М. Меллуп и К. Озолиньш, рабочие И. Арпс и Г. Курпниек, бригадиры Я. Борис, С. Супе, И. Бумбиере из разных леспромхозов республики, это многие другие лесничие, рабочие, инженеры, ученые. Разные, конечно, все это люди, но, видимо, близость к природе как-то объединяет, сближает их и придает им общие черты. Именно это сделало их характер, как правило, спокойным, уравновешенным, волевым. Люди леса уверены в себе, но не самоуверенны.

Когда в зале нашего Союза писателей их звучные, привыкшие перекликаться голоса сливаются в песне — ну, конечно же, о лесе, — просто физически видишь бронзовые стволы сосен, слышишь шелест дубрав.

Труд этих людей устремлен в будущее. Люди, работающие для будущего, становятся бессмертными. И спокойными, уверенными в себе, в деле своих рук. Под сенью посаженных сегодня ими деревьев будут играть дети и внуки. Отсутствие наглядных результатов труда, опрокидывая понятия мещан, только придает им энтузиазм. Впрочем, энтузиазм в этом случае — чисто профессиональная черта.

Это только несколько штрихов эскиза к групповому портрету. Но он будет создан моими коллегами — латышскими писателями, которые расскажут о людях, чьи судьбы так прочно связаны с лесом, родной природой, будущим.

РИГА

МИРМУХСИН:

КАРАДЖАН МИНГБАЕВ И ДРУГИЕ

ИЗВЕСТНЫЙ узбекский писатель Мирмухсин завершил работу над новым романом «Чаткальский тигр».

Более десяти лет назад на берега бурного Чирчика пришли строители и в глубоком Чарвакском ущелье отсыпали гигантскую плотину. Уникальную, каменно-набросную, высотой 168 метров. Капризную реку направили в новое русло и заставили крутить лопасти четырех турбин гидростанции мощностью 600 тысяч киловатт. В города и села Средней Азии и Казахстана отсюда полилась непрерывным потоком дешевая электроэнергия. 2 миллиарда кубометров воды стала сдерживать богатырская грудь Чарвакского гидроузла...

О строителях, об их судьбах, о том, как вместе с плотиной и гидроэлектростанцией росли и мужали люди разных национальностей, об их дружбе и рассказывает новый роман Мирмухсина. Год за годом писатель внимательно наблюдал за стройкой. Он кропотливо вникал в ее будни. Мирмухсин был свидетелем того, как вынимали первый ковш грунта из котлована под здание будущей станции, как рос в горах красавец-город. Много событий свершилось здесь за эти десять лет. И ни одно из них не прошло мимо внимательных глаз писателя, каждое вызвало какие-то раздумья. Но перекрытие Чирчика, заполнение Чарвакского водохранилища, пуск первого агрегата — все это зримые, но, так сказать, внешние этапы в истории стройки и судьбах ее людей. Писатель же старался подметить, проследить, суммировать и обобщить те духовные, моральные сдвиги и изменения, которые произошли в характерах людей самых разнообразных профессий, познавших радость труда, счастье большой дружбы.

— Главный герой романа — рассказывает Мирмухсин — Караджан Мингбаев уроженец этих горных мест, из кишлака, что притулился на одном из склонов Чаткальского хребта. За это он и получил прозвище «Чаткальский тигр». На фронте он горел в танке. После войны стал гидростроителем и с первого до последнего дня трудился на стройке. На примере его жизни и жизни окружающих его людей я и хотел показать судьбы и характеры своих современников, ту огромную энергию души, которая созидает и движет время вперед.

Отвечая на мой вопрос, можно ли назвать конкретных строителей, ставших прототипами героев романа, писатель улыбнулся, пожал плечами:

— Можно, конечно. Только боюсь, что это будет очень длинный перечень. Все герои моего романа имеют реальное основание, но я писал художественное, а не документальное произведение. Это плод не только наблюдений и раздумий, но и писательского вдохновения.

Перелистываю страницы только что законченной рукописи и по лицу автора вижу, что он гордится проделанной работой и в то же время волнуется за свое детище. Волнуется потому, что судьбы героев — это и его судьба. Их души — это и какая-то самая сокровенная часть его авторской души. Как-то оценит их жизнь и труд читатель, как поймет и воспримет...

В. ТЮРИКОВ,
собственный корреспондент «ЛГ»

ТАШКЕНТ

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРА

Михаилу ДУДИНУ — 60 лет

В связи с 60-летием со дня рождения Михаила Александровича Дудина секретариат правления Союза писателей СССР направил юбиляру приветствие, в котором говорится:

«Дорогой Михаил Александрович! Вот и Вам, сверстнику Великого Октября, исполняется 60 лет. Большой трудовой, ратный и творческий путь пройден Вами, и в нем отразились великие события истории нашего народа и государства.

Вы были пионером двадцатых годов. Вы стали достойным представителем рабочего класса в родном Вам Иванове в тридцатые годы. Ваши сверстники помнят Вас отважным солдатом Великой Отечественной. И сейчас Вы — видный общественный деятель — неустанно воюете в передовом строю убежденных борцов за мир.

Ваш поэтический талант окреп и закалился в сражениях Великой Отечественной войны, проявился в безграничной любви к Родине и ненависти к фашизму. Мы помним, что одна из ярких страниц Вашей солдатской биографии связана с героической обороной полуострова Ханко. В тех жесточайших боях не покидали Вас бодрость и вера в победу. Ваши стихи военных лет остались в истории сражавшегося народа как документ несгибаемого мужества и оптимизма.

Ваши высокоталантливые книги пронизаны идеями гуманизма, отражающими нравственную силу советского человека, строителя и солдата, убежденного интернационалиста, пронизаны верой в коммунистические идеалы.

Неотделима Ваша поэзия и от героического Ленинграда — города, с которым связана большая часть Вашей яркой творческой жизни. Мужественным и победным, суровым и радостным предстает он в Вашем неповторимом изображении.

Мы высоко ценим Вашу многогранную общественную деятельность — депутата Верховного Совета РСФСР, члена правления Союза писателей СССР, председателя Ленинградского комитета защиты мира, неустанного и вдумчивого наставника молодых литераторов.

Поздравляя Вас с днем Вашего юбилея, мы желаем Вам, дорогой Михаил Александрович, доброго здоровья, новых творческих достижений, большого счастья. Верим, что Ваша вдохновенная лира будет звучать долгие и долгие годы, призывая советских людей к новым героическим свершениям».

Поздравил юбиляра также секретариат правления Союза писателей РСФСР.

НА ПЕРВОМ РУБЕЖЕ

КОГДА стрелки на часах Времени — этого самого неумолимого механизма на свете — показывают шестьдесят, люди подводят итоги. И в зависимости от того, как сложилась жизнь, юбилейное вино кажется виновнику торжества сладким или горьким.

Вино Михаила Дудина не горчит. Он всегда жил яростно и напряженно, с полной отдачей.

Он был на первом рубеже
Той полковой разведки
боем,
Где нет возможности уже
Для отступления героям.

Эти предельно точные и откровенные строки, посвященные поэтом Твардовскому, я отношу и к самому Дудину.

Он был на первом рубеже свирепой зимой тридцать девятого года, в ледяном аду Карелии, «на той войне незнаменитой».

Он был на первом рубеже Великой Отечественной. Дудин — защитник легендарного полуострова Гангута (Ханко).

Гангутцы сумели выстоять, не отступить даже в самые трагические дни сорок первого года. Они отошли только по приказу командования с громадными потерями, но в полном порядке, сохранив тылы и обозы.

Как отзывался тогда в сердце сражающегося народа мужественный голос боевого офицера Дудина:

Не взяли нас ни сталью,
ни огнем,
Ни с воздуха, ни с суши
и ни с моря.
Мы по земле растоптанной
пройдем,
В других местах,
с другим врагом поспоря.

...Такие не боятся
и не гнутся.
Так снова в бой
и снова так дерись,
Чтоб слово, нас
связавшее, — гангутцы —
На всех фронтах
нам было как девиз.

Самой большой боевой наградой Дудина я считаю тот исторический факт, что имя его было занесено в черный список тех, кого фашисты обещали повесить в первую очередь.

Такой «чести» малоизвестный тогда молодой поэт удостоился за то, что вместе с художником Б. Пророковым составил весьма непочтительный ответ маршалу Маннергейму, предложившему гангутцам сдаться, — ответ, схожий с письмом, посланным некогда запорожцами турецкому султану...

А после Гангута — Ленинградский фронт, где и окопа-то не выроешь, потому что кругом болота. И девятьсот страшных блокадных дней. И стихи — знаменитые стихи, которые бойцы переписывали и посылали в солдатских треугольниках домой:

Он не дожил, не долюбил,
не допил,
Не доучился,
книг не дочитал.
Я был с ним рядом.
Я в одном окопе.
Как он о Поле,
о тебе мечтал.

И, может быть, в песне,
в размытой глине,
Захлебываясь
в собственной крови,
Скажу: «Ребята,
дайте знать Ирине:
У нас сегодня пели
соловьи».

Имя М. Дудина, как и имя О. Берггольц, навсегда теперь спаяно с Ленинградом.

И «на гражданке», в мирной жизни поэт снова оказался «на первом рубеже». Человек несокрушимого морального здоровья, он по-солдатски быстро мобилизовал себя, чтобы из певца во стане русских воинов стать певцом на полевом стане, певцом тех, кто поднимает страну из послевоенной разрухи и обогревает исстрадавшиеся человеческие души.

Герои его поэм «Учитель» и «Хозяйка» — люди величайшей скромности, мужества и доброты:

...Помогаешь другим.
И свое забывается горе.
Неизбывной любовью
Прекрасна простая душа.

И, словно один постоянный фон на разных полотнах художника, за стихами Дудина всегда просматривается любовь к «милому северу»:

Зима! Люблю твой снег
мохнатый,
В густом лесу,
в пустых логах,
Где дуб выносит,
иль сохатый,
Подушки пуха на рогах.

Дудин много ездит не только по стране, но и по всему свету. Крутится, крутится перед внимательными глазами поэта мировая карусель: «Неаполя печальные трущобы», американцы, которые «курят в Ватикане, и папа отпускает им грехи», палач, разводящий на отдыхе кактусы...

Убежденный, истинный интернационалист, Дудин болеет болью Вьетнама, мучается мукой Хиросимы, пепел Лидице стучит в его сердце.

А над всем этим безумным, безумным, безумным миром, содрогающимся от взрывов и поп-музыки, от любви и ненависти, возвышается бронзовая фигура советского солдата-освободителя, навеки «прописанного» в берлинском Трептов-парке:

Он родом из Орла
иль Вятки
А вся земля его тревожит.
Его в России
ждут солдатки.
А он с поста сойти
не может.

«Вся земля его тревожит» — так можно сказать и о самом Дудине.

И люди, однажды полюбившие его стихи, никогда этой любви не изменяют.

Читатели остаются верны поэту потому, что поэт всегда верен себе самому — пишет только о наболевшем и значительном, а не шарахается в разные стороны в погоне за очередной сенсацией, за сиюминутной модой, которая, как и все моды, мгновенно устаревает...

Талант не имеет возраста — ему не нужна скидка ни тогда, когда художнику двадцать, ни тогда, когда ему шестьдесят. Последние стихи Дудина радуют своей молодостью так же, как и первые.

В чем же секрет этой вечной молодости? Не его ли раскрывает поэт в стихотворении, как бы являющемся эпиграфом к последней выпущенной книге!

...Но, как защита жизни,
в нас
Живет со дня творенья
Неиссякаемый запас
Любви и удивленья.

«Неиссякаемый запас любви и удивленья» — наверное, это особое, врожденное свойство души, свойство, без которого нет поэта. Для настоящего художника любить важнее, чем быть любимым, умение удивляться важнее умения удивлять...

Поэта нет и без биографии, без судьбы. Судьбу же, как известно, люди складывают сами. Сложил ее и Михаил Дудин, ушедший некогда добровольцем в ледяной ад Карелии, разделивший со страной ее великие испытания, познавший счастье ее великих свершений.

«Он был на первом рубеже...» Он остается на нем и сейчас.

Юлия ДРУНИНА

* *

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

БИОГРАФИЯ КНИГИ

ЛАДОНЕЙ РАБОЧИХ ТЕПЛО

В день пуска «Уралмаша», а было это более сорока лет тому назад, А. М. Горький в приветственном письме коллективу строителей писал: «Горячий привет строителям Уралмашстроя! Вот пролетариат-диктатор создал еще одну могучую крепость, возвел еще одно сооружение, которое явится отцом многих заводов и фабрик».

С легкой руки Максима Горького Уральский завод тяжелого машиностроения имени Серго Орджоникидзе и поныне называют «отцом заводов». Где только не встретишь сегодня машины и станки, прокатные станы и буровые установки, шагающие экскаваторы и гидравлические прессы с маркой «УЗТМ»! Они всюду, где идет стройка, где бьется индустриальное сердце страны.

Из-под пера многих писателей вышли книги, действия которых развертываются в цехах завода-гиганта. Вот и сейчас Средне-Уральское книжное издательство выпустило в свет новый сборник об «Уралмаше» — «Ладоней рабочих тепло».

Биография этой книги такова. Года два назад в красном уголке цеха крупных узлов Уралмашзавода состоялось собрание, на котором вместе с рабочими присутствовали свердловские писатели. Литераторы говорили о своих творческих планах, а рабочие, высказав мнение по ряду изданных книг, посоветовали писателям создать сборник очерков об уралмашевцах — героях пятилеток.

Так родилось творческое содружество свердловских писателей с коллективом прославленного завода. Оно было скреплено договором. С того дня многие прозаики и поэты Свердловска получили постоянные пропуска на «Уралмаш».

И вот результат содружества — книга очерков об уралмашевцах. Здесь рассказ о первом директоре завода Александре Банникове и о мастере-ветеране Михаиле Попове, строгальщике Иване Мишакове и токаре Валентине Козловой, главном конструкторе гигантского шагающего экскаватора Борисе Сатовском и слесаре-лекальщике Анатолии Чугунове, сталеваре Ефиме Журавлеве и расточнике Сергее Козлове, о многих других станочниках.

В сборнике опубликованы стихи свердловских поэтов о людях завода. Постарались и издатели. Они хорошо проиллюстрировали книгу.

Сборник «Ладоней рабочих тепло» — начало большой творческой деятельности, которую наметили на нынешнюю пятилетку уральские литераторы. «В будущем видится серия книг «Люди Уралмаша», — говорит во вступительной статье к сборнику ответственный секретарь Свердловской писательской организации поэт Лев Сорокин. — Это будут объемные очерки-портреты или сборники лучших стихов, рожденных на УЗТМ».

Ю. ЛЕВИН

СВЕРДЛОВСК

ПЛЕНУМЫ

ВЕДУЩАЯ ТЕМА ТВОРЧЕСТВА

— В нашем коллективе за последнее время побывало немало дорогих гостей — писателей. И особенно приятно, что свой очередной пленум, посвященный особенно близкой для нас теме «Писатель и пятилетка», решено провести на нашем предприятии, — так начал свое выступление на недавно состоявшемся в Ашхабаде пленуме правления СП Туркменистана директор стекольного комбината имени В. И. Ленина Ю. Ханис.

Туркменских литераторов с коллективом этого старейшего предприятия строительной индустрии республики связывает давняя дружба.

В докладе председателя правления СП ТССР Т. Курбанова «Писатель и пятилетка», в выступлениях писателей А. Аборского, Н. Байрамова, К. Бердыева, К. Курбаннепесова, М. Курбанклычева и других были глубоко проанализированы произведения последних лет.

Тема труда, жизни современного рабочего — одна из ведущих и постоянных в творчестве многих писателей.

Решено чаще посылать литераторов в творческие командировки на новостройки пятилетки, к хлопкоробам, чабанам. Большая группа мастеров слова скоро поедет к добытчикам «черного золота». Будет издан коллективный сборник очерков и рассказов о героях пятилетки.

На пленуме решен ряд организационных вопросов. Избран президиум правления СП республики. Редактором газеты «Эдэбият ве сунгат» утвержден К. Бердыев, редактором журнала «Ашхабад» — В. Рыбин, редактором журнала «Совет эдебиаты» — К. Курбаннепесов.

Наш корр.

АШХАБАД

ПИСАТЕЛЬ И ЧИТАТЕЛЬ

Римма Казакова среди студентов Тамбовского института химического машиностроения.

Фото **В. БОГДАНОВА**

литературная панорама

ИТОГИ КОНКУРСА

Жюри конкурса на лучшую научно-популярную книгу о социалистическом реализме, рассмотрев представленные рукописи, приняло решение о присуждении премий победителям конкурса. Лауреатами стали Т. Н. Батурина (Ставрополь), Ю. А. Андреев (Ленинград), В. И. Баранов (гор. Горький), С. М. Петров (Москва).

Корреспондент «ЛГ» обратился к председателю жюри конкурса М. Н. ПАРХОМЕНКО с просьбой рассказать о цели конкурса, его участниках и результатах.

— Главное, к чему стремились организаторы и устроители конкурса — секретариат правления СП СССР и Госкомиздат СССР—заключалось в мобилизации сил наших теоретиков на создание научно-популярной книги о творческом методе советской литературы. Книги для самой широкой читательской аудитории. В нашей стране с первых дней возникновения социалистического государства осуществляется двусторонний процесс движения искусства к народу и народа к искусству. В этом знаменательном процессе вряд ли можно недооценивать роль теории искусства, эстетики литературно-художественной критики. Точно так же нельзя по старинке представлять уровень читательского интереса к теоретической литературе. Наше время безмерно раздвинуло круг эстетических, художественных запросов советских людей, проявляющих все более глубокий интерес к проблемам развития всех видов искусств.

Исходя из вышесказанного понимало свои задачи жюри нашего конкурса. При разумеющейся обязательности высокого теоретического уровня особое значение мы придавали таким достоинствам, как доступность, живость и образность изложения научно-теоретических понятий, концепций, проблем.

В конкурсе участвовали видные советские литературоведы и критики, а также молодые авторы. Среди наших лауреатов — известный профессор, доктор филологических наук С. Петров, удостоенный премии за рукопись «Социалистический реализм в художественной литературе», доктор филологических наук, автор историко-теоретического труда «Революция и литература» Ю. Андреев, представивший на конкурс свою новую работу «О реализме социалистическом», автор одной из лучших работ о литературной Лениниане — «Правда образа — правда истории» доктор филологических наук В. Баранов, отмеченный званием лауреата за рукопись «Орудие познания и борьбы. Раздумья о социалистическом реализме как методе художественного мышления», и, наконец, Т. Батурина, кандидат филологических наук, доцент Ставропольского педагогического института. Она удостоена премии за работу «Факел в сердце» (очерки о социалистическом реализме).

Главный результат конкурса — его практическая отдача. Создана библиотека научно-популярной литературы о социалистическом реализме как творческом методе советской литературы и самом перспективном направлении мирового литературного развития.

ИЗДАНО НА ФИНСКОМ ЯЗЫКЕ

ДЕЛОВЫЕ КОНТАКТЫ

На полках книжных магазинов Хельсинки и многих других городов страны Суоми в многокрасочной панораме изданий можно увидеть книги, на обложках которых — имена известных советских писателей. В последнее время в переводе на финский язык вышли «Они сражались за Родину» М. Шолохова, «Две зимы и три лета» Ф. Абрамова, «Друзья» Г. Бакланова, «Дожить до рассвета» В. Быкова, «В час дня, Ваше превосходительство...» А. Васильева, «Осень в дубовых лесах» Ю. Казакова, «Повесть о жизни» К. Паустовского, «Дни и ночи» и «Незадолго до тишины» К. Симонова, «Танец вокруг парового котла» М. Траата...

До конца года финские издательства выпустят еще шесть произведений советских писателей. Среди книг, которые читатели Финляндии получат в будущем году, — произведения, представляющие нашу современную многонациональную литературу.

Все это свидетельствует о все возрастающем интересе финской общественности к советской культуре.

Два года назад в Хельсинки и в Москве проходили переговоры между Всесоюзным агентством по авторским правам и Ассоциацией финских издателей, во время которых определялись формы практического сотрудничества на основе Всемирной конвенции об авторском праве. Были выработаны типовые контракты и условия издания книг авторов двух стран. Эти взаимные связи и их плодотворный характер особенно стали ощутимы после Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе.

Известные книгоиздательские фирмы «Вернер Седерстрем», «Отава», «Тамми», «Арви Каристо», «Вейлин и Геес», «Кансанкультури», «Кирьяюхтума», «Гаудеамус» и «Гуммерус» заключили с ВААП 35 контрактов на выпуск произведений советской литературы.

По инициативе Союза рабочих театров и общества «Финляндия—СССР» к 60-летию Великого Октября и 60-летию независимости Финляндии пройдет Год советской драматургии. В это время около 140 театров страны намерены поставить пьесы советских авторов.

В свою очередь советские читатели имеют большие возможности знакомиться с произведениями финской литературы, драматургии, музыки. В нашей стране изданы произведения таких классиков финской литературы, как И. Рунеберг и Ц. Топелиус. В СССР трижды выходил роман А. Киви «Семеро братьев». Отдельными книгами или в сборниках издавались произведения Ю. Ахо, Т. Паккала, М. Лассила, В. Линна, М. Ларни, В. Мери, Ф. Силланпя, П. Хаанпяя, С. Кекконен, П. Ринтала, Э. Лейно. Многие из этих книг печатались на языках народов СССР.

На сцене десяти советских театров идут пьесы популярных финских драматургов — Х. Вуолийоки, М. Ларни, Л. Хармя и других. Руководитель Ассоциации финских издателей Х. Реенпяя на проходившей недавно в Японии XX конференции международной ассоциации издателей так охарактеризовал итоги деятельности ВААП. «Три года прошло с тех пор, — говорил он, — как Советский Союз присоединился к Всемирной конвенции об авторском праве. Начальный период трудностей и предубеждения остался позади. Сейчас контакты между ВААП и странами — участницами конвенции носят хороший, деловой характер... Опыт показывает, что прямые контакты и реалистические цели дают хорошие результаты».

Наш корр.

ПРИВЕТСТВЕННАЯ ТЕЛЕГРАММА

Норвежская писательница Турборг Недреос широко известна как автор романа «Музыка голубого колодца» и сборника рассказов «За шкафом стоит топор». В связи с семидесятилетием Т. Недреос секретариат правления Союза писателей СССР направил ей следующую телеграмму:

Дорогой друг!

В день Вашего славного юбилея мы, советские писатели, шлем Вам сердечные поздравления и пожелания крепкого здоровья, радости и новых творческих удач.

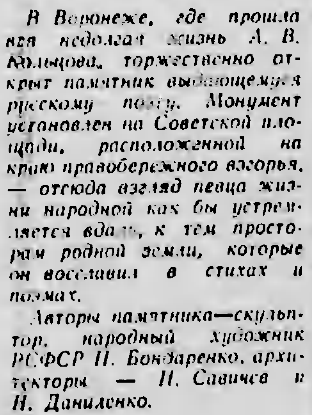
Ваше творчество, сочетающее подлинный реализм с тонкой поэтичностью, проникнуто любовью к человеку и глубокой верой в него.

Ваши произведения — свидетельство неувядаемой молодости и творческого совершенства. Советские читатели знают и ценят Ваши книги, Вас — мужественного борца за мир и прогресс.

СЫНУ РОССИИ

В Воронеже, где прошла вся недолгая жизнь А. В. Кольцова, торжественно открыт памятник выдающемуся русскому поэту. Монумент установлен на Советской площади, расположенной на краю правобережного взгорья, — отсюда взгляд певца жизни народной как бы устремляется вдаль, к тем просторам родной земли, которые он восславил в стихах и поэмах.

Авторы памятника—скульптор, народный художник РСФСР И. Бондаренко, архитекторы — И. Савичев и И. Даниленко.



Булат ОКУДЖАВА:

ДАЛЕКОЕ И БЛИЗКОЕ

ИНТЕРВЬЮ В КОМАНДИРОВКЕ

Этот разговор с Булатом Окуджавой происходил в Кишиневе. Окна гостиницы, где остановились писатели — участники Дней советской литературы в Молдавии, смотрели в старый парк. Парк имени Пушкина. Его каштановые аллеи сходятся к памятнику, на мраморной колонне высечены строки: «Здесь, лирой северной пустыни оглашая, скитался я...». Этот парк, Пушкинская горка, музей поэта, сохраненные для потомков дома, где звучал его голос, — все здесь настраивало на историческую волну, вело разговор к Пушкину, к декабристам.

В этот день писатели ездили в село, которое ныне носит имя поэта, — раньше оно называлось Долна, — именно тут, в бессарабской степи, в шатрах кочующих цыган, у ночных костров увидал Пушкин героев своей поэмы — Алеко, старика-цыгана, Земфиру. В окрестностях села и по сию пору бьет источник, который народная молва связывает с именем Земфиры. Гостей водил по парку, показывал экспозицию, разместившуюся в бывшем доме боярина Ралли, где бывал поэт, директор Кишиневского музея Пушкина В. М. Субботин.

— Я знаю Субботина давно. Когда первый раз приехал я Кишинев, мои друзья-писатели прежде всего повели меня в пушкинский дом,— рассказывал Булат Шалвович. — Субботин — прелестный человек. Он привлек меня своей безграничной приверженностью к Пушкину.

— *Вы тогда задумывали книгу о Пестеле и приехали в Молдавию за материалом для нее?*

— Нет, книга была уже написана, и кишиневские материалы пока не пригодились. Пока, а там кто знает... А тема декабристов пришла в Ленинграде, где я жил некоторое время. Тогда я написал даже пьесу о декабристах, как теперь понимаю, слабую, хотя она идет, по-моему, до сих пор. Пьеса-то слабая, а интерес к декабристам возник.

Обращение к былому, отдаленному от нас столетием и более, углубленный взгляд в историю, художническое освоение таких ее ключевых явлений, как декабристы. Атрибуты истории вошли даже в песни Булата Окуджавы, вспомним хотя бы «Батальное полотно».

— *Почему вы увлеклись историей?*

— Я часто думаю об этом, но точного ответа найти не могу. Нашел однажды удобную формулку: «Чем лучше знаешь свое прошлое, тем легче предвидеть свое будущее», но с помощью афоризма, как известно, немногое объяснишь. Если же говорить серьезно, две вероятные причины нечетко, как в тумане, маячат предо мной. Первая из них, мне кажется, вот какая: лет пятнадцать назад у нас значительно усилился интерес к отечественной истории. Появилось много новых специальных исследований, резко возросло число завсегдатаев букинистических магазинов, мемуары и письма деятелей минувших времен пошли на вес золота, внезапно читателям почему-то понадобилось знать: умер Николай I от очередного недуга или наложил на себя руки, убоявшись позорного исхода Крымской войны... Ну что ж, повышенный интерес к отечественной истории — вещь полезная, а люди, испытывающие его, достойны всяческих похвал. Так почему же и мне не быть подверженным эпидемии! Вот я и болею. Вторая причина, если я не ошибаюсь, такова: есть литераторы, которые могут описывать только то, что пережили сами; есть такие, которые, напротив, наиболее удачливы в своих работах, рожденных из пены фантазий и вымысла; есть литераторы, для пера которых вчерашний день теряет свою привлекательность, и только торопясь по свежим следам событий, они создают свои произведения... Я много лет проработал в газете, но ушел из нее, ибо самым трудным для меня было описание того, что вижу в данный момент. Мой первый опыт в прозе (повесть «Будь здоров, школяр») родился через восемнадцать лет после самих событий, и его уже в известной мере можно было считать историческим. Итак, недостатки моей натуры плюс увлеченность отечественной историей — вот, пожалуй, две причины, о которых следует упомянуть.

Перед отъездом в Молдавию пришел девятый номер «Дружбы народов» с окончанием первой книги нового романа Булата Окуджавы «Путешествие дилетантов. Из записок отставного поручика Амирана Амилахвари». Я не читала предыдущей — ждала завершения и оба номера взяла с собой. В Кишиневе раскрыла журнал:

«Я присутствовал на поединке в качестве секунданта князя Мятлева». Почему-то сразу выпрыгнули строки Лермонтова «Из альбома С. Н. Карамзиной»:

Люблю я парадоксы ваши,
И ха-ха-ха, и хи-хи-хи,
Смирновой штучку, фарсу Саши
И Ишки Мятлева стихи...

И подумалось: первая историческая повесть была о Пестеле, потом «Похождения Шипова» — о суете вокруг Толстого, а сейчас, верно, роман о поэте Мятлеве. Но, оказалось, книга не о нем.

— Нет, нет. Это подлинная история, но поэт Мятлев тут ни при чем. По документам это князь Трубецкой, Сергей Трубецкой, один из приятелей Лермонтова. Я просто взял другую фамилию, первую попавшуюся, потому что не собирался писать биографию Трубецкого. И потом, изменение фамилии дает простор воображению.

— *Авросимов, Шипов — «маленькие» люди, попавшие в водоворот истории. Это уже вроде бы стало закономерностью вашей прозы: герой — негерой, а события интерпретируются им. Какова тут авторская цель?*

— Собираясь писать о Пестеле, я стал листать стенограммы допросов декабристов, и они поразили меня своей неграмотностью. Я представил молодого писаря, наивного, полуграмотного, который впервые сталкивается с таким серьезным политическим явлением, как декабристы. Через его восприятие я попытался показать, как проявилось влияние декабристов на последующие поколения. Это об Авросимове, что же касается Шипова, — нашел сюжет, который меня заинтересовал, показался любопытным, и стал писать. Но получилось так, что опять о «маленьком» человеке. А третью вещь пишу не о «маленьком» человеке, а о представителе русской аристократии, но, думаю, по сути они все одинаковы. Он тоже «маленький» человек.

Я никогда не ставил перед собой задачу описывать так называемых «маленьких» людей. Но это действительно происходит, и я объясняю это тем, что знаменитые личности всегда в глубине души знают, что они знамениты. В силу чего это произошло — личных качеств или исторических обстоятельств — неважно, важно, что они об этом знают, и это придает им, их поведению, их поступкам, их интонациям, их воззрениям определенный, приличествующий их положению флер, в то время как люди обыкновенные, «маленькие» всегда в этом смысле более натуральны.

— *Итак, вы заняты исторической прозой...*

— Мне не очень понятно выражение «историческая проза». Это что, в отличие от прозы современной? А где грань меж тем и этим? Время столь относительно и стремительно, что установить такую грань не в человеческих возможностях, да и нужно ли это? Любой художник изучает время, о котором пишет. Чем оно от него отдаленней, тем больше бумажек для изучения. Вот и все. Но главное начинается уже потом, когда происходит процесс «оживления» материала, и еще позже, когда автору наконец удается воплотиться в облюбованные им персонажи. Посудите сами, разве можно считать Льва Толстого, создавшего эпопею «Война и мир», историческим прозаиком? Или Гоголя, написавшего «Тараса Бульбу»? Или Тынянова?.. Да, они художники, а не исторические романисты. Есть писатели, беллетризующие заинтересовавшее их историческое явление, они создают иллюстрации эпохи, оставаясь пленниками документов. Есть художники, для которых исторический факт — реторта с кипящими в ней человеческими судьбами, нравственными проблемами... Первые стремятся показать, как это было, вторые — что было и почему. Мне всегда больше импонировали вторые. Отсюда и направленность моих несовершенных усилий. Короче, исторический материал, попавший мне в руки, подвергается такому воздействию, что, если бы современник моих персонажей ожил, он не сразу понял бы, где находится. К счастью, этого не происходит, а я утешаю себя тем, что пишу не пособие для изучающих историю, а описываю достойных моего пристального внимания людей в чрезвычайных обстоятельствах, на историческом материале, который за давностью мне легче осмыслить. (Кстати, существовало, а может, существует и сейчас мнение, что я пишу исторические вещи для того, чтобы с помощью истории намекнуть на события современности. Думаю, что это нелепость, ибо истинное безумие — много лет собирать материал, изучать его только для того, чтобы намекнуть на современность. Конечно, история человечества всегда полна аналогий и параллелей, и каждый воспринимает их, как говорится, в меру своей испорченности.)

Размышления о романе вылились в стихотворение, которое даже стало песенкой. Она называется «Я пишу исторический роман» и посвящена Василию Аксенову:

В склянке темного стекла
из-под импортного пива
роза красная цвела
гордо и неторопливо.
Исторический роман
сочинял я понемногу,
пробиваясь, как в туман,
от пролога к эпилогу.

Каждый пишет, как он слышит.
Каждый слышит, как он дышит.
Как он дышит, так и пишет,
не стараясь угодить.
Так природа захотела.
Почему — не наше дело,
для чего — не нам судить.

Были дали голубы,
Было вымысла в избытке.
И из собственной судьбы
я выдергивал по нитке.
В путь героя снаряжал,
наводил о прошлом справки
и поручиком в отставке
сам себя воображал.

Вымысел не есть обман.
Замысел — еще не точка.
Дайте дописать роман
до последнего листочка.
И пока еще жива
роза красная в бутылке,
дайте выкрикнуть слова,
что давно лежат в копилке.

— *«Литературная газета» напечатала два ваших рассказа — «Утро красит нежным светом...» и «Частная жизнь Александра Пушкина», целиком построенных на эпизодах вашей жизни. Это случайность — появление двух автобиографических рассказов или вами начат какой-то цикл?*

— Я не думал заниматься рассказами, но однажды меня «соблазнил» Георгий Дмитриевич Гулиа. Он так живописал мне мой будущий рассказ, что я не мог не сесть за работу. Получилась смешная и грустная история о том, как я ушел воевать. Спустя год Гулиа напомнил мне, что я иногда могу писать и о более близких временах, чем девятнадцатый век. Он сделал это так тонко и деликатно, что я снова не смог ему отказать и написал правдивую историю, как я в молодости, страдая самомнением, опростоволосился. И тут вдруг у меня возникла мысль: а что, если я постепенно составлю книжку рассказов, где, не скрывая ничего, откровенно «вывернусь наизнанку»? Вот такие рассказы, ироничные и бескомпромиссные: один о том, как я попал на фронт; второй — как читал в деревне лекцию, не имея представления, что такое лекция; третий — как я ухаживал за девочками и чем все это кончилось; и еще один военный рассказ, и еще один из мирных дней и т. д. Может быть, получится повесть, в которой смогу исповедаться во множестве собственных прегрешений, и, может быть, кому-нибудь это покажется интересным...

— *Что же проза совсем вытеснила стихи?*

— После большого перерыва — последний сборник «Март великодушный» был в 1967 году — «Советский писатель» выпустил только что новую книгу — «Арбат, мой Арбат». Хочется писать стихи, а получается мало: одно-два стихотворения в год...

— *Вот вы, Булат Шалвович, как говорится, ушли с головой в историю, не обходитесь, верно, без архивных разысканий, без чтения бумаг о «делах давно минувших дней», и в то же время вы много ездите по стране, не так давно были на Севере, теперь приехали в Молдавию. Что дают вам эти поездки?*

— Писателю любое путешествие что-то дает. Я уже говорил, что не умею писать по горячим следам, но всякая поездка — накопление впечатлений, которые затем в моем производственном аппарате преобразуются в материал, мне необходимый. Дорожные встречи, разговоры, радости и печали — это все сырье или импульсы, без которых, наверное, было бы несколько труднее воображать себе ситуации девятнадцатого века. Есть литераторы, которые умеют превращать в факт литературы свои впечатления от поездок. Я нигде впрямую не использовал виденное мной в многочисленных поездках по Сибири, по северным областям страны, но заметил, что после каждой из них моя работа становится интенсивней и насыщенней.

Интервью вела Ирина РИШИНА

СЛОВО ПРОЩАНИЯ

Казалось, веку не будет этому по-сибирски могутному, кряжистому человеку, человеку большой и доброй души, самородного таланта, проникновенной любви к людям, к родной природе — Кондратию Урманову.

Да он и прожил немалую и нелегкую жизнь — лишь на девятом десятке лет его внезапно свалил и отторг от нас тяжкий недуг.

Любя, мы называли его в своей среде патриархом Кондратием — он и был не только старейшиной литературной Сибири, но и одним из самых заслуженно чтимых целыми поколениями читателей певцов и летописцев земли сибирской.

Сверстник и сподвижник, близкий друг Вс. Иванова, Лидии Сейфуллиной, Анны Караваевой, Вл. Зазубрина, В. Правдухина, Ф. Березовского, Еф. Пермитина и других зачинателей советской литературы, К. Урманов вместе с ними разжигал литературный горьковский костер — «Сибирские огни» и до конца жизни оставался верным «огнелюбом». Он являл собою живую историю развития литературы в Сибири, ее славных творческих традиций, оказал благотворное влияние на формирование последующих поколений писателей-сибиряков.

Его книги «Гневные годы», «Путь славных», многочисленные рассказы талантливо, живописно запечатлели героические дни революционного движения и гражданской войны в Сибири и будут еще долго служить воспитанию наших молодых поколений.

Неповторимой поэтической проникновенностью и обаянием, щедростью души художника, любви к родной сибирской природе, ко всему живому полны книги К. Урманова «Солнечный круг», «Березы в алмазах» и многие другие, давно и прочно вошедшие в основной круг детского чтения наряду с такими прекрасными образцами, как произведения М. Пришвина, В. Бианки и других классиков детской литературы.

Ушел из жизни наш «дядя Кондрат», но чудесные, живые страницы его книг, его большой человеческий образ не перестанут привлекать и волновать сердца и память его благородных земляков, всех советских читателей.

А. КОПТЕЛОВ, А. КУЗНЕЦОВА, Г. КУНГУРОВ, Г. МАРКОВ, А. НИКУЛЬКОВ, Л. РЕШЕТНИКОВ, С. САРТАКОВ, А. СМЕРДОВ, Е. СТЮАРТ

Правление Союза писателей СССР и правление Союза писателей Армении с глубоким прискорбием извещают о кончине одного из зачинателей армянской советской поэзии, заслуженного деятеля искусств Армянской и Украинской ССР

Гегама САРЬЯНА
(Гегама Багдасаровича БАГДАСАРЯНА),

последовавшей 14 ноября с. г. в Ереване после продолжительной и тяжелой болезни, и выражают глубокое соболезнование семье и близким покойного.

Самед ВУРГУН

Я не спешу...

Все в звездах небо, с моря дует ветер,
Мы встретим со стаканами зарю.
Не говорю: «Забудем все на свете!»,
«Согреемся немного», — говорю.
Пусть длится ночь, пусть опоздает утро —
В объятьях дум сижу я у огня.
Пусть то, что я скажу, не так уж мудро,
Но мудрость друга — выслушать меня!
Пока любить и петь я мучим жаждой,
Пока, живой, теплом земли дышу,
Я жизнь продлю в ее мгновенье каждом, —
Мне некуда спешить.
Я не спешу.

Любовь моя! Чтоб лет моих не выдать,
Не говори, что я устал и стар.
Я видел меньше, чем хотел бы видеть!
Встань, обойдем земной летящий шар!
И если парус дум моих летучих
Не бросит в океаны и моря,
Не бойся! Я дорог не знаю лучших,
Чем те, где не встают на якоря.
Звезда ль меня лучами с неба тронет,
Иль сам звезду на небе погашу,
Пусть радость и печаль своих коней не гонит,
Мне некуда спешить.
Я не спешу.

И ты, мой друг, охотник, всю округу
Облазивший со мною на веку,
Давай пройдемся медленно по лугу
И «здравствуй!» скажем каждому цветку.
Я должен над цветами наклониться
Не для того, чтоб рвать или срезать,
А чтоб увидеть добрые их лица
И доброе лицо им показать.
Они раскроются по доброй воле
На час, на день, на сколько попрошу.
Куда спешить мне? Я не ветер в поле!
Мне некуда спешить.
Я не спешу.

Пусть туча медленней пройдет над вами,
Пусть медленней течет река. И пусть,
Весь мир на капли разделив глазами,
Я каждую запомню наизусть.
Не думай, я не постарел, я просто
Хочу, чтоб все в нас оставляло след,
Чтоб мы, не доживающие до ста,
Прожить умели за день десять лет.
Пусть не спешит перо в руке поэта
Скорее книгу жизни завершить,
Пусть длится день! Пусть вертится планета! —
Я не спешу.
Мне некуда спешить.

Перевел с азербайджанского
Константин СИМОНОВ

Николай
ТИХОНОВ

«ГОЛОСОМ СИЛЬНЫМ И ЧЕСТНЫМ, СМЕЛЫМ И ЯСНЫМ»

К 70-летию со дня рождения Самеда Вургуна

«ТАЛАНТЛИВОЕ произведение литературы или искусства — это национальное достояние. Мы хорошо знаем, что художественное слово, переливы красок, выразительность камня, гармония звуков вдохновляют современников и передают потомкам память сердца и души о нашем поколении, о нашем времени, его треволнениях и свершениях», — говорил на XXV съезде КПСС Л. И. Брежнев.

Отмечая сегодня семидесятилетие со дня рождения классика азербайджанской советской литературы Самеда Вургуна, мы с особым волнением чувствуем высоту и справедливость этого высказывания.

Рожденный мировой бурей Октября, воспитанный в атмосфере ленинской дружбы народов, Самед Вургун был знаменосцем азербайджанской советской поэзии, выдающимся драматургом, крупным теоретиком и организатором литературного процесса. Продолжатель традиций своих великих предшественников и бессмертных учителей — Низами, Физули, Мирзы Фатали Ахундова, он создал блистательную поэзию, звавшую к новой жизни, на подвиги во имя будущего свободных поколений.

Народный певец социалистического Азербайджана Самед Юсиф оглы Векилов по классической традиции взял себе псевдоним «Вургун» — «Влюбленный». И он действительно был бесконечно влюблен в жизнь, в поэзию, в нашу прекрасную Родину.

Самед Вургун родился в селении Салахлы, близ города Казах, хорошо знал жизнь родного народа, преподавал в сельской школе, учился в Москве и Баку. Воспитанный революционной новью страны, он занял выдающееся место в советской поэзии, в содружестве мастеров нашей многонациональной Родины. Это прирожденный поэт революции. Он писал о трудовых подвигах народа, преобразующего мир, строящего новую жизнь. Человек большой души, открытого сердца, бесстрашный и мужественный, Самед Вургун отдал свой талант делу социализма и коммунизма. «Настоящий поэт не имеет права, страшась недругов и всякого рода «осложнений», приглушать свой голос, — писал он в автобиографии. — Если поэт ощущает глубокую внутреннюю потребность говорить со своим читателем, он должен говорить с ним голосом сильным и честным, смелым и ясным... Поэт в полную силу должен выражать свою любовь к великим делам народа и свою ненависть ко всему отсталому, косному, фальшивому, что мешает нашему движению вперед». Всю свою жизнь он был верен этому кодексу чести советского поэта.

Помню, как во время нашей совместной поездки по Азербайджану Александр Фадеев и Самед Вургун горячо обсуждали произведения старых и новых писателей, говорили о высоком назначении советской поэзии.

— Наша эпоха, — сказал Самед Вургун, — это великая эпоха в истории человечества, и писать о ней надо со всей страстью, не боясь больших слов! Как, скажем, было во время войны? Такие большие слова говорили: Родина, Клятва верности и чести, Победа... Все понимали, что сражаются за великое дело, и не могли обходиться без них. А какой огромный смысл несут слова: «Коммунисты, вперед!» По-другому не скажешь. Я, когда писал «Вагифа», знал, что надо найти язык трагедии. Если нет этого языка, не получится ни герой, ни его эпоха... Не надо бояться большой темы, больших дел. Мы смотрели Мингечаур. Громадное дело! Как его опишешь маленькими словами и оставишь потомкам память о героизме строителей Мингечаурского моря?

— Я думаю, что сложность нашей эпохи должна решаться во многих стилях, во многих литературных формах, — говорил Александр Фадеев. — Ты поэт, так сказать, другой формации, чем, скажем, Мирза Фатали Ахундов. И у нас — возьми в поэзии — какое разнообразие голосов! Конечно, ты имеешь право на свой высокий подход, на большой масштаб. Ты и сам такой характер, что годишься в произведение высокой поэзии. Да, да, да!..

Самед Вургун оправдал свою приверженность высокому слову. В его изумительной лирике мы чувствуем огромный накал и страсть поэта-гражданина:

...Не зная дней рожденья
 дней ухода,
Под тысячей имен
 в родной стране —
Жить, вечно жить:
 в бессмертии народа,
В зерне и слове,
 хлебе и вине!..

Он сохранял вечную молодость ощущения окружающего мира:

Не думай, я не постарел,
 я просто
Хочу, чтоб все в нас
 оставляло след,
Чтоб мы, не доживающие
 до ста,
Прожить умели за день
 десять лет.

В стихах, посвященных Великой Отечественной войне, поэт воспевал героев, их подвиги, дружбу народов, веру в нашу победу над фашизмом. Таковы «Слово матери», «Партизанам Украины», «Сестра милосердия» и другие.

Многие стихи Самеда Вургуна положены на музыку, стали народными песнями. На Втором всесоюзном съезде писателей, в своем докладе о поэзии, который был скорее не докладом, а вдохновенным поэтическим рассказом, Самед Вургун говорил: «Лирическое стихотворение, песня должны западать в душу человека и вить гнездо в его сердце и, как жар-птица, согревать его, быть спутницей человека в труде, в борьбе, в радости, печали, пробуждать в человеке добрые чувства...»

Глубокие размышления, высокие чувства мы найдем в поэмах Вургуна «Читая Ленина» и «Знаменосец века», в созданном им пламенном образе Георгия Димитрова, который испепеляет слуг фашизма своим негодованием. Поэт проникновенно пишет о негре, рассказывающем о трудовой жизни и борьбе своего народа за свободу. Самеду Вургуну принадлежит много стихов о людях труда разных стран, которых он узнавал во время зарубежных поездок. Одно из лучших стихотворений о его солидарности с борьбой трудящихся нашей планеты написано Константином Симоновым. В этих стихах говорится о том, как в Лондоне поэт посланец Страны Советов, держал огненную речь, в которой дал отповедь врагам мира — империалистам и их прихвостням.

Стихи и поэмы Самеда Вургуна полны живого ощущения действительности, человеческого тепла, искренности, веры в правду нашего дела. «Слово о колхознице Басти», «Двадцать шесть», «Пою коммунизм», «Слово поэта» и другие, написанные до Великой Отечественной войны, проникнуты светлым мироощущением, героикой первых пятилеток.

В послевоенной поэме «Мугань» картинам старой заброшенной степи противопоставлены воскресение к жизни, плодотворные и цветущие просторы. И в поэме «Айгюн», показывающей быт социалистического села, и в неоконченной «Комсомольской поэме» — везде мы чувствуем мастерство выдающегося поэта, который с большой любовью и проникновенностью раскрывает характеры своих героев. С полным правом мог Самед Вургун сказать о себе и своей судьбе: «Моя душа поэзией живет».

Особое место в творчестве Самеда Вургуна занимает драматургия. Будучи превосходным мастером этого жанра, он создал такие выдающиеся произведения, как «Вагиф», «Фархад и Ширин», «Ханлар» и другие.

Самед Вургун очень любил родную природу. Он воспевал красоту лесов и вершин Азербайджана, богатства недр, виноград, хлопок и сады. Яркие краски природы, журчание ручейка, шум водопада, роскошь горных долин — все это мы видим и слышим в его стихах. В них есть особая, искренняя нежность ко всему живому:

Я должен над цветами
 наклониться
Не для того, чтоб рвать
 или срезать,
А чтоб увидеть
 добрые их лица
И доброе лицо им
 показать...

Доброе лицо своей поэзии он обращал к окружающему миру и видел, как простой человек стал незаметно для себя великаном, членом ленинского содружества народов, переделывающих жизнь, строящих новое, небывалое на свете общество.

В Баку на одной из площадей стоит бронзовая фигура Самеда Вургуна, вокруг памятника столпились густые зеленые деревья.

И мне показалось, что это
Лесов Ашагинских послы
Пришли со словами привета
В час лунной и
 песенной мглы.

И, конечно, всем сердцем любил поэт людей, любил своих земляков. Не раз я бывал свидетелем его встреч с тружениками полей, пастухами, рабочими, детьми. В Азербайджане его знали все, чтили его талант, пели его песни, рассказывали ему о своей жизни, о делах и заботах...

Мне хочется вспомнить время, когда начиналось, ширилось — только организовывалось то движение народов, которое позже получило название борьба за мир. Самед Вургун одним из первых в Советском Союзе стал писать стихи, посвященные важнейшей теме миру — мир!

В стихотворении 1947 года «Статуя матери» поэт создал образ женщины-матери, перед лицом которой проходят «сыновья-борцы, провозглашая непобедимой правды торжество!». Он был и прекрасным критиком, публицистом; будучи членом Советского комитета защиты мира, горячо отстаивал дело мира. Такие его статьи, как «Под знаменем прогресса» (1948), «На страже счастья» (1950), «Мир — этого требуют все советские люди» (1951) и другие широко известны и за рубежом. Огромный резонанс получило его выступление во Вроцлаве, где он поднял голос в защиту передовых людей зарубежного Востока, подвергавшихся преследованиям реакционеров.

Его стихи переводили лучшие русские поэты. Среди них — Н. Асеев и П. Антокольский, В. Луговской и М. Светлов, К. Симонов и М. Алигер... Его приветствовали великий варпет Аветик Исаакян и народный поэт Узбекистана Гафур Гулям. Имя Самеда Вургуна широко известно на Западе и Востоке, его творчество почитают во Франции и Польше, *в арабских странах и* Пакистане...

Когда праздновался пятидесятилетний юбилей Самеда Вургуна, в своем стихотворении, посвященном поэту, я писал:

Певец отваги боевой,
Твой стих, как
 «птица урагана»,
Звучал над бурей огневой
И в мирных днях
 Азербайджана.

Самед Вургун был великолепным переводчиком. Он перевел Пушкина и Руставели, Шевченко и Джамбула, поэму М. Горького «Девушка и смерть».

Самед Вургун был поэтом поистине интернациональным. Принадлежащий к когорте певцов героических лет революции, он явился одним из выдающихся основоположников новой поэтической школы. Заветом ее он был предан всю свою жизнь. Верный делу коммунизма, идеям социалистического гуманизма и пролетарского интернационализма, прославленный поэт Азербайджана навсегда вписал свое имя в историю многонациональной советской литературы. И сегодня он, как живой, шагает в наших рядах. Старые помнят и любят его неостывающей любовью, молодые учатся у него верности призванию, гражданской страсти, учатся мастерству. Он вместе с нами идет в то будущее, о котором так мечтал:

Вперед, поэты!
 Сильными рунами
Раздвинем шире
 занавес времен!
В грядущее войдем
 большевиками
Под сенью славных
 ленинских знамен!

«Пусть Баку мой неведомый гость навестит —
миллионами солнц его ночь поразит»
Самед ВУРГУН

Глеб ГОРБОВСКИЙ

К ТЕМ, КТО МОЛОЖЕ...

В недавно опубликованном постановлении ЦК КПСС «О работе с творческой молодежью» говорится о необходимости глубокого овладения молодыми художниками профессиональным мастерством, освоения ими опыта отечественной и мировой культуры. Эти вопросы поднимает в своей статье поэт Глеб Горбовский, обращаясь к молодым стихотворцам и напоминая им о плодотворных традициях русской поэзии.

НЕДАВНО по поручению секретариата правления Ленинградской писательской организации прочел я стихотворные рукописи молодых ленинградских авторов. Нужно ли объяснять, с каким душевным волнением принялся я за чтение: ведь средний возраст нашей организации переваливает за шестьдесят... И вдруг столько новых молодых имен! То были поэты почти не издававшиеся, но все равно не безызвестные в ленинградской литературной среде. Я уже знал что они считают себя ярыми эксперименталистами и смертно боятся традиционных словосочетаний и что этот то их новаторский апломб будто бы и пугает редакторов издательств.

Прочитав стихи, я убедился, что с молодыми поэтами произошла беда, а именно: многие из них оказались оторванными не только от печати, *но и от* элементарных соков жизни, от ее почвы. В их стихах можно было встретить какие-то приметы сегодняшнего дня, нашего быта и бытия, но эти приметы жили отдельной жизнью от мироощущения авторов, их чувств и мыслей.

...Я живу в районе
крупнопанельных зданий.
 Станы тонких
и стройных гул,
 приемника настройка,
и звонкий плач
 настырного ребенка,
собачий лай,
 и сплетен кружева, —
вот чем сейчас
 душа моя жива.

Оказывается, жива! И я лихорадочно искал в папке со стихами именно то живое, тот пульс, без которых стихи приобретают невозмутимость скованной льдом реки или элегантность манекена. И я находил живое. Крайне редко, *но находил.* А тревога все же не покидала меня. От стихов веяло холодом. Холодом не реки, пусть и скованной льдом, а деревенского подвала поздней весной, из которого долгая зима выгребла все — даже запахи...

Отдельные циклы и рукописи имели названия: «Сольфеджио», «Колониальная лавка», «На фоне фуги»...

Какая земля? Какой век? Чье время? И вовсе не без причины у одного из этих поэтов (кстати, наиболее внятного) вдруг прорываются такие слова:

...Не сразу
почувствуешь —
 ниточки нет,
какая бы с миром вязала.

Ниточка... Не корни, не плоть от плоти, а хотя бы ниточка. Связующая. В погоне за непохожестью, необщностью лица молодой поэт теряет не только лицо, но и нечто более драгоценное.

Несхожесть, новаторство... Если предположить, что самый прямой путь к новаторству только в ниспровержении отжившего, люди убили бы искусство на полдороге. Отжившее отмирает и само по себе. А всякий новый талант, в какой бы манере он ни искал способ выразить себя, прежде всего созидатель. Поиск (даже самого себя) — это ведь движение, а не разрушение!

Владимир Маяковский — это новатор как само собой разумеющееся. А Сергей Есенин? Вот так, с ходу, новатором его не назовешь. Но ведь новатор же! Маяковский революционизировал не только оболочку стиха, но и его содержание — стремился вместить в стих всю громаду своей неуемной, бурной, революционной натуры, всю громаду своего революционного времени.

И Сергей Есенин подписывал формалистические манифесты. Хотя придерживался весьма традиционного звучания строки. Есенин привел с собой в поэзию Любовь разудалую, отчаянную, принес с собой трогательное преклонение перед лицом Родины, принес в стихе, внешне обычном, неизведанную до той поры магию откровенности, когда не шапку об пол, а всю голову. И сердце — соловьям на съедение!

Александр Блок? Интеллигент до кончиков ногтей, сама стройность и строгость, но та же русская удаль поэтического дара. Какие все разные, первопоследние. Так что дело-то не в том, как бы быть непохожим. Дело в том, как суметь остаться в поэзии самим собой. Как обуздать свой талант. Не дать ему ни загулять, ни недоучиться у жизни, ни залениться, ни уйти от корней, ни успокоиться и еще сотни «ни». Иными словами, как построить в себе поэта, а не как построить невиданную доселе модель поэзии. Поэзия всегда одна. Как правда.

Начав разговор с тревоги за юные голоса, зацепив этот больной нерв, я пуще всего боюсь обидеть молодых, ибо, подумав о них, сразу же вспоминаю и о своей поэтической судьбе, и наивную поэму «Право на себя», которую опубликовал двадцать с лишним лет назад... И хотя поэзия — это не темный лес, а скорее — вся наша круглая земля, я все-таки подаю голос молодым: «Идите сюда! К людям! В их города и села, на их праздники и дороги...»

Почему за последние десятилетия высоко вознеслись имена целого ряда талантливых поэтов? Почему повеяло от их стихов истинной поэтичностью? Они, эти поэты, напомнили, что без ложного стыда можно продолжать писать и о незыблемых истинах, писать на темы, которых не стеснялись ни Данте, ни Шекспир, ни Пушкин и Тютчев, ни Блок и Есенин. Писать о любви, о жизни и смерти, о верности и так называемой душе, о всех архиизвестных страстях рода человеческого. Писать в ритмах и рамках внешне традиционных, отодвинув сверхзаботы о форме, этот картонный дамоклов меч.

Почему потянуло сладким дымком родимой поэзии, скажем, от стихов Николая Рубцова? Почему так жадно читается сочная проза Василия Шукшина или Василия Белова? Кажется, и не новаторы. Пишут, как разговаривают. Какое уж тут новаторство, скажет иной. А такое, что так пишут, как никто до них не писал. По-своему пишут. А значит, и по-новому. И произведения их тем самым неизбежно исполнены новаций, о которых иные ценители поэзии только и пекутся, забывая, что не новации сохраняют нам поэзию, а сама поэзия уберегает себя от всего наносного.

Итак, новаторство — изнутри, подкожное и никак не снаружи, не косметическое. Восприняв жизнь собственным зрением разума, поделившись с жизнью если не страданиями, так беспокойством, постигнув академизм, познав элементарность, можно и с формой поэкспериментировать, хотя бы из любознательности. Хотя бы для того, чтобы убедиться: эксперимент не удался.

И когда бешеным лимузином понесется вам навстречу поэзия Вознесенского — резкая, бесцеремонная, вызывающая, насыщенная ракетами-образами и поначалу ошеломляющая, не ограничивайтесь первым впечатлением. У Вознесенского есть и такое:

Заглянусь ли на поезд
 с осенних откосов,
забреду ли
 в вечернюю деревушку...

В иных его стихах, лучших на мой взгляд, это становится превалирующим:

...сквозь дождик плещущий
космического сентября,
накинув Россию на плечи,
поеживается Земля.

Этот негромкий и вроде бы второстепенный голос поэта — он-то, по-моему, и есть главный нерв, та «ниточка связующая», перекуси которую — и нет поэта.

Сколько «хороших и разных» поэтов взошло на русской основе, утвердилось на фундаменте русской классической поэзии и поэтики. Винокуров и Дудин, Белла Ахмадулина и В. Соколов, Евтушенко и Кушнер, Орлов и Окуджава — все они исповедуют традиции русского классического строя.

И в этом живучесть их слова.

Оглянемся в прошлое нашей поэзии. Той, которая родилась во времена революционного перекроя в нашей стране, когда катаклизм обновления коснулся не только государственных основ, но и традиций, историзма, психологизма творчества? По телу поэзии, по всему литературному организму побежали всяческие «измы». Кое-кто стал писать, как душевно заболевший, вплоть до нечленораздельных бормотаний крайних футуристов. Некоторые уверовали в красоту разрушения, в разрушение слова и мысли.

А поэтами были и остались лишь те, кто уберегся от дешевых соблазнов псевдоноваторства, кто сохранил верность настоящей Поэзии. Остались Маяковский, Блок и Есенин, поэзия которых незамутненными потоками прошла сквозь стоячие, хоть и пузырящиеся болота декаданса, остались Николай Тихонов и Пастернак. Остались Багрицкий, Твардовский, Исаковский, Ахматова, Заболоцкий.

Жизнь наполняет стих, поэзию, творчество новой кровью, новым дыханием. После Великой Октябрьской революции русская поэзия, как и поэзия других народов нашей страны, стала советской поэзией, стала одним из удивительнейших явлений в общеземном творческом процессе.

Наша поэзия — Великий гражданин своей эпохи. Она труженик и солдат — несет в себе функции воспитателя поколения, борца за лучшую долю человека. Наша поэзия — благородная поэзия. Она связана со всем лучшим — добрым, цельным, честным в человеке.

И вот что примечательно: от груза гражданственности советская поэзия не делается тяжеловесней. От этого груза она становится весомей. Советская поэзия на вооружении революционеров бытия, архитекторов нового общества. Она мужественная и красивая.

Невольно вспоминаешь вдруг, скольким людям, и поэтам в том числе, благодарен ты сам, благодарен за то, что они не прошли мимо тебя. И если б не они, то еще неизвестно, в какие дебри занесло бы тебя на дороге исканий. И потому нет непонимания, непротоптанных дорожек меж поколениями советских поэтов. Есть все та же старая, добрая эстафета, есть общность единомышленников.

И наш общий долг — выявлять молодых, только что запевших. Дружить с ними взрослой дружбой, поддерживать оступившихся, сбившихся с правильной дороги.

Талантов у нас никогда не убывало. Недавно я слушал стихи многих набирающих силу поэтов. Это и Наталья Гранцева, и Наталья Галкина из Ленинграда, Надежда Кондакова из Москвы, Григорий Калюжный, штурман гражданской авиации, или Геннадий Алексеев, инженер, пишущий верлибром, но каким верлибром: доступным, поэтичным, живым. Это и Владимир Беспалько, и Раиса Вдовина, недавно принятая в Союз писателей. Слышал я хорошие, настоящие стихи, побывав на Южном Урале, на Сахалине и Камчатке.

У себя, в Ленинграде, услышал я стихи своего земляка Глеба Пагирева. По радио услышал. Когда завтракал. И мне моментально сделалось неловко, стыдно за свое жевательное состояние. Стихи были трогательны и мужественны, они пробились в меня сквозь панцирь обыденщины. Стихи фронтовика, исхлестанного на войне пулями и осколками. Они меня встряхнули, как сирена воздушной тревоги! И я благодарен этому человеку, этому поэту, ибо и сам несколько очистился, пройдя сквозь огонь его души.

Его жестоко
 обработал фронт —
хирурги в нем копались,
 как в кургане,
в живые раны
 загоняя зонд
и подбираясь к самой
 главной ране.
...И вот осколок
 извлечен на свет —
врачи опять явили
 миру чудо...
С тех пор прошло,
 считайте, двадцать лет,
все зажило.
 А боль тогда откуда?

В это же утро я написал Глебу Валентиновичу Пагиреву восторженное письмо. Думал, что открыл Америку. Но, как выяснилось, ему уже писали многие, в том числе и сам Александр Трифонович Твардовский!

У вступающих в поэзию есть перед нами, старшими, одно преимущество — молодость. Но юный певец нередко бывает и застенчив, и робок, и обидчив. Юный певец, даже одаренный, может до самозабвения увлечься фальшивой нотой. Нужно оказать ему дружескую поддержку. И от ложных увлечений удержать не грубым окриком.

Наше ремесло — беспокойное ремесло, так будем беспокойными не только за свои строчки-буковки, но и за судьбы незнакомых друзей, за судьбу всего Древа, всей жизни на Земле.

ЛЕНИНГРАД

читая журналы

ПОД ЗНАКОМ «ОСТ»

Виталий Семин писал, издавал книги, мы знали, что он крепкий прозаик, но мы не знали, какую ценность вот уже тридцать лет он «носит под сердцем», не знали (ведь его повести и рассказы были, как правило, о нашем послевоенном житье-бытье), что все им написанное — это еще и подступы к возвращению в далекое прошлое, о котором он, боясь раньше времени выговориться, доселе молчал. И вот настал этот час: книга «главных жизненных переживаний» закончена. Она перед нами — роман «Нагрудный знак «ОСТ».

Из него мы узнали: пятнадцатилетний мальчик был в оккупации, его угнали в Германию, и три года он умирал там от голода и истязаний. Мы узнали, что подросток пытался не раз бежать, что и тюрьму он прошел, и возвращение из тюрьмы в лагерь и там дожил до момента, когда затряслись палачи в предчувствии неминуемой кары. Узнали мы и о том, что, вернувшись домой, молодой человек хотел как можно быстрее передать, рассказать, что видел и пережил, но... ни сил, ни слов на то не нашел.

Вот что мы узнали о Семине. И, конечно, понятны нам его муки — его тридцатилетней давности жажда освободиться от накопившейся боли. Но сегодня, наверное, не надо жалеть, что не вышло уже тогда то освобождение. Ведь обладание даже уникальнейшим жизненным материалом — ничто, если ты не умеешь им распорядиться. А — с несовершенными средствами — сделай Семин такую попытку, конечно, перегорел бы, сжег бы себя на будущее — не смог бы сегодня написать так, как написал.

Не праздный вопрос: почему именно жанр романа посчитал Семин наиболее удобным для передачи своих знаний о жизни людей в гитлеровской неволе?

Да, это роман, он имеет сюжет, композицию и все остальное, чему положено быть в романе, включая и нечто домысленное к тому, что три десятилетия назад видел, чувствовал и пережил будущий автор — теперешний лирический герой «Нагрудного знака «ОСТ». Но что же домыслил писатель Семин к свидетельствам ходившего под № 763 ростовского мальчишки Виталия, пронзенного однажды открытием, что его знание «в десятки, сотни раз важнее» его самого? И не бросает ли это домысливание тень на верность памяти бывшего узника, а отсюда — и на достоверность фактов, которые ведь и есть основа романа, его костяк?

Нет, тени такой, хоть специально ее ищи, не найдешь Семин домыслил, додумал за себя тогдашнего, младшего на тридцать послевоенных лет, не факты, ибо подобные факты выдумать невозможно; сделал он вот что: по-новому сгруппировал и выстроил происходившее с ним в юности и осмыслил все это с высоты сегодняшних своих лет и сегодняшнего своего литературного опыта. К тому же «жизнь (в лагере. — **Ю. Т.**) была одинаковая, но мы готовили себе о ней разные воспоминания». Иными словами, помести Семин имеющийся у него материал в рамки другого, более демократичного, нежели роман, жанра (например, мемуарного — доступного непрофессионалам), тем самым он как бы высказывался от имени всех, с кем был за одной проволокой, но он не хотел этого. И не мог: далеко не всякий вынес с собой на свободу то, что он. Потому-то и написал Семин лишь от себя. Потому написал роман.

Мы знаем, что такое Бухенвальд, Майданек, Освенцим и другие фашистские лагеря смерти. Знаем, что такое концлагеря для советских военнопленных. Обо всем этом существует огромная литература — десятки и сотни книг. Не хочу сказать, что до Семина мы ничего не знали об арбайтлагерях. Знали. Но такого обстоятельного исследования жизни людей, угнанных на работы в Германию, у нас не было.

Я не обмолвился — не зверства охранников, не убийства ими беззащитных невольников стали предметом романа, а именно жизнь людей, отупляющий, убивающий человеческое в человеке лагерный быт. И это никак не слабость написанного, это сила его: да, постоянных угроз, что будет замучен в пытках, раздавлен, убит, работающий на фабрике или заводе каждодневно не ощущает, но те унижения — голодом, непосильной работой, справа и слева сыплющимися на его бесправную голову побоями — хуже, страшнее смерти. Это и есть ведущая мысль Семина-писателя, сгруппировавшего и обобщившего факты, что «собрал» для него Семин-подросток.

Как же реализуется эта мысль?

В начале романа есть фраза: «...говорил он с нами... как немец с русскими...» Вот оно! Здесь ключ к пониманию той обстановки, в которой организованно, последовательно и энергично — по холодным расчетам сверхчеловеков — арбайтлагерники обязаны были превратиться в бессловесно-покорное стадо. Как немец, как фашист с русскими — это значит: всегда и во всем злобность, жестокость, ненависть. И никаких ни от кого послаблений — носит ли гражданин рейха гестаповскую, полицейскую форму или штатский костюм. Мужчина он или женщина. Старик или ребенок.

Смертельно больной, старый рабочий Пауль, которого в любое время могут освободить от какой бы то ни было службы, добровольно и «с самоубийственной страстью» делает все, чтобы невыносимые страдания работающих под его кнутом были еще невыносимей; «опы» (так почтительно-фамильярно называют в Германии стариков, пожилых людей) бьют заключенных русских «жестоко и весело» «не только специальным инструментом для избиения — гумой, резиновой палкой, — но ногами, руками и тем, что в этот момент попадало под руку»; мальчишки в нарядных костюмчиках бросают в идущих под конвоем невольников камни, но ни находящиеся тут же их мамы, ни прохожие, ни сами конвойные не мешают излиться их «патриотическим» чувствам...

«Сверхнапряжение государственной злобы» — так определяет Семин политику рейха по отношению к нашим людям, оказавшимся за проволокой арбайтлагерей. И эта политика приносит плоды: подобный «быт» оплетает, опутывает, сминает иных несчастных, уничтожает в них последнюю волю к организованному сопротивлению.

Сколько людей-горемык так или иначе коснулись судьбы героя романа!.. Поверженные безысходностью своей участи «доходяги», попрошайки, бесстыдно вымаливающие у больных и подростков объедки, люди, в поте лица работающие на своих палачей, лишь бы забыть, где находишься, не переживать, не думать... Кому-то из них Семин отводит страницы, а кому-то пять строк, только упоминание, мол, и такой был,— но все они остаются с нами: мы слышим их, видим их лица. И соглашаемся с Семиным: такая жизнь и в самом деле страшнее смерти!

Значит, сработала-таки фашистская кухня превращения людей в стадо рабов? Так прочитывается роман?

Нет!.. Гришка по кличке Часовщик у всех на глазах бьет полицая. Володя целится размозжить череп фашисту, и только пуля останавливает его удар. Папаша Зелинский прячет в матраце тетрадь, где пишет про то, что с ними было сегодня, вчера, позавчера: «Это надо делать уже сейчас...». Ванюша, где только можно, выискивает оружие и совершает бесстрашные вылазки в город. Аркадий создает вооруженную группу сопротивления. «Нас никто не демобилизовывал», — говорит он.

Вот к ним-то, кто сам себя не демобилизовал, и тянется всей душой, ищет пути — и находит! — герой «Нагрудного знака «ОСТ». Этот знак-унижение, по мысли его изобретателей, для него — знак гордости. «ОСТ» — значит «Восток». А он оттуда, из Советской России!.. Оттуда его товарищи, не давшие новоявленным рабовладельцам во всей полноте насладиться властью. Оттуда идет фашизму расплата.

Предчувствуя близкий конец и пытаясь скрыть правду о своих преступлениях, гитлеровцы уничтожили миллионы потенциальных свидетелей. Но не разглядели они в том выцветшем от голода пареньке из арбайтлагеря в Лангенберге будущего писателя. И вот перед нами новый разоблачающий звериную суть сверхчеловеков обвинительный документ...

Прочитав роман Виталия Семина о прошлом фашизма, мы неминуемо задумаемся и о сегодняшнем его дне, о том, что «почву, на которой вырастает фашизм, надо исследовать тщательнее, чем само растение».

Сам Семин предпринял такую попытку. И цена ей, надо сказать, велика.

Ю. ТОМАШЕВСКИЙ

Виталий Семин. «Нагрудный знак «ОСТ». Роман. Журнал «Дружба народов», №№ 4 — 5. 1976.

ДАЛЬ ЛИРИЧЕСКОЙ ПРОЗЫ

«Долгое время я считал, что короткий рассказ пейзажного рисунка и есть основная сфера приложения моих способностей. Крупные же формы казались мне не под силу и поначалу пугали мое авторское воображение...» — сказал однажды Ю. Бондарев. Даже для тех, кто знаком с ранними рассказами Ю. Бондарева, в его признании много неожиданного: не рассказам же в конце концов писатель обязан своим успехом! Тем большей неожиданностью для многих и многих явились циклы его новых рассказов, опубликованные в 1976 году.

Рассказы названы скромно — «Страницы из записной книжки». Непритязательно и большинство заглавий. Это воспоминания о детстве, первой любви, военной юности, беглые зарисовки впечатлений от заграничных поездок, мимоходом услышанная история чужой судьбы, многоголосная запись беспорядочного застольного разговора, затем что-то похожее на охотничью притчу и т. д. Пестрый материал, «осколочные» темы, автобиографические мотивы, но по прочтении рассказы оставляют глубокий след, их хочется перечитывать, соотносить со своим личным опытом, они поэтичны и вместе с тем ненавязчиво познавательны. Лирические миниатюры? Импрессионистские картинки? Философские или психологические этюды? И то, и другое, и третье...

В сущности, тут-то и начинается самое трудное для критического анализа и определения: перед нами высокие образцы так называемой бессюжетной — или, чаще у нас говорят, лирической — прозы. В этом, пожалуй, и неожиданность, ведь Ю. Бондарев зарекомендовал себя, повторяю, прежде всего эпическим писателем, мастером строго сюжетных построений и объективного повествования, как того требует структура крупных повестей и романов. Даже в книжке рассказов «Игра», изданной в 1972 году («Библиотека «Огонек»), сюжетно-фабульные, «традиционные» рассказы (среди них популярный «Простите нас!») преобладают. Только два-три рассказа — «Щенок», в особенности «Степь» — естественно вписываются в новый цикл.

Короткие рассказы пейзажного рисунка? В новом цикле есть и такие, хотя число их невелико. Вот, например, «Лес и проза» — совсем в духе М. Пришвина. Но уже «Крик» — типично бондаревский, я бы сказал, рассказ. Он построен по принципу внезапной смены двух противоположных тем. Свет тихой осени в одном из московских переулков вдруг меркнет от душераздирающего крика женщины где-то на верхних этажах одного из домов. Даже самым «мирным» из бондаревских рассказов присуще то внутреннее беспокойство, которое, мне кажется, свойственно вообще литературе последней трети XX века.

Так почему же, собственно, мы говорим о лирической прозе? Содержание многих бондаревских рассказов таково, что их можно назвать лирическими только по мягкой поэтической окрашенности общего тона повествования, а не по самому этому содержанию. В них — резкая контрастность тем, резкие переходы от раздумья и лирики к драматическим и трагическим моментам бытия, как в рассказе «Малярия». Тонкий психологизм помогает писателю там, где он пытается выйти за пределы нашего обиходно-повседневного мышления, в сферу абстрактных вопросов — всесильность, непреодолимость случая, непредсказуемость выбора смерти, — только такой психологизм в сочетании с подлинной гуманностью может привести к небанальным решениям («Миг», «Но все-таки...», «В некий час»). Реальное путешествие во времени и пространстве, преодоление того и другого в сознании — это всегда и продвижение в глубь человеческой души, драматически конфликтное постижение самого себя перед лицом неминуемой философско-психологической коллизии: жизнь — смерть («Ожидание», «Малярия», «Апрельский день»)

Между прошлым и будущим, между жизнью и смертью — только миг, но миг этот прекрасен. Авторская влюбленность в жизнь не исключает, а предполагает активное неприятие всего антигуманного, той скверны жизни, что порождается ее «свинцовыми инстинктами», противоречиями современной цивилизации со множеством ее глобальных проблем, среди которых и такие — ядерные, экологические, что затрагивают судьбы человечества, заставляют уже не одиночек, а миллионы задаваться вопросом «быть или не быть?» . Эти мотивы особенно настойчиво звучат в путевых (зарубежных) набросках («Венеция»).

Здесь-то и начинают сказываться, ощущаться недостаточность, узость определения «лирическая проза»: быть может, не без некоторых оснований многие его не приемлют. Спорность терминологии скорее всего объясняется новизной для нас самого литературного явления, которое одни прямо приравнивают к эссе, другие выводят из его недр самостоятельный жанр литературного пейзажа (когда писатель на все смотрит и все оценивает сквозь «магический кристалл» природы), третьи называют путевой прозой, прозой путешествий и тому подобное.

Расцвет свободной лирической прозы в советской литературе последних десятилетий я бы поставил в прямую зависимость от массового подъема в нашем обществе «чувства личности» (выражение, которым пользовался еще В. И. Ленин), от роста нравственного достоинства советского человека, что не могло не выразиться — и выразилось! — в многонациональной нашей литературе. Потому-то, думается, и в самой бессюжетной, лирической, свободной прозе личность писателя выступает на первый план. Писатель здесь — действующее лицо, часто едва ли не главное, он-то все и решает. Читателю совсем не безразлично, каким предстает автор свободной прозы — с какими человеческими качествами, помыслами и поведением, с какой «сверхзадачей», на что направлена его художническая зоркость.

В прозе того типа, о котором мы говорим, с особой наглядностью проявляются единство, нерасторжимость этических и эстетических начал советской литературы. Художественность свободной прозы в той же мере зависит от нравственной позиции рассказчика, как и от особой тщательности обработки формы. Можно было бы говорить не просто о ритме, а об особой дисциплине строки как отражении дисциплины мысли в лирической, свободной прозе — этим свойством она всего ближе к поэзии, — если бы такая формулировка не грешила чрезмерным рационализмом. Ведь проза, какой мы находим ее у Ю. Бондарева, эмоциональна и человечна, образно-полновесна, диалектически гибка в своей конкретности, богатстве наблюдений и деталей.

Виктор РОМАНЕНКО

Юрий Бондарев. «Страницы из записной книжки». Журнал «Новый мир», № 1, 1976, журнал «Знамя», № 7. 1976.

ТАЙГА ПРИНИМАЕТ ЭКЗАМЕН

В жизни каждого человека бывают моменты, когда вдруг открываешь в окружающем мире новое, раньше казавшееся чем-то обыденным, естественным. Таким открытием для многих бывает природа, отношение к которой во многом определяет нравственное здоровье человека, его самые сокровенные мысли о себе.

Автор повести «Озеро беглой воды» Анатолий Ткаченко исследует круг проблем, связанных с отношением человека к природе, и как следствие этого, изучение себя и окружающих.

С необычной целью пошли в тайгу сахалинские школьники Савка, Кир, Мишка и Люся — узнать, смогут ли они прожить в тайге без контактов с цивилизацией, питаясь тем, что дает природа. Эксперимент, задуманный ребятами, «тайно» контролируется отцом Савки через егеря Свешникова, которого они неожиданно встречают в «диком», как им казалось, месте.

Очень разные люди пришли в тайгу и стали в ней осваиваться. Сначала весело, беззаботно, не особенно задумываясь о жизни этого мира. Но все настойчивей вставал вопрос, мучивший не только Кира: «Кто мы здесь? Зачем пришли? Примут ли нас эти дикие леса и воды?» И каждый из них по-своему стал искать ответы. Живя в городе, ребята не замечали тех черт своего характера, которые так ярко и выпукло проявились здесь, в тайге. Не многим людям свойственно увидеть в себе нечто, что может удивить, заставить задуматься, но случается и такое. Кир, подстрелив рябчика, впервые в жизни увидел «алые капли крови, похожие на ягоды...». Не в этот ли миг он ощутил, что все живущее в природе есть одно целое, тесно связанное и с его, Кировой, жизнью, что природа не только дышит, зовет к себе, отдает человеку свои частицы, но и требует от него справедливости. Незначительного в природе нет, она настолько совершенна, что потеря малого ведет к большим потерям.

И природа по-своему стала испытывать ребят, напоминая о себе каждый день, час, минуту. Мишка Сорокин, написавший в письме, что он надеется «выжить и закалить свой организм на суровой природе», оказывается наиболее слабым, подверженным «болезни комфорта», он первый покидает «дикарей». Он не может делиться с тайгой, хочет быть в ней хозяином, подчинять ее себе, не особенно задумываясь о том, что останется после него. Каждый из ребят вынес из тайги нечто большее, чем воспоминание. Этому способствовала встреча с егерем Свешниковым, чья заповедь «воспитывать в себе сочувствие ко всему живому, а значит, беречь и неодушевленное» привела ребят к мыслям о природе, о себе самих. В итоге оказывается, что и природа сделала свой выбор, мы видим, на кого из ребят он пал, а кого природа не приняла.

Последним тайгу покидает Савка, зная, что он, городской житель, придет сюда, в этот мир, еще много раз, так как оставил здесь частицу себя, а взял отсюда то, что поможет жить в городе.

Уходя из тайги, они все, наверное, будут вспоминать благоустроенный дом Свешникова с телевизором, с миниатюрной ГЭС на дикой речке, дающей свет этому дому: ведь ребята увидели, что дикая природа и цивилизация могут сосуществовать, более того — они должны быть друзьями.

Повесть «Озеро беглой воды» еще раз напоминает нам об этом, проясняя на первый взгляд вещи очевидные, но, к сожалению, часто забываемые. Проза А. Ткаченко волнует, приглашает к размышлению, она пропитана яркой изобразительностью, богата картинами сахалинской природы, и все это подчинено главному — раскрытию нравственной сути людей, оказавшихся наедине с природой.

И. ЗЕНИН

Анатолий Ткаченко. «Озеро беглой воды». Повесть. Журнал «Октябрь», № 6. 1976.

«Первопроходчики». Работа художника В. Скубыра. Журнал «Радуга», № 10. 1976.

ЧИТАТЕЛЬ РЕЦЕНЗИРУЕТ

ИМЕРЕТИЯ—МОЯ ЛЮБИМАЯ!

Этот роман читается на одном дыхании. А когда дочитана последняя страница, тянет перечитать снова, наслаждаясь неторопливым повествованием, неожиданностью сюжетных поворотов, неповторимыми интонациями, в которых мягкая ирония вдруг сменяется лирикой, легкий юмор уступает место авторским раздумьям...

Действие романа А. Эбаноидзе «Брак по-имеретински» развертывается в одной из имеретинских деревень, куда приезжает молодой талантливый скульптор, от имени которого и ведется повествование. Приезжает после четырех лет разлуки, подчиняясь зову бабушки, которая сообщает внуку причину вызова: Красный Симон, названный так отчасти за цвет своих волос, но главным образом потому, что был первым красным в деревне, первым председателем комбеда, организатором и бессменным руководителем колхоза, хочет поручить скульптору работу.

Правление колхоза задумало поставить на площади статую. Начинаются колебания, что лепить — бюст самого Симона или именитого профессора, земляка односельчан. Встреча героя романа с соседской дочкой Нуцей подсказывает единственно правильное решение — уговорить ее позировать, только красота девушки даст художнику возможность выразить любовь и нежность к родной земле. «Я сделаю скульптуру, которую можно будет назвать «Имеретия — моя любимая»!..»

Но скульптору, оказывается, далеко не просто было отстоять свое решение.

Когда завершается работа, скульптор попадает в водевильную ситуацию. Вся деревня ожидает, что он женится на Нуце, и не просто ожидает, а настаивает, требует этого брака — по-имеретински. Скульптор противится насильственному вмешательству в его жизнь. Вернувшись же в Тбилиси, Ладо Инашвили, так зовут героя романа, понимает, что он напрасно бежал от своего счастья.

Вся эта веселая, а порой и невеселая история с женитьбой является как бы фоном, на котором раскрывается сложный процесс художественного творчества.

Шаг за шагом писатель вводит нас в творческую лабораторию художника.

Властно заявляет о себе в романе еще одна тема — тема любви к родной земле, к ее людям. Автор живописует деревню, любуется рекой с ее непостоянным изменчивым цветом, с ее зачарованными полянами, гулкими и влажными ущельями. Свою любовь к Имеретии писатель выражает в запоминающихся портретах ее людей. Колоритен образ Красного Симона, настоящего руководителя-коммуниста.

Или застенчивый Андро, стыдившийся того, что вернулся с поля боя живым и невредимым, тогда как многие односельчане-фронтовики навсегда остались там. Привлекателен и образ его жены Домны, книгочея Коли Катамадзе, бабки Анеты.

Хочется сделать одно замечание. Автору, пожалуй, несколько изменяет чувство меры, когда дело доходит до бегства героя: уж слишком много этих попыток уйти от собственного счастья...

До сей поры известный как переводчик на русский язык произведений грузинских прозаиков и драматургов, Александр Эбаноидзе заявил о себе как самобытный писатель со своим почерком.

Е. КРЕЧЕТОВА

А. Эбаноидзе. «Брак по-имеретински». Роман. Журнал «Дружба народов», № 3. 1976.

ПОЗДРАВЛЯЕМ ЮБИЛЯРОВ

И. А. РАХИМОВУ — 60 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по узбекской литературе направили Ибрагиму Абдурахимовичу Рахимову (Ибрагиму Рахиму) приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас с шестидесятилетием со дня рождения.

В Вашем лице мы приветствуем ветерана Великой Отечественной войны, талантливого узбекского писателя, внесшего заметный вклад в развитие родной литературы. Мы знаем Вас как прозаика, драматурга и очеркиста, в чьих произведениях показаны героизм защитников Родины, жизнь и самоотверженный труд наших современников. Широкую популярность завоевали среди читателей Ваши книги «Настоящая любовь», «Преданность», «Хилола», «Капитан голубого корабля», «Судьба», «Беспокойный город», «Уходили добровольцы...», переведенные на русский и другие языки народов СССР.

На протяжении ряда лет Вы возглавляете сатирический журнал «Муштум», поднимая на его страницах важные морально-этические проблемы. Много сил и энергии Вы отдаете общественной работе как член правления Союза писателей Узбекистана.

Партия и правительство высоко оценили Ваш труд, наградив Вас орденами и медалями, присвоив почетное звание «Заслуженного работника культуры Узбекской ССР».

От души поздравляем Вас с юбилеем и высокой правительственной наградой. Желаем Вам крепкого здоровья, счастья, неиссякаемой творческой энергии».

Д. Р. АВОТЫНЬ — 50 лет

Секретариат правления Союза писателей СССР и Совет по латышской литературе направили Дайне Рудольфовне Авотынь приветствие:

«Сердечно поздравляем Вас, известного латышского поэта и прозаика, со знаменательным юбилеем.

Ваше творчество обогатило латышскую советскую поэзию самобытной лирикой. Ее герой — человек богатой духовной жизни, исполненный любви к Родине, гордости за героическое прошлое народа. В сборниках «Горит алый мак», «Полынное вино», «Цветение камня», «На ладони ласточка», «Малые пристани» Вы воспеваете ратный подвиг партизан Великой Отечественной войны, высокие помыслы наших современников, красоту родной природы, бескорыстную и светлую любовь.

Латышским читателям полюбились также Ваши прозаические произведения. В романе «Не убивайте косулю» и лирической повести «Зузе» Вы показываете сложные женские судьбы. С интересом был встречен Ваш роман «Каменный якорь», написанный совместно с председателем рыболовецкого колхоза на документальном материале. В этой книге, как и в своих очерках, Вы рассказываете о росте социалистического сознания тружеников, об интересных человеческих судьбах. Мы знаем Вас и как талантливого переводчика, знакомящего латышских читателей с произведениями литовских поэтов.

Большое уважение вызывает у нас Ваша деятельность неутомимого пропагандиста латышской советской литературы, одного из организаторов литературной жизни республики. Много сил и энергии отдаете Вы организационно-творческой работе, являясь секретарем правления Союза писателей Латвии.

Желаем Вам крепкого здоровья, большого вдохновения и дальнейших успехов в творчестве и общественной работе».

⁂

«Литературная газета» присоединяется к этим теплым поздравлениям.

В РЕДАКЦИЮ «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ»

Позвольте через вашу газету сердечно поблагодарить всех, приславших мне поздравления в связи с моим семидесятилетием и награждением орденом Трудового Красного Знамени.

Владимир КОРАБЛИНОВ

■

Сердечно благодарю всех, поздравивших меня с восьмидесятилетием и награждением орденом Трудового Красного Знамени.

Лев СЛАВИН

НУЖНО ЛИ ПЕРЕВОДИТЬ С ДРЕВНЕРУССКОГО?

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

ПРИДУМАННАЯ СЛОЖНОСТЬ

Довольно странно это звучит: «перевод с древнерусского». Невольно думаешь: неужто и впрямь мы не в состоянии понять свой же древний русский язык? Неужто человек, знающий русский язык хотя бы в объеме начальной школы, не в состоянии прочитать и понять такой, например, текст:

«О светло светлая и украсно украшена земля Руськая! И многыми красотами удивлена еси: озеры многыми, удивлена еси реками и кладязьми месточестьными, горами крутыми, холми высокыми, дубровами частыми, польми дивными, зверьми разноличьными, птицами бещислеными, городы великыми, селы дивными, винограды обителными, домы церковьными и князьми грозными, бояры честными, вельможами многами — всего еси исполнена земля Руская, о правоверьная вера хрестияньская!»

Это начало одного из выдающихся памятников литературы Древней Руси — «Слова о погибели Русской земли». Причем текст здесь уже переведен на современные алфавитные знаки, и любой, как мне кажется, прочитает его без запинки. Два-три слова, конечно, могут показаться незнакомыми, да синтаксический строй несколько непривычным, — тем интереснее вчитываться, вслушиваться в звучание взволнованного голоса, пробивающегося к нам сквозь века: «О светло светлая и украсно украшена земля Руськая!..»

Что здесь, собственно, переводить? Тем не менее почти в любом издании мы встретим перевод этого текста с древнерусского.

Вот и хочется спросить: да нужно ли это? Нужно ли вообще переводить с древнерусского на современный русский: не с родственного или близкого по духу языка, как, допустим, старославянский, а с родного? Ведь еще Ломоносов особо подчеркивал: «...российский язык от владения Владимирова до нынешнего веку, больше семисот лет, не столько отменился, чтобы старого разуметь не можно было...» Не случайно и выходящий сейчас словарь древнерусского языка назван «Словарь русского языка XI—XVII веков». Это один язык на разных исторических уровнях своего развития, и мы в состоянии его «разуметь».

Ну, а как же, спросит каждый, «Слово о полку Игореве»? Его переводы Жуковского, Козлова, Вельтмана, Майкова, Мея, Бальмонта, уже в наше время Заболоцкого, Рыленкова? В чем их смысл, если мы в состоянии сами прочитать подлинник?

В том-то и дело, что «Слово о полку Игореве» чуть ли не единственное произведение древнерусской литературы, понять и расшифровать образный, метафорический язык которого действительно сможет далеко не каждый.

К тому же и у Козлова и Жуковского, и у Заболоцкого и Рыленкова не столько перевод с древнерусского на русский, сколько перевод с одного поэтического языка на другой — поэтический же. Впрочем, это само по себе примерно то же самое, что перекладывать или пересказывать «на употребительном ныне наречии» стихи Симеона Полоцкого, Ломоносова, Державина.

По установившейся традиции, произведения, созданные начиная с XVI века, печатаются без переводов. Хотя памятники литературы XI—XIII веков и даже самые древние — «Повесть временных лет», «Поучение Владимира Мономаха», «Слово Даниила Заточника» — в сравнении с некоторыми из них отличаются как раз предельной простотой языка. Он сложен, но именно своей простотой, тем, что всякий раз нам самим нужно возвращаться к корневому, изначальному значению слов. И потому прочтение подлинников XI—XIII веков действительно требует определенных усилий, элементарной подготовки, знаний, наконец. Более того, здесь нужно вслушаться в строй языка, попытаться почувствовать его внутреннее звучание. Вот начало «Слова Даниила Заточника», одного из самых ярких по языку памятников и, кстати, не менее «зашифрованного», чем «Слово о полку Игореве»:

«Въструбимъ, яко во златокованыя трубы, в разумъ ума своего и начнемъ бити в сребреныя арганы возвитие мудрости своеа. Въстани слава моя, въстани въ псалтыри и в гуслех. Востану рано, исповемъ ти ся. Да разверзу въ притчах гадания моя и провещаю въ языцехъ славу мою. Сердце бо смысленаго укрепляется въ телеси его красотою и мудростию».

При чтении такого текста хорошо иметь под рукой буквальный перевод, почти подстрочник, но только для того, чтобы с его помощью лучше разобраться в оригинале.

«Вострубим, как в златокованые трубы, во все силы ума своего, и заиграем в серебряные органы гордости своею мудростью. Восстань, слава моя, восстань в псалтыри и в гуслях. Встану рано и расскажу тебе. Да раскрою в притчах загадки мои и возвещу в народах славу мою. Ибо сердце умного укрепляется в теле его красотою и мудростью» (перевод Д. С. Лихачева).

Конечно, «разум ума своего» не то же самое, что «силы ума своего», а «возвитие мудрости» намного образнее, чем прозаическое «гордости своею мудростью», и, кстати, если уж говорить о точности, то «возвитие» это не «гордость», а польза, выгода. Но это уже детали. Поэтическое слово тем и отличается, что оно многозначно, его трудно свести только к одному значению. При сличении копии с оригиналом своими глазами убеждаешься в неповторимости, непереводимости оригинала. Одно время мне казалось, что в этом и состоит смысл «перевода с древнерусского». Во всяком случае, никогда не приходило в голову, что возможно существование перевода без оригинала. Оказывается, таковые давно существуют. Есть издание 1936 года «Древнерусские летописи», в котором фрагменты из Начальной, Киевской и Галицко-Волынской летописей даны только в переводах. Нет оригиналов и в издании «Художественная проза Киевской Руси XI—XIII веков» (М., 1957), а в недавно вышедшем третьем сборнике «Рассказы русских летописей XII—XIV веков» также приведены только переводы с древнерусского.

Правда, в последнем случае оправданий более чем достаточно. Издание рассчитано на детей, выпускается в «Школьной библиотеке» издательства «Детская литература», так что цели и круг читателей вполне определены. Если уж издания для взрослых выходят без оригиналов, то что же говорить об издании оригиналов для детей?

И все-таки, все-таки это не оправдание, скорее, наоборот — именно для детей, для школьников необходимо издание подлинников, знакомство с первоисточниками. Нет нужды объяснять, что язык является точно таким же памятником своей эпохи, как само произведение.

Мы же, не задумываясь, берем на себя смелость судить, что доступно и что недоступно ребенку, знакомим их с «обезвреженными» произведениями литературы, превращенными в дистиллированную водичку.

Но откуда, как не из подлинников литературы Древней Руси, подросток сможет уже в школе закрепить свои знания, пополнить их знанием истории, культуры? И почему бы однажды не попробовать издать для детей не переводы и не переложения, а подлинные тексты, максимальным образом приближенные к подлинникам, а не удаленные от них?

Мы же поступаем как раз наоборот, а тем самым, как мне кажется, создаем искусственный барьер между древнерусским и современным русским языком. Есть же определенный тысячелетний запас слов — корни его и в языке литературных памятников и летописей Древней Руси, и в былинах, и в сказках, и в языке современном. Неужто не ясно, что слова являются своеобразным «генетическим фондом» нашего языка, сохраняя в «закодированном» виде всю сумму информации о своем времени? И со словами нужно обращаться так же бережно, как обращается реставратор с живым живописным слоем, стараясь его не затронуть, не повредить. И в произведениях Андрея Рублева можно, при желании, «восстановить» утраченные места, и Венере Милосской вполне можно приделать руки, но люди почему-то сохраняют все, как есть.

Почему же со словом, живым и животворным словом, мы поступаем так неосмотрительно?..

Виктор КАЛУГИН

КОММЕНТАРИЙ СПЕЦИАЛИСТА

КАЖУЩАЯСЯ ПРОСТОТА

Статья Виктора Калугина не может не вызвать симпатии к позиции ее автора уже потому, что основание и оправдание этой позиции — любовь к родному языку, уважение к его истории, искреннее желание, чтобы современный читатель оценил красоту и звучность «старых словес»... И тем не менее с утверждением, будто переводы с древнерусского не нужны, согласиться совершенно невозможно.

Прежде всего посмотрим на этот вопрос с позиции самого переводчика. Ощущает ли он необходимость, целесообразность своей работы? Да, несомненно. Легко ли переводить с древнерусского языка? Не очень сложно. Но легко ли переводить древнерусские литературные памятники? Трудно, очень трудно! Я не случайно подчеркнул это противопоставление: дело не в сходстве или отличиях русского языка наших дней от языка Древней Руси XI—XV веков (а именно памятники этого периода в изданиях для широкого читателя, как правило, сопровождаются переводами), а в конкретных текстах этого периода. Мы постоянно встречаем в них фразы и целые фрагменты, которые трудно понять и весьма нелегко перевести.

Затрудняют редкие слова и значения, не зафиксированные в других текстах и — соответственно — в словарях; затрудняют многочисленные «темные места» — слова и фразы, непонятые и искаженные еще древнерусскими писцами; чрезвычайно сложен язык некоторых памятников, переведенных на славянские языки с греческого или латинского. Переводчик не только должен обладать литературным дарованием, быть хорошим стилистом — он должен быть знатоком грамматики и лексики древнерусского языка, текстологом, специалистом в области средневековой культуры.

Заметим, что понять смысл текста и перевести его — далеко не одно и то же. Вот, например, казалось бы, ясная фраза из «Слова Даниила Заточника» — памятника XII века: «Мнози бо дружатся со мною, погнетающе руку со мною в солило, а при напасти аки врази обретаются и паки помагающе подразити нози мои...» Значение этих слов таково: «Ведь многие дружат со мною и вместе тянут руку в блюдо, а когда я в беде, становятся врагами моими и сами помогают ударить меня по ногам». Но согласитесь, что это лишь «объяснение» текста, но не художественный перевод его. Работа переводчика только начинается. Нам известны, например, глаголы «сразить», «поразить», но нужно найти современный эквивалент редкому слову «подразить». Слово «солило» в переводных текстах соответствует грецизму со значением «блюдо», «чаша», но здесь речь идет о символе дружбы — о совместной, непринужденной трапезе. И мы должны прояснить читателю этот образ (восходящий, кстати говоря, к евангельскому тексту). Итак, не буквальный, а именно **литературный** перевод призван сохранить для нас образную систему подлинника. А такой перевод требует формальных знаний не в меньшей степени, чем художественной интуиции. Требовать этих знаний от читателя-неспециалиста совершенно неправомерно.

Другой пример, на этот раз из древнерусского перевода византийского романа об Александре Македонском. Мать Александра — Олимпиада является к чародею Нектонаву, желая узнать, что ожидает ее в будущем. Нектонав, «вложивъ руку за пазуху свою», достает «дщицю». Буквально — «дощечку», но из дальнейшего описания мы понимаем, что речь идет о некоей пластинке с изображениями и символами для гадания по звездам. Смысл понятен, но как перевести слова о том, что Олимпиада дивится «дщичному многоразличию»? Ведь не скажешь же «дощечному многообразию»! И снова муки переводчика, вызванные лаконизмом средневекового текста, отсутствием в нем конкретных деталей, которые непременно присутствуют в произведениях литературы нового времени.

Я не привожу здесь примеров, когда текст просто непонятен, на первый взгляд непереводим, из-за того, что он искажен в процессе переписки памятника еще в древности — примеров таких достаточно в тексте «Слова о полку Игореве», и они хорошо всем известны.

Ну, а если древнерусский текст достаточно прост? В. Калугин утверждает, что такой текст способен прочесть и понять всякий, «знающий русский язык хотя бы в объеме начальной школы». Это заблуждение. Простота древнерусского текста часто бывает иллюзорной: читатель не замечает тех или иных особенностей в лексике и грамматике, понимает смысл в общих чертах и порой совершенно неверно.

Ведь надо знать древнерусский язык, чтобы понять, что «полк» — это не только отряд воинов, но и «поход», что князь «лицем красен» — не краснолиц, а красив, что девушка, мучимая «теснотою многою», страдает от любви, а не от недостатка жилой площади... И сколько еще таких знакомых незнакомцев! Возьмем такой «простой» пример из летописи: «Володимеру же шедшю Новугороду по верховьние вое на Печенегы, бе бо рать велика бес перестани, и в се же время уведеша печенези, яко князя нету, и придоша, и сташа около Белагорода. И не дадяху вылести из города и бысть гладъ великъ в городе...» Чтобы правильно понять этот текст, нужно знать, что первая фраза — оборот, который следует перевести придаточным предложением («Когда Владимир пошел к Новгороду...»), что «рать» в данном случае не «войско», а «война», что «около» — это не «возле», а «вокруг» (печенеги осадили город), что форма «не дадяху» говорит о многократности действия (враги не давали выйти осажденным), что глагол «вылести» имел значение «выйти», а «город» — не крупный населенный пункт, а крепость, огороженная валом или стенами.

И так почти в каждой, даже самой простой фразе.

А теперь взглянем на необходимость перевода глазами читателя. Помогает ли ему перевод, побуждает ли обратиться к подлиннику, чтобы самому насладиться непередаваемым обаянием древнерусского слога?

Мне думается, что в наибольшей степени удовлетворит всякого читателя тот прием публикации древнерусских текстов, который мы видим в томе Библиотеки всемирной литературы, посвященном литературе Древней Руси, — древнерусский текст и его перевод печатаются параллельно, на левой и правой сторонах книжного разворота.

Оставьте читателя наедине с древнерусским текстом: редкий одолеет его до конца, а если и одолеет, то не раз споткнется на трудных местах, или не поймет их, или поймет неверно.

Предложите читателю только перевод памятника — и он не представит себе подлинного древнерусского текста, не почувствует того колорита «старых словес», который бессильны передать порой и самые лучшие переводы.

Заметьте, что публикации текстов и переводов раздельно — в начале и в конце книги — невольно ориентировали читателя на выбор одного из упомянутых выше путей — либо чтения текста без перевода, либо перевода без текста.

Когда текст и перевод печатаются параллельно, удовлетворен может быть любой читатель — и тот, кого интересует лишь содержание памятника, и тот, кто захочет с помощью параллельного перевода прочесть и понять оригинальный текст и — я цитирую В. Калугина — «вслушаться в строй языка, попытаться почувствовать его внутреннее звучание». Именно перевод (разумеется, перевод хороший, с уважением и тактом передающий и слово, и дух оригинала) наряду с реальным и филологическим комментарием — наилучший путь к ознакомлению с древними памятниками всех тех, кому дорого и интересно культурное наследие Древней Руси.

О. ТВОРОГОВ,
доктор филологических наук

В ПУСТЫНЕ СЛОВ

Вик. ЕРОФЕЕВ

Что греха таить! Часто, очень часто приходится слышать суждения о литературоведении как о науке скучной, вторичной, необязательной, а о литературоведах — как о людях, выхолащивающих в своих работах живой дух литературы и даже литературу «убивающих». Об этом говорится и в письмах, время от времени приходящих в редакцию. Их авторы с раздражением пишут о «засушенном» стиле и безликости иных литературоведческих работ, об исследованиях, отличающихся друг от друга разве что фамилиями авторов да названиями «исследуемых» книг.

Исходя из этого, мы решаемся опубликовать сегодня своеобразный «портрет» литературоведа, над работами которого как раз и скучает читатель.

Нет, в самом деле: обязательно ли литературоведу уметь писать? То есть обязательно ли ему обладать литературным дарованием? Мне скажут: это весьма **желательно**, да-да, это просто замечательно, когда литературовед умеет писать: изящный слог, живое слово украшают его труды и веселят сердце читателя... Позвольте, перебью я, но мы снова уходим от прямого ответа, мы опять уклоняемся в сторону **желательности**, в сторону желательной необязательности: хорошо бы, конечно, но и так не беда... А я говорю: беда.

Ведь **желательно** уметь писать всем, кого профессия заставляет сочинительствовать на бумаге... Решительно всем, даже составителям правил уличного движения. Но литературовед существенно отличается от иных, **волей-неволей** пишущих ученых, ибо литературоведение — это не только наука о литературе, но и род литературного труда, требующего, по определению, особого «чувства слова», особого отношения к слову. И если мы об этом порой стали забывать, если в нас развилась снисходительность, граничащая с убежденностью, то это значит, что мы внутренне примирились с фигурой — скажем так — «унылого литературоведа», не только предоставив ей право на существование, но и в известной мере подчинившись логике этого существования.

«Унылый литературовед» — персонаж отнюдь не мифический: это самостоятельная фигура в нашем литературном процессе, требующая обособления и своего портрета. Ее не следует смешивать с другой фигурой — «плохим литературоведом», настолько плохим, что он все норовит упасть, оконфузиться, стать героем какой-нибудь скандальной истории. Такую фигуру у нас часто разоблачают на страницах печати. А ведь даже бывает жаль заблудшую в литературоведение овцу: взяли и выпороли беззащитное существо, у которого деепричастные обороты блаженно висят в воздухе, которое с божественной наивностью перевирает управления русских глаголов и при этом Пруса путает с Прустом...

«Унылый литературовед» никогда не выбежит на глаза читающей публики голеньким и безоружным; напротив, он «весь в броне». Ему чужды «псевдонаучные» галлюцинации и фантазии «плохого литературоведа», которого он от души презирает. Он обстоятелен, неторопоплив, и метод его (в это свято он верит) научен. Я вижу его, склонившегося к столу, — зеленый абажур, книги с закладками, исписанные бисерным почерком карточки, выражение лица сосредоточенное, телефон отключен, на лбу капельки пота. Я знаю, ему трудно: это «муки слова». Нельзя отрицать известных его достоинств. К примеру, я восхищаюсь его умением цитировать. Он знает, сколько и чьих цитат требуется на один печатный лист статьи: одних он цитирует по необходимости, других — для самоутверждения, третьих — на всякий случай («не помешает»). К тому же он чертовски работоспособен и трудолюбив. Он долго шлифует свой труд, как океан шлифует камни, но не спешите ему сочувствовать — его камень не драгоценный!

Это галька, которая канет в Лету без промедления, без всплеска, однако есть смысл говорить о ней: гальки несколько многовато.

Нескромно заглянем через плечо нашего литературоведа. Над чем он трудится? Что шлифует? Перед глазами возникнет замысловатая фраза, что-нибудь этакое: «Процесс формирования мировоззрения писателя, на которого большое влияние оказало становление новых принципов идейно - художественного значения, происходившего главным образом в предшествующий период, сопровождался, что особенно важно отметить, углублением изображения своеобразными художественными средствами злободневной действительности, в результате чего одной из отличительных черт его романов, составляющей их идейно-тематическую основу, является всесторонний показ усиления влияния произвола чиновничества и растущего недовольства безлошадного крестьянства, характер которого характеризуется характерными чертами эпохи». Наш литературовед перечитывает написанную фразу один раз, другой и остается... недовольным. Кажется, он несколько погрешил против законов стилистики. Придется ему расстаться с любимейшим словечком «характерный», с этой незатейливой палочкой-выручалочкой, к помощи которой он прибегает в своих монографиях от 100 до 300 и более раз (не верите — посчитайте!), заменить «характерный», ну, допустим, на «типичный» («тоже красиво!»): «типичными чертами эпохи». Ну вот, теперь совсем другое дело! Теперь, правда, недоволен читатель. Он скажет, что это не фраза, а бред сивой кобылы, и вообще... откуда эта фраза? Придется сознаться, что ниоткуда, что я ее сам придумал, свалив в кучу наиболее «характерные» слова из лексикона моего героя.

Откуда взялся этот тарабарский лексикон? Чему он обязан? Думаю, понятию о нормативности. Нормативность — девиз нашего литературоведа. Он человек «штампованного» языка и «штампованных» мыслей. На том стоит. Тем хуже. Литературоведение — больше, чем профессия, это призвание, устремленное на вечные и бескорыстные поиски «сущности» литературы, и нормативность здесь не добродетель, а порок и обуза. Не знаю, что «первичнее» в нашем литературоведе — бессилие языка или мысли. Очевидно, одно сплетено с другим. И крепче всего — в штампе.

Что такое штамп? Это омертвевшая кора языка, сквозь которую не проглядывается личность пишущего. Ну и прекрасно, что не проглядывается! Иному литературоведу именно это и нужно. Штамп оказывается для него важнейшим средством самозащиты: свое неумение писать и самостоятельно думать он искусно скрывает, пользуясь отчужденным языком, за который он не несет никакой ответственности. Иначе говоря, пишет он и одновременно не он, а некое оно.

В результате возникает анонимный, наукообразный (еще лучше его назвать: паукообразный) стиль, которому непонятно когда и за что присвоено звание «академический». И точно так же, как театр, удостоившийся подобного звания, находится в более выгодном положении, нежели обычные театры, «академический» стиль нередко теснит ненормативные формы выражения. Так из самозащиты наш литературовед переходит в наступление. Он агрессивен и честолюбив. Он упрекает своих коллег, которые пишут и мыслят иначе, чем он, в «маниеризме», «пустом оригинальничанье», отсутствии «научного, комплексного подхода» и прочих грехах индивидуального творчества.

Хорошо жить на свете «унылому литературоведу»! Его творчество не индивидуально. Если он вдруг уедет в командировку или, не дай бог, заболеет и будет не в состоянии дописать статью к сроку, ничего страшного не произойдет, за него допишут его друзья, ибо эти друзья взаимозаменяемы (что очень удобно для редакторов).

Давайте послушаем подлинный голос тонкого ценителя общих мест и расхожих истин, создателя глубокомысленных афоризмов типа: «Искусство не любит топтаться на месте» или «Каждая эпоха ставит перед писателями новые задачи». Давайте подивимся виртуозности его конкретно схоластического или, может быть, схоластически конкретного мышления. Я предлагаю читателю загадку. О какой литературе идет речь в следующем (подлинном) отрывке: английской, русской, мексиканской, японской или болгарской? «Н-ский роман этого периода отличается целым рядом качественно своеобразных черт. К ним относятся эпическая полнота изображения н-ской действительности в ее глубочайших противоречиях, расширение охвата жизненного материала, создание новых социально-психологических типов, отражающих своеобразие н-ского национального характера, глубина психологического анализа, изображение общественной жизни и духовного мира людей в их взаимосвязи и обусловленности, оригинальность и сила художественного мастерства».

Читателю, который первым пришлет правильный ответ, я с удовольствием вышлю книгу, откуда взят приведенный отрывок. Не знаю только, осилит ли он ее...

Дело в том, что читать нашего литературоведа — все равно, что жевать картон, нарезанный в виде лапши. Читать его — все равно, что путешествовать по пустыне. Что за однообразие пейзажа! Песок хрустит на зубах; вот зарядил сухой пересказ, и «произведение» немедленно «слиняло», герои замерли в неестественных позах с открытыми ртами, и даже история их любви стала тоскливой до зевоты; а вот в пересказ ворвался «разбор», и началось: легкие светотени, созданные писателем, уступили место грубым и категорическим мазкам: одних героев наш литературовед на своем «страшном (действительно страшном) суде» отправил в рай, других — в преисподнюю, третьих распотрошил да так и оставил.

И хорошо еще, если все это случится в предисловии, и, не переводя духа, мы возьмемся за текст самой книги, с радостью обнаруживая, что «предисловщик» просто пошутил: не все так нудно и самоочевидно, и есть над чем подумать, над чем, если хотите, поплакать. Предисловие — место встречи широкого читателя с литературоведением. Я знаю читателей, которые в панике бегут этой встречи. У них настолько разыгралась идиосинкразия к предисловиям, что иногда они пропускают предисловие самого автора, боясь, что в нем он проявит дурные качества рядового «предисловщика».

Наш литературовед не любит и боится настоящей литературы, она пугает его многообразностью, «непричесанностью», отчего он оказывается в положении директора пионерского лагеря, смертельно уставшего от детских забав и фокусов, мечтающего о том, чтобы его подопечные ходили по дорожкам парка строем под барабанную дробь от утренней линейки до вечерней.

Я вижу отличие «унылого литературоведа» от Дантеса в том, что он никогда не убьет Пушкина, но тем не менее с меланхолической методичностью он будет вновь и вновь покушаться на убийство, как Раскольников в том сне, когда он бил топором свою жертву и не мог зарубить. Это сон, но это дурной сон, и от него становится не по себе.

Однако у нас есть счастливая возможность справиться с наваждением, стоит только обратиться к трудам целой плеяды наших замечательных литературоведов различных поколений, создателей новых направлений и школ, выдающихся ученых, на чьих лекциях слушатели стоят в проходах, чьи книги, написанные со страстью первооткрывательства как на «горячие» темы литературных революций XX века (вплоть до наших дней), так и на темы, казалось бы, куда более «прохладные»: литература Древней Руси, творчество Рабле или Плутарха, — не зимуют на прилавках книжных магазинов. Иные из этой плеяды, увы, уже умерли, но их традиции и память о них делают нас требовательными к себе и к другим.

Я далек от мысли, что это или подобное ему выступление может нанести роковой удар по нашему литературоведу, заставить его преобразиться или замолчать. Но сказать ему прямо, что он не благодетель литературы, не образец, не норма, а беда, не только желательно — необходимо. Вот я и говорю: беда.

Коллаж А. ВАСИЛЬЕВА

УВЫ, НАПИСАНО ПЕРОМ...

«— Убит... Бауман... — Где? — закричал Виргилий. — На Воскресенской».

Этот диалог мы встречаем на страницах книги Б. Костюковского и С. Табачникова «Русский Марат» (М., Политиздат, 1976, стр. 241).

На доме № 58 по Бауманской улице висит мемориальная доска, отмечающая место гибели Н. Э. Баумана. Но эта улица раньше называлась Немецкой. А Воскресенской, которая упоминается в книге, именовалась теперешняя улица 1905 года (за Краснопресненской заставой).

* * *

В книге Г. Севостьянова и А. Уткина «Томас Джефферсон» (М., «Мысль», 1976, стр. 240) говорится: «С жаром указывают федералистские сенаторы, что в Голландии, Швейцарии и Испании революционеры являются «пятой колонной» французских армий».

Речь идет о 1797 годе. Термин же «пятая колонна» впервые появился в период гражданской войны в Испании, в 1936—1939 годах.

В этой же книге, на стр. 246, упоминается переворот, совершенный Бонапартом 18 брюмера 1798 года (на самом деле — 1799 года).

По-моему, это ошибки, непростительные для исторической монографии.

О. ВИЛЕНСКИЙ
ДНЕПРОПЕТРОВСК

* * *

Хорошее дело сделало Краснодарское книжное издательство, выпустив трехсоттысячным тиражом избранные пушкинские стихотворения. Однако приходится упрекнуть издательство в небрежности.

Начальные строчки «Узника» (стр. 6) напечатаны без точки после первой строки, что вносит сильное искажение в смысл строфы:

Сижу за решеткой
в темнице сырой
Вскормленный в неволе
орел молодой,
Мой грустный товарищ,
махая крылом,
Кровавую пищу
клюет под окном...

Получается, что узник называет себя «молодым орлом». Точка, а при чтении — пауза после первой строки совершенно необходимы. Попутно замечу, что в этом стихотворении еще два отступления от пунктуации поэта...

В. СОЛОВЕЙ

НАЕДИНЕ

Фото А. ЛИДОВА

ПОЭЗИЯ

Расул ГАМЗАТОВ

■

Царицей прослыв в государстве Любви,
Столетье двадцатое ты не гневи:
Монархия — песенка спетая.
Отрекшись от трона, сама объяви
Республикой ты государство Любви,
Монархия — песенка спетая.
Подобно колонии, был я тобой
Легко завоеван в дали голубой,
Но к воле путь знают колонии...
— Ах, милый бунтарь, в государстве Любви
Отречься от власти меня не зови,
Когда ты — сторонник гармонии.
Уйду — станешь тем озадачен,
Что женщиной снова захвачен.

■

В училище Любви, будь молод или сед,
Лелеешь, как в святилище, ты слово,
И каждый день сдаешь экзамен снова,
В училище Любви каникул нет.
Где ходим мы по лезвиям клинков,
И оставаться трудно безупречным,
В училище Любви студентом вечным
Хотел бы слыть, касаясь облаков.
В училище Любви мы выражать
Года свои не доверяем числам.
И, хоть убей, не в силах здравым смыслом
Прекрасные порывы поверять.
И женщину молю: благослови
Мою судьбу в училище Любви!

■

На площади, где марши ликовали,
Мы шествие военных наблюдали,
Увенчанных созвездием наград.
Вдруг я сказал: — Имел бы вдоволь власти,
Дивизиям, сгорающим от страсти,
Назначил бы торжественный парад.
Чтоб, на седых мужей держа равненье,
С нашивками за славные раненья,
Держали строй влюбленные всех стран.
И за тебя я умереть готовый,
Шагал бы с ними, как правофланговый.
Ты рассмеялась: — Ах, мой ветеран:
Зачем парад влюбленным и равненье,
Им во сто крат милей уединенье!

■

На пенсию выходят ветераны,
Заслуги их, и подвиги, и раны
Забыть годам грядущим не дано.
А чем заняться этим людям старым,
Прильнув к перу, предаться мемуарам
Иль по соседним разбрестись бульварам
За тем, чтобы сражаться в домино?
Для поздних лет не все тропинки торны,
Зато любви все возрасты покорны,
Ее кавказский пленник я по гроб.
В отставку? Нет! Милы мне женщин чары,
Они мои давнишние сардары,
Пишу стихи о них, а мемуары
Писать не стану — лучше пуля в лоб!

■

С головою повинною я
Обращаюсь к тебе, моей милой:
— Не гневись, мой Верховный Судья,
Пощади, сделай милость, помилуй!
Если правишь ты праведный суд,
То припомни обычай Востока,
Он о том говорит не без прока,
Что повинных голов не секут.
Не впервые тобой я судим
За проступок, что признан греховным.
Ты Судьей моим стала Верховным,
Кто ж защитником будет моим?
Может, ты, мой Верховный Судья,
Станешь им, доброты не тая?

■

В Дербенте виноградари гуляли
И возносилась древняя лоза,
А предо мной, зеленые, мерцали
Твои, как виноградины, глаза.
В Японии попал я ненароком
На праздник вишни. И твои уста,
С вишневым породнившиеся соком,
Припоминал в-разлуке неспроста.
На праздник роз меня позвав, болгары
С вином багряным сдвинули бокалы,
Но догадаться не были вольны,
Что вспоминал я, их веселью вторя,
Как на заре выходишь ты из моря
По розовому кружеву волны.

Перевел с аварского
Яков КОЗЛОВСКИЙ

Никул ЭРКАЙ

Мокшалей

Под нашим мирным небосклоном
Среди лесов, среди полей
Стоит село в саду зеленом
С названьем нежным Мокшалей.

Я знаю: с добрыми сердцами
Здесь люди издавна живут.
Откроют двери перед вами,
За стол охотно позовут.

Здесь не бросают слов на ветер,
В ладу с делами здесь слова.
И людям жить красно на свете,
Даны высокие права.

Как сердцу радостно не биться:
Давно слепых избушек нет.
Дома здесь крыты черепицей,
Светло глядят на белый свет.

Метут метелками антенны,
Над ними — неба окоем.
О, как он чист, простор Вселенной!
Соринки даже нет на нем.

Цветы сирени по селенью —
Как голубые облака...
Смотрю.
Во взгляде — просветленье.
К бумаге тянется рука.

Хлеба убрали

Короче дни. Свершают люди
Свои осенние дела.
Подует скоро ветер лютый
По тихим улицам села.

Хлеба убрали — сердце радо,
Цветут в нем майские сады.
Зерно отборное — награда
За все заботы, за труды.

Хлеба убрали. Но гляди-ка,
Как зеленеют вновь поля!
Я слышу, нива шепчет тихо:
— Не знает отдыха земля...

Хлеба убрали. Как курганы,
Стоят задумчиво стога.
А над Сурой светло и рьяно
Горят кострами берега.

В огне осины и березы.
О, как они волнуют нас!
Их подожгли шальные грозы,
Что пронеслись последний раз.

Вода в реке, как лед. Над нею —
Туман белее молока.
Все тяжелее и мрачнее
Плывут по небу облака.

Не слышно скрипа коростели,
И улетают журавли.
В глухих урочищах постели
Уже медведи припасли.

Из рощ горящих утром рано,
Когда от рос в дыму луга,
Выходят лоси на поляны,
Держа радарами рога...

Да, все в природе увядает,
Теряет краски там и тут.
Но сердце крылья обретает:
Цветы в нем майские цветут.

А. С. Пушкину

Ты, не страшась лишений и угроз,
Пел о свободе голосом могучим.
Ты к нам пробился сквозь седые тучи,
Сквозь полыханье неуемных гроз...

Прозрачной синью залит небосвод.
Вокруг земля — в ликующем цветенье.
Мне кажется: из рощицы весенней
Навстречу солнцу выйдешь ты вот-вот.

Ты нужен нам, как поле, лес, река —
Все, что живою делает природу...
Поэты, жизнь отдавшие народу,
В народе остаются на века.

Перевел с мордовского эрзя языка
Иван ПИНЯЕВ

ДВА МНЕНИЯ ОБ ОДНОЙ КНИГЕ

Читатель и критик о книге Юрия Кузнецова «Край света — за первым углом» [издательство «Современник», М., 1976].

Владимир ЧЕПКУНОВ,
кандидат физико-математических наук

КРАЙ СВЕТА — ЗА ПЕРВЫМ УГЛОМ?

ЧЕЛОВЕК проявляется в поступках, поэт заявляет о себе стихами, но читателя, в сущности, мало занимает автор стихов, его первое побуждение — отыскать в них себя. Ни бесчувственные декларации, будь они и умными, ни горение чувства, питаемое простомыслием, не отвратят читательского недружелюбия, потому что поэзия — это гармоничное проявление единства сердца и ума поэта. Люди, и поэт в их числе, призваны в этот мир не мрачными пророками или плакальщиками, но добросовестными, умными и деятельными оптимистами.

Каждый, сообразуясь с собственными наклонностями и суждениями, волен назначать поэзии свои цели, и дай бог, если они совпадут с ее действительным призванием, судья здесь один — время. Ю. Кузнецов новым сборником стихов представил читателям свое мировоззрение, но не в скрытом вольно или невольно виде, как это обыкновенно бывает в поэзии и без чего она мертва, а совершенно открыто свою жизненную философию сделал предметом своей поэзии. Внимательный читатель должен теперь рассудить, сколь эта философия нова или по крайней мере интересна.

Можно порадоваться за Кузнецова, сумевшего в заголовок сборника вместить его содержание: так оно для автора и есть — край света за первым углом. Вровень с этим утверждением стоит и другая вольность — «русскому сердцу везде одиноко». Ну почему же? Народное сердце, а не только русское, отличается трогательной и мужественной преданностью тому, что собирательно величают родиной: приедет ли человек в город детства, стоит ли у холмика над прахом родителей, думает ли озабоченно о сегодняшнем дне или обращается к истории — нет, его охватывает не одиночество и неприкаянность, а чувство причастности к чему-то такому, чего и словами-то не передать, но что, кажется, составляет смысл его жизни. Иное дело, если смотреть на все глазами пассажира, едущего «в сторону Кавказа» («Водолей»). Искусственный сюжет, неправдоподобный в каждой детали, исключая разве заигрывание от скуки с проводницей и авторского возгласа: «Вы слышите, друзья-интеллигенты?» — рождает недоверие сначала к истинности или хотя бы к возможности происходящего, а следом и ко всему замыслу. И вообще, стихи Кузнецова отличает неестественность положений и картин: люди соседствуют с привидениями, обычные предметы одушевляются и пугают читателя действиями, им неподобающими; но аллегории, абстракции и эзоповский язык предполагают максимальную точность, лаконизм и обилие мысли, а не мистицизм в духе латинского средневековья.

Интересное, в общем-то, стихотворение «Завещание», правда, не по годам и заслугам рано написанное, теряет, на мой взгляд, от «облачной тени», мрачновато переползающей из строфы в строфу. Не только повторы, но и длинноты нет-нет, да и утомят при чтении, но больше утомляет другое. Насупиться на всех и вся? Это легко, для этого не нужно большого мужества: каждый век и каждое поколение при всей их непохожести соединяет какая-то вечная нить. Будет ли правдой повторить еще раз, — а это говорили во все времена, — что и век тяжелый, и жить непросто? Да, конечно, но есть и другая правда, которая поддерживает людей и не дает им бросаться в омут вниз головой. Говорить жестокости можно только во имя благих целей, а у автора сборника именно они-то как раз и очень ловко замаскированы. Обращение к патриотическим и историческим темам само по себе дела не спасает.

Отрадно намерение Кузнецова внести былинный дух в современную поэзию, откуда он давно повыветрился, но русское народное творчество, удивительно построенное и настойчивое в своем жизнелюбии, не знает ни одного героя, который бы не победил или не перехитрил зла. У Кузнецова же все как-то фатально и безысходно, внутренняя направленность стихов и зачастую и самый их язык привносят в них не русский дух, а нечто иное, противное этому духу.

Кстати, о языке: в словах «се-кони» больше вычурности, чем народности («Последние кони»).

В «Золотой горе» слово «супротив» употреблено в неожиданном для него значении «прямо», а строки оттуда же:

Где пил Гомер,
где пил Софокл,
Где мрачный Дант алкал,
Где Пушкин
отхлебнул глоток,
Но больше расплескал,

помимо неудобозвучания прямо-таки интригуют загадками: почему Дант сидел мрачный и голодный там, где пили Гомер с Софоклом; что «хлебал» Пушкин, не мог же он, в самом деле, пригубить глоток, а остаток его расплескать? Это не единственные примеры пренебрежения смыслом в угоду манерности.

Тема бездеятельной созерцательности, скитальчества, одиночества и раздвоенности преобладает в стихах, а ограниченность замысла немедленно проявляется в ограниченности поэтических средств: не случайно поэтому такие образы, как тень от облака, просто тень, пыль, туман пройти сквозь что-то (сквозь что в обиходе никак не пройдешь), вода в решете, рвануться на запад и восток (одновременно) повторяются в сборнике из восьмидесяти названий около тридцати раз.

Многие стихи сборника обращены к женщинам, только тщетно отыскивать в этих стихах свет и любовь, за ними кроется какая-то недоброта, если не сказать, жестокость. Женщины у Кузнецова всегда ущербны, безвольны и безлики и осуждены автором на безмолвное потакание всему, что принижает их: на пьянство мужа, вернувшегося от другой женщины к своей «законной жене», на предательство и эгоизм любовника, вызвавшего ее нагую тень на веселую холостяцкую вечеринку. Выбор поэтических тем и способов их подачи диктуется все же не свободословием, а здравомыслием и вкусом.

Иррациональность мышления, чрезмерное пристрастие к потусторонним персонажам и картинам, желание сказать новое любой ценой не оставляют спокойной возможности сосредоточиться на мыслях автора; только-только настроишься при чтении на высокий лад, как тут же натыкаешься на двусмысленность или просто противоестественность (например: «Не воздыми руки на дверь, не оттолкни, как мать»); только зайдет речь о смысле жизни или судьбах поэзии, как сразу же в эту высокую ноту примешиваются тщеславие или намеки на обиды. Поэзия превратилась у автора не в зеркало жизни, а в некое волшебное зеркальце, с которым удобно поболтать, задать ему каверзные вопросы и, не удовлетворившись ответами, ополчиться на целый свет, исключив из него одного себя.

Поэт говорит:

Прошу у отчизны не хлеба,
А воли и ясного неба.
Идти мне железным путем,
И зреть, что случится
потом,

А чего, собственно, зреть, когда автор не говорит, что он намерен делать в пути, и добавляет, что «горный лед мне сердце тяжелит. Душа мятется, а рука парит»? Что может совершить холодное сердце? Очевидно, к поэту должны взывать не «прохожий или бес», а бога глас, как это бывало в старину, тогда и не придется с недоумением и неприязнью присматриваться к таким строчкам:

Пушкин забыт. Чаадаева
помнить не надо.
Только хозяин показывал
гостю порой
Старый диван — две
отметины круглые рядом,—
Это сидели друзья,
прислонясь головой.

Нет, край света, если только он вообще существует, не за первым углом. Я старался высказаться о сборнике Кузнецова в целом, ибо бессмысленно расчленять оркестр, говоря, что одни инструменты в нем фальшивят, а другие ведут свою партию отменно.

При всей моей отчужденности к мироощущению Кузнецова я мог бы одобрить его намерение отмежеваться от «шифровальщиков пустот», если бы не подозрение, что в путь его позвали не красота и совершенство, а поэтический стол на «Золотой горе», где, по мнению автора, «Пушкин отхлебнул глоток, но больше расплескал». Но, собираясь в гости, нельзя брать с собой высокомерные суждения о хозяине дома, куда идешь.

Юрий СЕЛЕЗНЕВ

НО ПУТЬ ДАЛЕК...

ВПОЛНЕ соглашаясь с большинством общих высказываний В. Чепкунова о поэзии, не могу согласиться почти ни с одной из его оценок творчества Юрия Кузнецова.

Понятна смущенность или, скорее, возмущенность автора письма такими, например, «вольностями», как образ Пушкина, который «непонятно что хлебал» — по выражению В. Чепкунова, да при этом еще и «больше расплескал». И хотя «хлебал» и «отхлебнул глоток» (у Кузнецова) — далеко не одно и то же, все-таки обидно за великого поэта, не правда ли? — то ли он растерялся на «Золотой горе», то ли захмелел, рука дрогнула...

Видимо, в таком «обидном» плане и воспринимает В. Чепкунов многие из поэтических образов Ю. Кузнецова, образов, нужно сказать, сложных, требующих от читателей не скольжения по их поверхности, но творческого сопонимания. Неужто, к примеру, «философия» Тютчева вся заключена для нас в таких (пусть не столь тютчевских!) признаниях: «Чего желать? О чем тужить? День пережит — и слава богу!»? Если это Тютчев, то чем он, простите, не старосветский Афанасий Иванович или же старик Ларин, который, как известно, «мух давил... и умер в час перед обедом»? И что за легкомысленное умонастроение в отношении дружбы и даже жизни у самого Пушкина: «Что дружба? Легкий пыл похмелья...», «Дар напрасный, дар случайный, жизнь...»?

Однако мы понимаем, что, скажем, поэтический смысл стихотворения «На холмах Грузии лежит ночная мгла» никак не сводим к сообщению о том, что в Грузии наконец-то наступил вечер. А вот мир поэта, в который мы только начинаем входить, который мы еще не в состоянии охватить «единым взглядом», мы нередко представляем себе достаточно приблизительно, основывая свои впечатления на тех или иных остановивших наше внимание фразах. А отсюда зачастую, принимая или, напротив, не принимая это «поэтическое целое», мы, по существу, принимаем или не принимаем не самого поэта, а наше собственное представление о нем, которое со временем может либо подтвердиться, либо измениться, подчас коренным образом. Хотя поэт нередко остается в главном тем же, что и был до «перемен».

Думается, что и В. Чепкунов в своем письме осуждает не столько подлинного Ю. Кузнецова, сколько свое нынешнее представление о нем. И вот почему.

Да, мир Ю. Кузнецова сложен, многопланов. Но это не авторски нарочитая усложненность, это поэтическое отражение реального состояния мира. Может показаться, что главное, определяющее начало поэзии Кузнецова точно определяет слово **хаос**. Действительно, образ вихревого, хаотического движения проходит (скорее даже — проносится) едва ли не через большинство произведений поэта. Кажется, что весь мир увиден здесь в тот момент, когда «встает природа на дыбы», «деревья трахнуло вон из земли», «дороги дыбом», и «душа мятется» и когда уже не разберешь: «Соловей ли разбойник свистит, щель меж звезд иль продрогший бродяга?». Именно здесь, внутри этого «трагедийного» пласта поэзии, огромную роль играют и образы «бездомности», «раздвоенности», «шатания», поиска «края света», отмеченные в письме В. Чепкунова. Да, восприятие мира в его катастрофической неустойчивости — характерная, сразу же бросающаяся в глаза, но не единственная и далеко не центральная черта поэзии Кузнецова. Здесь же, внутри этого хаоса и из него рождается образ сопротивления и воли к преодолению трагедийного миробеспорядка. Вживаясь в мир этой поэзии, «ты» вместе с поэтом вдруг поражаешься «тяжести в душе» и начинаешь ощущать, «как та сопротивляется чему-то». И тогда ищешь и находишь среди круговерти иные, обнадеживающие ориентиры, начинаешь слышать иные голоса, улавливать за хаосом иной, поэтический пласт, в котором все «дышит и просит ответа», начинаешь различать в беспорядке вихря целенаправленность воли — из тьмы к свету: «ломают грозно сонные грибы асфальт, непроницаемый для света», а из этой целенаправленности рождается и сознание новой необходимости свободного, осмысленного деяния. Здесь все в этом мире готово к нему: «равнина ждет полета», «камень проснулся... и камню открылась душа».

Готовность к деянию рождает **порыв** (один из центральных образов поэзии Кузнецова), порыв обретает **путь**. Путь ведет к **дому**. И к тому, что «за первым углом», и к тому, что на «Золотой горе». Дом в поэтике Кузнецова — емкий и собирающий образ — это и отчий дом, и дом-Родина (поэмы «Дом», «Четыреста»), и весь мир, но уже не в его катастрофическом состоянии, а в ином, противоположном качестве. Образ находит у Кузнецова самые различные, но всегда исторически и поэтически оправданные воплощения: это, в конце концов, и путь преодоления «воли к власти» — символ разрушительного хаоса **войны** — победой «воли к жизни», сопряженной с образом **мира**.

Поэзия Ю. Кузнецова, взятая в целом, и есть по своей внутренней устремленности, по духу и смыслу — единая поэма, своеобразный поэтический эпос. Видеть же в поэзии Кузнецова только или преимущественно личную историю в стихах, так сказать, «дневник обид и претензий», как это увиделось В. Чепкунову, — значит не видеть здесь ничего. Или почти ничего. Поэтическое мироустроение Ю. Кузнецова и можно понять как своеобразные единство и борьбу трагического и эпического начал. «Пространство эпоса лежит в разорванном тумане», — так определяет сам поэт образ своего поэтического мира.

Потому-то такие народно-поэтические образы, как путь, колесо — образ судьбы, стопа, перепутье, три дороги, пыль — образ тленности, облако, пронизывают все творчество поэта, приобретают в нем характер устойчивости, свойственной всякому эпическому сознанию: «сыр-дремуч бор», «красно солнышко», «мать-сыра-земля» и т. д.

Впрочем, пронизывающий образ, который В. Чепкунов принял за «ограниченность средств», — вообще определяющая черта любого самобытного поэта. Правда, В. Чепкунова «напугал» и другой фантастический пласт образности Кузнецова. Ведь такая образность — характернейшая форма реалистического метода русской литературы.

Народно-эпическая, в том числе и фантастическая, образность у Кузнецова служит, в частности, и формой проявления **оптимизма** его художественного сознания. «**Даль**, рассеченная трикрат» (вспомним, кстати, что предыдущий сборник стихов поэта назывался «Во мне и рядом — **даль**»), как образ трагедийности **мира и человеческого сознания**, в поэзии Кузнецова преодолевается единством эпического взгляда не столько в прямых авторских высказываниях («Оставь дела, мой друг и брат, и стань со мною рядом. Даль, рассеченную трикрат, окинь единым взглядом»), сколько в самой образно-стилевой направленности всей его «мифо-поэмы». Потому и заключение поэмы «Дом», которое является, по существу, итогом всей книги: «Поэма презирает смерть и утверждает свет» — не просто фраза, но «исход» пути, по которому ведет читателей поэт в своей «единой поэме». И не случайно этот оптимизм как бы вырастает из предшествующего ему образа **мира** и **жизни** («И строились дома»), преодолевших фашизм — символ **войны** и **смерти**.

Вот в единстве и во внутренней направленности этого целостного мира поэта мы и должны «угадывать» образ того «края света», который «за первым углом», но путь к которому далек и труден. А глубинный смысл стихов «Но русскому сердцу везде одиноко...» — в сопряжении образов: «И поле широко и небо высоко» с «Да воспарит твой строгий дух в широком чистом поле!» Удивительно просты в своей внутренней сложности эти стихи Ю. Кузнецова («Завижу ли облако...»). Их внешний, первично-доступный смысл, выражающий как бы скептическое сомнение в самой попытке охватить «единым взглядом» вздыбленную, ускользающую плоть земли, несет противоядие от этого скепсиса уже и в самой поэтической форме стихотворения, которая рождает не тоску и сомнение, а «раздумье встревоженного духа». Ведь не оставили же равнодушными эти стихи и автора письма. Иное дело, что он принял их внешний скепсис за позицию самого Кузнецова, но результат их (пусть пока и за счет упреков в адрес поэта) — все-таки не «тоска» и не равнодушие, а потревоженная душа читателя.

Вот в этом же единстве идейно-художественного мира поэта, кровно сопряженного с народно-поэтическим и культурно-классическим наследием, и нужно открывать «тайну» того «Пушкина», к которому автор письма присматривается с «недоумением и неприязнью».

В финале поэмы «Золотая гора» возникает (не называясь) образ-символ «чаши» или «кубка» — образ, столь характерный для русской и мировой поэзии («кубок жизни», «мирская чаша», «чаша вселенского горя» и т. д.). Не случайно этот образ столь заостренно и как бы неожиданно связан в поэме именно с образом великого поэта. Видимо, здесь не место раскрывать все значения этого образа, но одно все-таки стоит вспомнить:

Блажен, кто праздник
жизни рано
Оставил, НЕ ДОПИВ
ДО ДНА...

Как видим, «странный» образ Пушкина в поэме не случаен и не произволен. Это именно пушкинский образ. Но не только. У Кузнецова он находит свое естественное, живое развитие: пушкинский «недопитый кубок» переосмысливается в поэме еще и через личную, оборванную «на полуслове» жизнь поэта, и через народно-эпическую «вселенскую чашу». По древнейшему обычаю — отхлебнув первый глоток, человек должен был расплескать остальное на землю, на окружающих, как бы ритуально воспроизводя «закон богов и природы», не таящих «чашу жизни» для одних себя, но окропляющих все и вся плодоносной влагой, одаряющих землю и людей животворящей благодатью дождя.

Чтобы выявить всю глубину и многообразие связей «странного» Пушкина, потребовалось бы немало места и времени. Поэт же скупыми, но емкими средствами образа создает свою версию Пушкина — дарующего напиток богов из чаши бессмертия всем, в том числе и нам, его потомкам. Хотя, по существу, подобные образы не исчерпываются никакими однозначными толкованиями.

Образ у Ю. Кузнецова, как правило, не обыгрывается и не используется для каких-либо намеков или дешевых ассоциаций. Он у него живет своей художественной жизнью. Правда справедливости ради должен сказать, что порою и у него встречаешься с узкоспецифическим приспособлением «вечных образов», как, например, в стихах «Атомная сказка» (неоднократно хваливших-ся уже печатно разными критиками), и даже прямо-таки с неудачными мотивами вроде: «Ночью вытащил я изо лба золотую стрелу Аполлона...»

Но подобные стрелы, запущенные «парящей рукой», в поэзию Кузнецова залетают, слава богу, нечасто и явно не органичны его поэтическому миру. Не созерцательность и самоуспокоенность, но «духовная жажда» рождает порыв к вершинным завоеваниям поэзии. Не чувство достигнутого, а сознание пути владеет поэтом: «Дай мысли — дрожь... а совершенству — путь», — и это действительно тот единственный путь, который ведет к «Золотой горе».

Но путь далек...

ТАЛАНТ, ТРУД, ГРАЖДАНСТВЕННОСТЬ ХУДОЖНИКА

СПЕКТАКЛЬ ИДЕТ СЕГОДНЯ...

Писатель Борис ВАСИЛЬЕВ

ДИАЛОГ

Артист Михаил УЛЬЯНОВ

М. УЛЬЯНОВ. Недавно я разговаривал с одним драматургом: он считает, что надо писать такие произведения, которые поднимали бы, так сказать, общечеловеческие проблемы, как бы мостиком перебрасывались в прошлое и имели бы значение в будущем. Он уверен, что злободневность еще не обеспечивает пьесе долгой жизни. Он, скажем, считает, что «Премия» Александра Гельмана — это быстропреходящее, сиюминутное творчество. В общем, он его не отрицает, но считает, что проблемы меняются и со временем, когда злободневная ситуация, положенная в основу конфликта, утратит свою актуальность, умрет и пьеса.

Вот как вы к такому мнению относитесь, Борис Львович? Спрашиваю потому, что и сам по этому поводу размышляю...

Б. ВАСИЛЬЕВ. Вы знаете, Михаил Александрович, тут есть для меня одна вещь бесспорная. Действительно, искусство должно решать какие-то вечные проблемы — в этом его сила, его бессмертие. Но ведь есть же еще и другое: а все ли на такое способны?

Конечно, величайшее счастье, когда человеку вдруг удастся создать нечто вечное. Это поразительно редкая штука. За всю мою жизнь я прочитал немалое число книг писателей-современников, но много ли можно назвать вечных героев, кроме Григория Мелехова?

Однако искусство не может жить одними вечными проблемами. Есть множество вопросов, тревожащих современника, и искусство должно ими жить, если они — **проблемы**. Поэтому — ради бога, меня простите! — в позиции вашего знакомого я вижу стремление «делать искусство в перчатках». То есть: «Я не буду браться за сегодняшние проблемы, если они завтра исчезнут, а возьмусь-ка за те, что никогда не исчезнут. Их я и буду вершить!» Почему бы тогда не пойти дальше и не ввести разделение на «белое и черное духовенство в искусстве» — тех, кто займется, так сказать, вечностью, и тех, кто поможет людям жить сегодня?.. Вот ведь до какого абсурда можно дойти, логически продолжая эту мысль.

М. УЛЬЯНОВ. Я как-то читал у Маршака: «Злободневные строки несомненно устареют, умрут. А вот через три года или через тридцать лет некоторые из них, может быть, и оживут». И чем горячее, точнее и злободневнее вещь, тем долговечнее может она оказаться. Это сказано о сатире, но ведь верно и для других жанров.

Б. ВАСИЛЬЕВ. Тем более, что проблемы никогда не стоят вне художника, они «врастают» в его душу. Вот если возникла и тревожит личная проблема, то вы не задумываетесь над тем, вечная она или не вечная, злободневная или нет — она **ваша**. И у вас появляется необходимость ее во что бы то ни стало выразить.

М. УЛЬЯНОВ. Я-то — как бы это сказать? — считаю, что вне сегодняшнего дня вообще искусства не существует. Ни классики, ни размышлений о будущем и настоящем. А раз так, значит, **сегодня — есть главное мерило искусства.** Только с этой точки можно вести отсчет. И когда вдруг нащупывается «сегодняшний пульс», то такой «злободневный» фильм, как «Премия»...

Б. ВАСИЛЬЕВ. ...вдруг находит отклик у миллионов. И приобретает огромное общественное значение.

М. УЛЬЯНОВ. Сейчас Гельман написал новый сценарий, называется «Обратная связь». Проблема там — архисовременная, жгуче современная, я бы сказал. Возможно, что со временем она исчезнет, эта проблема, даже наверняка исчезнет. Но сегодня она вызывает острейшие споры. Будут ставить спектакль, и картину будут снимать на «Ленфильме»...

Короче, я говорю, что без этой вот сегодняшней обжигающей силы ничего не выходит. Ни в классических произведениях, ни в современных.

В этом смысле мне лично дорог писатель, размышляющий и о прошлом, и о будущем, о великих и малых проблемах человеческого жития-бытия, — опять же с сегодняшних позиций. Потому что нельзя раскладывать проблемы на вечные и невечные.

Это все вроде бы ясно, но, к сожалению, так мучительно трудно осуществимо... Щупаешь, щупаешь, и не всегда пульс найдешь. Все не то. Не главное...

Вот вы, Борис Львович, по каким признакам определяете, что одни пьесы или спектакли современны, другие — нет?

Б. ВАСИЛЬЕВ. Вопрос довольно сложный. Но уж, конечно, не по покрою пиджака героя. Если — ну, я говорю условно, поймите меня правильно: если после спектакля — как-то невольно для себя — я начинаю думать не только о самом произведении, но и в том направлении, которое мне подсказала пьеса, смотреть куда-то дальше, вглубь, если возникает ряд каких-то ассоциаций, вот тогда это для меня современное произведение. А если я выхожу из зала и говорю: «Ну и что?» — дело, по-моему, плохо. К сожалению, этот вопрос возникает куда чаще, чем тот ряд ассоциаций, о котором я сказал. Вопрос «ну и что?» как раз и означает отсутствие современности. Для меня лично. Полное отсутствие современности.

М. УЛЬЯНОВ. Я бы сказал еще так: современное произведение, будь то пьеса или спектакль, должно заставить зрителя думать, размышлять, сопоставлять, спорить. Вот если произведение заставляет думать — не только «о данной теме», а о многих других, — оно современно, ибо сегодня мир слишком многообразен, его надо понять. Искусство всегда учит размышлять.

Для меня современность искусства неотделима от **профессионализма**. Почему? Потому что дилетантство стало нашей бедой. Все понемножку всё умеют. «Ну... можно... и так сыграть...»

Б. ВАСИЛЬЕВ. «И написать можно... так...»

М. УЛЬЯНОВ. И поэтому я завален пьесами, буквально завален. И театры завалены пьесами. Какая-то золотая лихорадка: «Раз он нашел, так почему я не могу найти? Он рыл? Значит, я тоже могу рыть!»

Короче говоря, профессионализм высочайшего класса, он является той естественной границей, на которой написано: «Стоп! Это выше, чем просто «я тоже могу!». Поэтому профессионализм и еще нестандартность, неожиданность мышления представляются мне одним из важнейших признаков современного произведения искусства.

Ведь в одежде, в поведении, даже в словах порой достаточно много стандарта. Мне кажется, что и на сцене, и на экране мало неожиданных характеров и ситуаций. Между тем они остро необходимы.

Например, я считаю, что такой актер, как Сергей Юрский, привлекает не только своим талантом и мастерством — он всегда неожиданно нов, поразительно неизвестен. Вот этим же, мне кажется, привлекают такие актрисы, как Юлия Борисова, Алиса Фрейндлих... Они интересны тем, что нельзя угадать — «а что там, за поворотом?». Если я точно знаю, что «за поворотом» будет все тот же куст сирени, я пойду туда вразвалку и нехотя. А когда «за поворотом» вместо куста сирени окажется вдруг пальма среди сибирских снегов...

Б. ВАСИЛЬЕВ. Знаете, однажды «для собственного пользования» я сформулировал, что есть искусство.

Человек может прожить только одну жизнь, и не каждому дано глубоко ее осмыслить — я не буду касаться причин, они разные. К тому же осмысление жизни нередко начинается во второй половине, когда «пик» пройден. И искусство помогает нам в осмыслении жизни. Оно в образной форме моделирует человеческие отношения — личные, общественные, моделирует человека.

Если искусство выполняет эту задачу, оно современно. Если оно увидело, воспроизвело, воссоздало модель сегодняшних человеческих отношений, такое искусство дорого. А если там лишь модель вчерашнего дня, давно знакомая мне, тогда искусство начинает выполнять другую свою функцию, второстепенную. Порой, стараясь развлекать, а не воспитывать. Вы, конечно, можете в меня «вцепиться»...

М. УЛЬЯНОВ. Нет, я не «вцеплюсь», потому что сам я не смог бы так логично выстроить свои довольно бурные, но не разведенные по «полкам» и «взводам», что ли, размышления о современности искусства.

Конечно, модель, создаваемая театром, должна соответствовать жизни — вот этот «наклад» должен совпадать. Только как это нелегко!

В том-то главная забота сегодняшнего художника — понять, что такое современность. В том-то и вся мука его, что, пробуя тысячу вариантов, он порой не может найти «ключ» от «сердца» зрителя или читателя. Он пробует связки ключей — и ничего не получается, а потом вдруг дверь поддается какому-то очень простому ключу...

Б. ВАСИЛЬЕВ. Если это ключ, а не отмычка.

М. УЛЬЯНОВ. В том-то и дело...

Б. ВАСИЛЬЕВ. У меня тоже есть вопрос. Вы — художник современный. По целям, по взглядам, по представлению о мире, об искусстве, по общественной деятельности. Но ведь с огромной страстью вы работаете над образами историческими, отдавая этому колоссальные силы. В частности, вы только что сыграли Ричарда, роль, которая для вас чудовищно тяжела — это хорошо заметно из зала. Вы играете с восторгом и упоением, и это тоже все видят. Но почему же — именно Ричард?

М. УЛЬЯНОВ. Знаете, Борис Львович, профессионализм, мастерство и т. д. — это те инструменты, без которых не откроешь ни один замок. Но и они — не самое главное. Самое же главное для меня заключается в том, чтобы сегодняшнего зрителя заставить размышлять о проблеме, которая мне кажется важной. Вот когда это есть, тогда работа перехлестывается через рампу или экран и становится предметом зрительного, иногда болезненного, иногда мучительного, иногда запутанного, но всегда необходимого разговора и размышления о жизни.

Что же касается «Ричарда III», то эта работа была начата не мной, а Михаилом Федоровичем Астанговым в шестидесят, кажется, пятом году.

Б. ВАСИЛЬЕВ. До того он играл в концертах сцену встречи Ричарда с леди Анной.

М. УЛЬЯНОВ. Главным образом — ее. То была его мечта. Михаил Федорович хотел сыграть Ричарда и ставить спектакль, а я должен был быть у него «на пристяжке» — вторым исполнителем роли и вторым режиссером. Но неожиданная и нелепая смерть тогда работу прервала.

Через несколько лет Рачия Никитич Капланян, поставивший трагедию в Ереване, был приглашен перенести спектакль на сцену вахтанговского театра. И когда мы начали работать с Рачия Никитичем и думать, думать, я вдруг понял, что то, что происходило в XV веке, когда жил Ричард III, имеет непосредственное отношение к сегодняшнему миру.

И «мой» Ричард перестал быть сверхчеловеком. Он ведь получает возможность убивать не в силу каких-то из ряда вон выходящих магических, мистических, гипнотических и прочих сил, а лишь потому, что мир разобщен и раздроблен. Поэтому я и стараюсь в меру своих возможностей — как бы это сказать? — вывернуть его наизнанку и показать, что ничего сверхъестественного в нем нет. Мне кажется, ситуация «Ричарда III» имеет отношение к современному миру. Ибо, к сожалению, «горло» и наглость иногда бывают победительнее ума и здравого смысла. Ибо нахрап и наглый напор иногда одерживают верх над достоинством и честью. Вот, собственно, те размышления, с которыми мы мучительно и долго работали над спектаклем. Наша работа, в общем-то, конечно, несколько сопротивляется привычному представлению о Ричарде...

Б. ВАСИЛЬЕВ. О Шекспире. Прежде всего — о Шекспире.

М. УЛЬЯНОВ. Да, я слышал: «Это не Шекспир — все чересчур заземлено!» Боже мой, достаточно почитать всего нескольких авторов и английскую историю того времени, чтобы понять, какая это была бесстыдная, какая безудержная была эпоха! А мне ведь важно показать не «короля вообще», а что у него «в душе»!

Ну, я могу по этому поводу говорить долго. О том же, кстати, шла речь в дискуссии на страницах «Литературной газеты». Я согласен с теми, кто признает за театром право на свое прочтение — и классической пьесы, и современной.

Промахи могут быть у театра? Могут. Перекосы могут быть? Могут. С ног на голову может театр поставить автора? Может. Но это уже, как говорится, случай особый. Это крайность. Здесь, конечно, есть пределы: театр не должен черное перекрашивать в белое.

Б. ВАСИЛЬЕВ. Я как раз принадлежу к тем, кто тоже считает это бесспорным правом театра. В доказательство разрешите привести «личный» пример. Марк Захаров поставил пьесу по моей повести «В списках не значился...». Спектакль получился интересный. Все согласовано со мной, но местами даже текст другой. Тема осталась прежней? Прежней. Но спектакль — это еще и «плюс режиссер Марк Захаров». Еще и «плюс театр». Это разговор на ту же тему, но уже театральным языком. Я опять говорю не очень ясно?..

М. УЛЬЯНОВ. Нет, вы говорите ясно. И это очень для меня важно. Ибо как только театр начинает пересказывать произведение буквалистски, боясь «собственного» голоса, тогда, как правило, ничего никогда не получается. И не может получиться.

Потому что я должен **вместе с автором** рассказать о жизни, о ее проблемах. Когда **вместе**, тогда — спектакль. А когда я имитирую, тогда я успеха не достигну. Ведь нельзя глядеть на мир только чужими глазами, даже — глазами великого драматурга, надо смотреть и своими тоже. А раз так, то я буду помощником автора — и не на подхвате, а вместе рассказывая о чем-то. И успех придет только тогда, когда у меня есть свой голос, пою ли я вторым или подголоском, подтягивая автору или поднимаясь иногда и над ним — бывает и такое...

Б. ВАСИЛЬЕВ. Бывает...

М. УЛЬЯНОВ. Иначе нет серьезного разговора. О чем может идти речь, если не решаешься говорить своим голосом?

А в целом я бы сказал так: театр имеет право ошибиться, но — **в поиске.** Если отобрать у театра право на поиск, он начнет жиреть в ощущении, так сказать, своей единственности и неповторимости. А как только у театра начинает расти «брюшко», как только он становится непререкаемым...

Б. ВАСИЛЬЕВ. Все — конец...

М. УЛЬЯНОВ. Только в диалектической бесконечности развития есть смысл. В спорах, в поисках и открытии своего видения, своего мира.

Б. ВАСИЛЬЕВ. Я задал вопрос о Ричарде еще и потому, что меня самого он в известной степени волнует, поскольку я вдруг «ударился в историю». Должен сказать, что я тоже писал свой новый исторический роман «Были и небыли...», действие которого происходит в конце прошлого века, с полным ощущением, что пишу о сегодняшнем дне. И для меня стало ясно, что современность — не форма, а суть, мысли. Если современна только форма, то даже архисовременная по теме пьеса или повесть, рассказывающая о, не знаю, космонавтике, о высадке на Луне, о будущем мире, окажется вчерашним днем, и все будут это четко ощущать, и примеров я могу вам привести мильон. Прямо сейчас.

Вот современное по-настоящему, то есть и по форме, и по содержанию произведение последнего времени — «Премия». Тут не только среда современна и созвучна нам, тут есть ощущение больших сегодняшних задач, есть конфликт наших дней, я не могу его «трансформировать назад», в прошлые времена — он там не умещается.

Возможно, я ошибаюсь, но для меня «Премия» Гельмана оказалась более современной, нежели даже очень современно прозвучавший «Человек со стороны». В «Премии» ведь и герой удивительно привлекательный.

Понимаете, вот мы говорим «современность», «современность», а я недавно, когда ехал в командировку, взял с собой очень старую книжку — «Дон-Кихота». Я вам скажу хрестоматийную вещь — это чудовищно современная книга!

М. УЛЬЯНОВ. Начиная от ветряных мельниц, кончая самим Дон Кихотом. Главным образом даже не Дон-Кихотом, а теми, кто его обманывает. Какие они современные...

Б. ВАСИЛЬЕВ. И какой современный хохот доносится со страниц книги!

Что же такое современность? Значит, не форма...

Это я говорю к тому, что меня очень пугает часто проскальзывающее в критических статьях понимание современности как сиюминутности, как злободневности, не осененной, так сказать, раздумьями художника.

М. УЛЬЯНОВ. Вы имеете в виду ситуационность, что ли, современную?

Б. ВАСИЛЬЕВ. Которую выдают за основной признак современности. Я думаю, что тот же «Дон-Кихот» для своего времени был злободневен — известно, что Сервантес задумывал его как пародию на рыцарские романы. Да и одетто был гидальго в доспехи, о которых Испания того времени давно забыла. Но ведь, кроме злободневности, было в романе нечто, что сохранило его на века...

М. УЛЬЯНОВ. Мгновенная передача сегодняшних событий без осмысления их — вот это несовременно. Фотографирование сегодняшней жизни, слепок ее — это еще не есть современное искусство.

Конечно, Дон-Кихот современен в его общечеловеческих размышлениях. Но я хочу спросить о другом: почему вот «Премию» вы считаете современной, а какую-то другую пьесу — нет? Хотя обе написаны вроде бы о сегодняшнем дне. Почему?

Б. ВАСИЛЬЕВ. Я думаю, что, поскольку искусство родилось у костра, оно должно светить, оно должно греть, и оно должно объединять. Все, что не выполняет этих трех функций, для меня уже не искусство.

М. УЛЬЯНОВ. А если оно еще и уводит от костра?

Б. ВАСИЛЬЕВ. О, тогда это конец! Тогда это антиискусство!

Может быть, я максималист, но задачу искусства я вижу в стремлении помочь человеку жить, а не устрашать его или будить в нем какие-то низменные инстинкты. Оно должно делать добро.

Даже когда на земле исчезнут границы — а это будет — верю, знаю! — и тогда коммуникабельность автоматически не станет полной, что ли. И тогда нужно будет «притирать» разные характеры друг к другу, и тогда Адам будет искать Еву, а Ева — Адама.

Тут ведь есть еще одна интересная вещь, Михаил Александрович: как бы искусство ни тщилось сделать посовременнее спектакль, фильм, пьесу, книгу и т. д., оно неизбежно отстает от события, о котором рассказывает. Потому что художнику нужно не только увидеть что-то, но осмыслить увиденное и создать произведение, на что необходим большой временной этап. Все равно к перекрытию Ангары — я условно говорю — он опоздает: когда выйдет книга, пьеса, спектакль, фильм — это будет уже рассказ о вчерашнем дне. Весь вопрос в том, что сообщит нам автор, кроме самого факта перекрытия Ангары.

Я хочу сказать: что случилось с Потаповым, произошло лет пять назад. Но те выводы, которые мы извлекаем из этого события, интересны нам сегодня и будут интересны еще завтра и послезавтра. Вот почему это современное искусство. Вы задумались...

М. УЛЬЯНОВ. Я задумался, потому что...

Б. ВАСИЛЬЕВ. Здесь есть противоречие?

М. УЛЬЯНОВ. Противоречия тут нет, но есть просто-напросто сложность вопроса, на который, в самом деле, однозначно не ответишь. Все-таки есть современность, а есть злободневность — мне кажется, вещи разные.

Современность — это размышления о жизни времени с выводами, с обобщениями. А злободневность — в общем, фотографирование сегодняшнего факта. Без широких выводов и обобщений...

Я бы определил их так: в искусстве злободневность не думает, а современность размышляет. Злободневность говорит: «Вот так было!» А современность объясняет: «А почему так?» Злободневность, так сказать, фотографирует, чтобы фотография сегодня сыграла свою роль, что тоже очень нужно, а современность — это художнический процесс, когда через частное художник старается проникнуть в сущность явления, к типичному. В том-то и сложность — современное искусство должно не только отразить жизнь, но и понять, осмыслить, что в ней самое наиглавнейшее.

По-разному художники принимаются за новую работу: одни — с желанием угадать что-то в сегодняшнем дне, другие — с желанием **разобраться.** Угадать — это значит быть первым, а разобраться — значит быть верным...

Б. ВАСИЛЬЕВ. А жаловались, что не можете мысли «развести по полкам и взводам»...

Запись диалога и фото
Григория ЦИТРИНЯКА

КИНО

РАЗБУЖЕННЫЙ ВОСТОК

Ленинизм и пробуждающийся Восток. Пути человека в революцию. Всему этому посвящена кинокартина «Восход над Гангом», поставленная студией «Таджикфильм» в содружестве с индийскими кинематографистами по мотивам широко известных произведений народного поэта Таджикистана, Героя Социалистического Труда Мирзо Турсун-заде.

Его поэмы, а теперь и фильм «Восход над Гангом» — важные вехи в истории культурных связей и братского сотрудничества народов Индии и Советского Востока.

Главный герой фильма — индус Чендр, который начал понимать, что жить в его закабаленной колониализмом стране по-старому нельзя. Но как жить по-новому, как бороться за это новое — он не знал. Знакомясь с опытом Великой Октябрьской революции, встретившись с Владимиром Ильичем Лениным, Чандр осознает и выбирает подлинно революционный путь.

Вторая — экранная — жизнь глубоко эмоциональных поэм М. Турсун-заде принесла не только новый взгляд на авторские идеи и образы, но и обогатила их зримой силой.

Сценарий, составленный из небольших новелл, емких и запоминающихся (авторы М. Турсун-заде, Д. Булгаков, Л. Файзиев), охватывает широкий круг событий, объединенных личностью Чандра, его мечтами, сомнениями, поисками.

Образ Чандра (артист В. Войническу-Соцки) привлекает нравственной чистотой, беззаветной преданностью героям революции.

На заре Советской власти индус, ставший прототипом героя фильма, пришел к Ленину, чтобы узнать пути освобождения своей родины. Мирзо Турсун-заде написал о нем:

Я посвящаю слово
сыну Индии,
Что и Ленину принес
кручину Индии...

К сожалению, этот кульминационный эпизод отсутствует в фильме. Остались лишь трудная дорога в Москву и три кадра с видами Кремля и Спасской башни, символизирующие, видимо, эту долгожданную встречу.

И еще. Экранизация популярных поэм М. Турсун-заде требовала порой более бережного воплощения. Скажем, излюбленный поэтом прием контраста весьма удачно использован режиссером Л. Файзиевым в показе жизни горного кишлака, его обитателей: приглушенный колорит, без ярких красок (оператор-постановщик А. Мансуров) соответствует общему настрою чувств и мыслей обитателей горного края, их безрадостному существованию на глухой окраине царской России... Однако в эпизодах, скажем, индийских мысль художника иногда подавляется живописным богатством пейзажей...

В музыке фильма талантливо использован фольклорный материал — бытовые, свадебные и обрядовые песни Индии и Таджикистана, революционные мелодии. Эта работа замечательного композитора Мухтара Ашрафи оказалась последней в его богатой творческой биографии.

Фильм «Восход над Гангом» знаменует успех таджикского кино — тема интернационализма, братства народов всегда животрепещуща и актуальна.

К. АЙНИ,
М. АРАБОВ

ВСТРЕЧА В ШЕРВУДСКОМ ЛЕСУ

Это чувство, наверное, знакомо каждому: в детстве прочитал книгу—ту самую, твою! —и уже не расстаешься с ней в душе, вспоминаешь часто, порой в самые неожиданные моменты. И испытываешь одновременно грусть и радость, если что-то напоминает о ней.

Так произошло у меня с балладами о Робин Гуде. Прочел их когда-то и с тех пор все время ждал новых встреч с вожаком лесной вольницы. Ждал в самом прямом смысле этого слова, когда в середине 50-х годов часами выстаивал в очереди за билетом на американский фильм «Приключения Робин Гуда» или когда, работая в Англии, блуждал по Шервудскому лесу в поисках знаменитого дуба, в гигантском дупле которого, если верить преданиям, скрывался от королевских стражников мужественный и справедливый разбойник. Проще всего мне было встретиться с Робин Гудом в кинотеатре: американцы и англичане создали свыше десятка экранных версий его приключений.

Но вот и у нас появилась картина «Стрелы Робин Гуда» (производство Рижской киностудии, сценарий К. Рапопорта и С. Тарасова). Она основана на нескольких балладах о легендарном герое, защитнике бедных.

Скажем сразу: фильм выгодно отличается от ряда американских и английских лент. Почти полвека, начиная с первой картины, выпущенной в 1922 году (в ней играл Дуглас Фербенкс), Робин Гуд представал на экране эдаким суперменом, которому ничего не стоило одолеть в одиночку сотню врагов, успевая при этом запечатлевать на устах любимой девушки страстные поцелуи. В конце концов зрителям это надоело.

И в последнее десятилетие продюсеры решили «обновить» Робин Гуда. С их легкой руки Шервудский лес стал местом бесчисленных оргий, а сам Робин — профессиональным ловеласом. Иногда «для разнообразия» порнографические сцены прерываются лихими сражениями.

Робин Гуд в исполнении Бориса Хмельницкого, пожалуй, именно такой, каким мы его представляем по переводам С. Маршака, по «Айвенго» Вальтера Скотта. Честный. Веселый. Красивый. Немного сорвиголова. Конечно, сильный, однако отнюдь не сверхбогатырь. Дерется на мечах, врукопашную — на то он и Робин Гуд, — но это далеко не самое любимое его занятие.

— Мы ни в коем случае не хотели сочинить «вестерн». Зрители видят в Робин Гуде прежде всего человека. Человека почти обыкновенного, только лучше других, — говорит С. Тарасов, режиссер-постановщик картины.

Артисты Вия Артмане, Эдуард Павулс, Юрий Каморный и другие играют легко, непринужденно, с улыбкой, так, как и надо играть в сказке.

Некоторым зрителям, наверное, покажутся растянутыми лирические сцены. Другие могут заметить, что замки в картине мало похожи на настоящие замки английского средневековья. Но не в этом дело. Главное — вышел хороший фильм, который будут у зрителей вызывать романтические чувства.

Михаил ОЗЕРОВ

ВДОХНОВЕНИЕ (дирижирует Юрий Темирканов).

Фото В. БОГДАНОВА

СЕМЬ ДНЕЙ В НОЯБРЕ...

БРАТСКИЙ СОЮЗ

Закончившийся визит в СССР партийно-государственной делегации ПНР, возглавляемой Первым секретарем ЦК ПОРП Э. Гереком, явился важной вехой в дальнейшем развитии советско-польских отношений. Мы с большим вниманием следили за ходом переговоров между руководителями наших партий, приветствовали подписание совместного заявления «За дальнейшее развитие всестороннего сотрудничества между Советским Союзом и Польской Народной Республикой, за укрепление дружбы советского и польского народов».

Наши отношения основаны на полном равноправии и глубоком взаимном уважении, на великом принципе социалистического интернационализма. Надолго останутся в памяти слова Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, произнесенные на обеде в честь партийно-государственной делегации ПНР: «Классовая солидарность и тесное взаимодействие марксистско-ленинских партий — вот что прежде всего цементирует наш братский союз».

Связи между польским и советским народами восходят к их лучшим, прогрессивным и революционным традициям, сцементированы братством по оружию в общей борьбе за свободу, исполнены взаимного доверия и дружбы.

Это сотрудничество всестороннe. Особое место в нем занимает культурный обмен. Советская культура и искусство пользуются высоким признанием и большой популярностью в Польше. В то же время мы с удовлетворением отмечаем, что произведения польских литераторов, художников, музыкантов заняли достойное место в культурной жизни Страны Советов.

Ежегодно в Польше выходит свыше 200 названий книг советских авторов. Широко представлены переводы произведений В. И. Ленина, а также выступления Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Большим тиражом изданы материалы XXV съезда КПСС. Читатели хорошо знают русскую классику, современную прозу и поэзию, ценят советские технические, экономические, научно-популярные и медицинские издания. Проводятся традиционные Дни советской книги, способствующие популяризации советской литературы.

Что касается польской литературы в СССР, то мы с большой радостью отмечаем все увеличивающийся интерес советских людей к творчеству наших авторов. Распространению их произведений способствуют Дни польской литературы в СССР, которые недавно с успехом прошли в Белоруссии.

Как подчеркивается в совместном заявлении, «хорошие предпосылки для дальнейшего углубления советско-польских связей в области культуры создает перспективный план культурного и научного сотрудничества на 1976—1980 гг.».

Сейчас мы рассматриваем планы подготовки к празднованию 60-летия Великой Октябрьской социалистической революции. Все это служит главной цели, о которой сказал во время пребывания в СССР товарищ Эдвард Герек: «Братские связи со Страной Советов имеют для нас величайшее значение. Их постоянное укрепление отвечает всем нашим национальным и классовым интересам».

Тадеуш КАЧМАРЕК,
заместитель министра культуры и искусства ПНР

ВАРШАВА

ПУЛЬС НЕДЕЛИ

Среди многообразных связей между социалистическими государствами важнейшее место занимают систематические встречи руководителей братских стран для обсуждения масштабных проблем, выработки согласованных действий. Плодотворность таких встреч с новой силой подтвердил официальный дружеский визит в СССР партийно-государственной делегации ПНР во главе с Первым секретарем ЦК ПОРП Э. ГЕРЕКОМ. Интересам дела социализма и мира несомненно послужат дружественные встречи товарища Л. И. БРЕЖНЕВА на югославской земле и предстоящий визит Генерального секретаря ЦК КПСС в Румынию, а также намеченное на конец ноября очередное совещание в Бухаресте Политического консультативного комитета государств — участников Варшавского Договора.

СССР—ЮГОСЛАВИЯ:

БОЛЬШОЕ СОБЫТИЕ

Теплая осень стоит сейчас в Югославии. Золотом и багрянцем окрасились леса в окрестностях небольшого города Горни-Милановаца, что лежит в уютной долине в предгорьях Сербии. И только одна гора у самого города выделяется своей темной густой зеленью. Непривычные для этих мест стройные молодые ели стоят здесь, открытые всем ветрам. У этого ельника необычная история.

— В сентябре 1944 года здесь шли жестокие, кровопролитные бои,— рассказывает ветеран войны, председатель местного союза борцов Момчило Лазич. — Части 3-го Украинского фронта и бойцы Народно-освободительной армии гнали фашистов с югославской земли. 1300 советских и югославских воинов пали здесь, под Милановацем. И теперь на горе, которая поднимается над городом, зеленеют 1300 молодых елей. Они образуют обширный парк, в центре которого установлены два гранитных обелиска советским и югославским героям. У подножия памятника всегда лежат букеты живых цветов. Их приносят ребята из местной школы.

— Наш город неузнаваемо изменился за тридцать лет мирной жизни, — продолжает Момчило Лазич. — Посмотрите вниз. Отсюда хорошо видны кварталы новостроек, корпуса новых предприятий, ровные линии черепичных крыш среди осенних садов.

В 1962 году жители города и окрестных сел решили установить памятники солдатам и офицерам Советской Армии и югославским воинам, пролившим кровь за свободу Югославии. На открытии памятника присутствовали тогда товарищи Л. И. Брежнев и И. Броз Тито. Это событие надолго осталось в нашей памяти. Мы свято храним традиции дружбы, закаленной в боях против общего врага.

В эти дни Югославия вновь принимает дорогого гостя — Леонида Ильича Брежнева. Мы рады его визиту. Рады тому, что товарищи Л. И. Брежнев и И. Броз Тито обсуждают наши общие проблемы, рассматривают новые пути и возможности нашего сотрудничества. А ведь это важно не только для наших народов, для наших партий, но и для судеб социализма, для всего коммунистического и рабочего движения, для разрядки международной напряженности во всем мире.

А. ШАКИН,
соб. корр. Советского телевидения и радио — для «ЛГ»

БЕЛГРАД

ПРОДОЛЖАЯ ТЕМУ

СОГЛАСНО ИНСТРУКЦИИ...

В прошлом номере «ЛГ» мы рассказали о секретной анкете, распространяемой среди служащих учреждений Европейского экономического сообщества, с тем чтобы выявить инакомыслящих, то есть лиц, подозреваемых в демократических взглядах или симпатиях к коммунистам. Подобная практика не является исключением. Французская газета «Юманите» опубликовала новые факты, свидетельствующие о том, что применяемые в ФРГ «запреты на профессии» все больше распространяются на другие страны Западной Европы.

В Швейцарии, близ Женевы, расположен крупный научный центр, занимающийся исследованием элементарных частиц. В нем работают 5 тысяч научных сотрудников. Центр финансируют ФРГ, Франция, Бельгия, Австрия, Дания, Греция, Италия, Норвегия, Великобритания, Нидерланды. Все сотрудники этого научного учреждения обязаны соблюдать инструкцию, выработанную странами, поддерживающими его изыскания. Инструкция определяет их жизнь не только в стенах центра, но и за его пределами.

В статьях 13-04 и 13-05 этой инструкции под рубрикой «Обязанности» говорится, что «служащие центра должны воздерживаться от поступков и действий, несовместимых с их функциями... К подобному роду деятельности причисляется, в частности, и политическая...»

Далее в статье 13-03 уточняется, что «к политической деятельности относится: выполнение общественных функций, проведение избирательной кампании, принадлежность к какой-либо политической партии».

Не так давно эти предписания были использованы для того, чтобы запретить сотрудникам центра принять участие в празднике местной организации компартии.

Таким образом, хотя центр этот формально и независим от «Общего рынка», царящие в нем порядки удивительно напоминают те, что существуют в ЕЭС. То же покушение на свободу мысли, то же попрание гражданских прав, противоречащие Заключительному акту общеевропейского совещания.

КТО БЫЛ КТО

Последний уик-энд

Собирался на прием, а выбросился в окно. Прием — по случаю завершения съемок новой телесерии — пришлось отменить.

Сирил Беннетт, «одна из самых влиятельных фигур на английском ТВ», как о нем пишут, был остроумен, ему предрекали скорый успех. И вот, вернувшись домой, позвонил близкому приятелю, поговорили о жизни. Беннетт закончил вопросом: «Какой смысл тянуть все это дальше?» Не ожидая ответа, положил трубку. И шагнул через подоконник. Жил он на 6-м этаже краснокирпичного, викторианских времен дома неподалеку от парламента.

С. Беннетт погиб в уик-энд. Телекомпания, которой он руководил, носит название «Лондон уик-энд». Это коммерческая компания, все благополучие которой зависит от рекламных объявлений. С точки зрения коммерческой, фильмы, пьесы, спорт — лишь вставные номера между минутными «сюжетами», рассказывающими о достоинствах стирального порошка, зубной пасты и прочей «затоваренной бочкотары». Без них, этих вставных номеров, однако, никак не обойтись — не будут смотреть про порошок и пасту. Поэтому, если одна телестанция показывает фильмы, пьесы, спорт не столь завлекательно, как другая, она теряет рекламодателей, а с ними и деньги.

Именно в такой ситуации оказалась «Лондон уик-энд». Несколько могучих клиентов, среди которых значатся американская фирма «Ронко продактс», всемирно известные «Вулфорт» и «Теско», пригрозили отказом рекламировать свои товары.

С. Беннетт ломал голову над тем, как удержать зрителей, без видимого, впрочем, успеха...

Его считали талантливым. Печатался в столичной «Ивнинг стандард». Был самым молодым парламентским корреспондентом. Затем телевизионным репортером и, наконец, одним из главных деятелей крупной телевизионной компании. На другой день после смерти Беннетта «Ивнинг стандард» писала: «Он жил в постоянном напряжении, под постоянным давлением...» Здесь же слова предусмотрительно безымянного коллеги Беннетта: «В коммерческом телевидении вы должны делать деньги. Талант здесь быстро истощается...»

Замечание о постоянном давлении не случайно. Беннетту хорошо платили, но музыку он не заказывал. Он дирижировал оркестром, который делал деньги. С одной стороны, была известность, газетная слава, реноме эксперта, с другой — перспектива, как это уже случалось на «Лондон уик-энд», быть изгнанным в течение суток. С одной стороны, были его, беннеттовские, амбиции, с другой — полнейшая зависимость от рекламодателей, от хозяев. Такова расстановка сил. Она в конечном итоге и несет на экран поток насилия, полупорнографии, полуискусства.

О таланте, который истощается, — тоже не оговорка. Пытаясь согласовать запросы бизнеса и общественную атмосферу, Беннетт стремился к тому, чтобы «ящик», как здесь зовут телевизор, трещал от веселья. В эпоху экономического кризиса это был психологический просчет. Чем легковеснее становилась программа, тем меньшую аудиторию она собирала. Итог: в последние месяцы четвертая часть зрителей «Лондон уик-энд» переключилась на Би-би-си. Руперт Мардок, как известно, такого не прощает... При чем Мардок? А при том, что тот самый Мардок, что собирается купить «Обсервер» (см. «ЛГ», № 44), — крупнейший владелец акций «Лондон уик-энд».

О таких смертях, как смерть С. Беннетта, здешние газеты пишут обычно лишь один день. Нечего раскручивать: детективные детали отсутствуют, а психологией заниматься не с руки. Напечатал же кто-то: «Беннетт с уверенностью смотрел в будущее...» Звучит трагикомично. Был уверен, что самоубийства не избежать? Но на этот раз традиция была нарушена. Корреспондент «Дейли мейл» передал из Нью-Йорка, что «смерть Сирила Беннетта оживленно обсуждается в кулуарах крупнейших американских телекомпаний». Почему? Потому, что схватки за рекламодателей здесь еще жарче, чем в Англии. Недавно Питер Финч, крупнейшая американская телезвезда, «ввел нацию в шок», сообщив, что, если число зрителей его программ и впредь будет сокращаться, он покончит самоубийством. Причем сделает это здесь же, в студии, на глазах миллионов. Сразу же после этого заявления аудитория Финча достигла гигантских размеров. Миллионы включили его передачу «в надежде, как пишет «Дейли мейл», увидеть, как Финч умирает на экране».

Эдгар ЧЕПОРОВ,
соб. корр. АПН и «Литературной газеты»

ПОСЛЕ СОБЫТИЯ

«Вакуум» власти и избыток проблем

Джерри Форд снова стал Джеральдом Фордом. А Джимми Картер становится Джеймсоном Картером. Предвыборную фамильярность вместе с улыбками, рукопожатиями, целованием детей и обещаниями «решить все проблемы» повесили на гвоздь до 1980 года, как вешают костюмы и парики в театральной костюмерной после окончания спектакля.

Оба кандидата удалились на кратковременный отдых, чтобы восстановить силы, потраченные на долгую и упорную предвыборную борьбу. Президент Форд играет в гольф, «президент-элект» Картер читает тысячи страниц машинописного текста по различным государственным вопросам. Когда я пишу эту корреспонденцию, кто-то из репортеров сообщает по радио, что будущий президент почти закончил свое «домашнее задание» по внешней политике.

В конце недели Картера, как предполагается, будут информировать о состоянии дел директор ЦРУ, а затем государственный секретарь. В конце месяца Картеру предстоит встреча с Фордом.

Тем временем заканчиваются последние приготовления в Вашингтоне для вселения в здание поблизости от Белого дома «транзитной» группы нового президента, которая должна обеспечить к 20 января будущего года «плавный» переход власти от одной администрации к другой.

Картеру необходимо назначить около 200 высших руководителей, включая руководителей министерств, ведомств, различных агентств, а также руководителей учреждений, входящих в состав Белого дома. Компьютер приготовил список в 10 тысяч кандидатов, избранных среди высших руководителей крупнейших банков, компаний, профсоюзов, научных учреждений и т. д. Перфорированная лента содержит подробнейшие деловые и личные характеристики на каждого. Но из «перфорированных» кандидатов будут выбирать людей только на сравнительно второстепенные должности.

На такие посты, как государственный секретарь, министр обороны, советник по национальной безопасности и т. п., требуются кандидаты «штучные».

И хотя пока о будущих мероприятиях «транзитной» группы известно только то, что ковры в доме, где она расположится, начиная со среды 17 ноября будут синие, а пишущие машинки — от фирмы «ИБМ», тем не менее предсказаний и предположений хоть отбавляй, ибо, как считают многие, от состава кабинета в большой степени будет зависеть политика нового президента.

Среди тех, кто ожидает предложений от Картера, здесь называют сегодня профессора Колумбийского университета, «советолога» Збигнева Бжезинского — на пост советника президента по вопросам национальной безопасности, профессора Колумбийского университета Ричарда Гарднера и бывшего министра обороны республиканца Джеймса Шлесинджера — на пост государственного секретаря. Последняя должность, по понятным причинам, вызывает сейчас больше всего толков. Да и сам Картер, как известно, начал ознакомление с будущими членами президентского кабинета с вопросов внешней политики.

Новый президент может сменить, кроме государственного секретаря, всех его заместителей, руководителей всех управлений этого учреждения, насчитывающего 12 тысяч служащих, а также всех послов США за границей.

На днях в американской прессе вдруг появились сожаления по поводу предстоящего ухода Генри Киссинджера. А совсем недавно 6 сенаторов во главе с сенатором Рибикофф, находящихся в поездке по странам Ближнего Востока, заявили, что они «не знают другого человека в США, который понимал бы обстановку на Ближнем Востоке так, как Генри Киссинджер». И поэтому сенаторы выдвинули предложение — не назначить ли Киссинджера «послом по особым поручениям» по делам Ближнего Востока.

Одним словом, перед новой администрацией стоят нелегкие задачи. Не менее трудны, впрочем, и перед старой. Надо устраивать свои личные дела. Это касается и будущего «бывшего президента Форда». Близкие к нему люди, как свидетельствуют газеты, предполагают, что президент Форд надеется играть активную руководящую роль в республиканской партии, а также, естественно, писать мемуары.

Мемуары собирается писать и Генри Киссинджер, который, как сообщают здешние журналисты, надеется, что книга может принести ему не менее 2 миллионов долларов. Торговля мемуарами, домами, имуществом — все это неизбежно развернется в ближайшее время в Вашингтоне, как разворачивалось всегда при каждой смене администрации. Одним словом, в столице США сейчас наступает то состояние, которое здесь называют «вакуумом» власти.

Но вакуум власти вовсе не означает вакуума проблем или хотя бы уменьшения их. Наоборот, за последние месяцы снова увеличилась безработица, не спадает инфляция. Уолл-стрит реагировал на результаты выборов падением курса акций. Буквально с каждым днем растет преступность в больших городах. В Нью-Йорке сейчас новая беда: активизировались банды юнцов, нападающих на престарелых людей. Не проходит дня без зверского избиения на улицах стариков и старух, ограбления их, патологического насилия над ними или даже бессмысленного убийства.

Нью-йоркская полиция спешно создает специальные подразделения для борьбы с бандами малолетних. Таких банд насчитывается в Нью-Йорке, как полагают, более 250 с тысячами членов в них.

Во время предвыборной кампании много слов было сказано о необходимости восстановления «морального авторитета» власти. Но незадолго до выборов здесь разразился новый скандал, который, прямо скажем, ставит «под сомнение» возможность выполнения этого намерения.

До нынешнего времени считалось, что политические подкупы международного характера в капиталистическом мире идут от богатой Америки — через ЦРУ, «ИТТ», «Локхид» и т. д. — к более бедным партнерам. Ныне обнаружен и обратный поток. Вот уже в течение нескольких лет диктаторское правительство Южной Кореи успешно покупает политических деятелей Америки, истратив на взятки многие миллионы долларов. И хотя в последнее время принято было считать — так во всяком случае писала американская пресса, — что в потере морального авторитета власти повинны прежде всего республиканцы, южнокорейский скандал показывает, что подкупы и взяточничество не являются позорной привилегией только одной партии. Они характерны для всей системы капиталистической Америки. Среди политических деятелей США, купленных южнокорейцами, много представителей демократической партии.

По видимому, «южнокорейский скандал» — один из первых скандалов морального порядка, с которым придется иметь дело новой администрации.

Одним словом, при «вакууме» власти — избыток проблем.

Генрих БОРОВИК,
соб. корр. «Литературной газеты» и АПН

НЬЮ-ЙОРК

ДОКУМЕНТ

Апартеид в Израиле

Год назад Генеральная Ассамблея ООН приняла резолюцию, в которой квалифицировала сионизм как одну из разновидностей расизма. Изо дня в день официальная израильская пропаганда пытается отвести это обвинение, распространяя версию о «полном равноправии» арабского населения Израиля.

Материалы, которые мы предлагаем вниманию читателя, проливают дополнительный свет на расистскую сущность сионизма.

Недавно израильская газета «Ал-Гамишмар» опубликовала секретный «документ Кенига», представленный, по имеющимся сведениям, главе правительства и соответствующим ведомствам Израиля.

В этом документе, пишет «Ал-Гамишмар», содержатся «опасные и вредные оценки и определения. Мы решили опубликовать этот документ, чтобы предостеречь против этих тенденций».

Другая газета, «Давар», указывает, что «документ Кенига» напоминает, «как ни тяжко это произнести, некоторые нюрнбергские расистские законы».

Газета «Гаолам газе» пишет в связи с опубликованием «документа»:

«В жизни каждого народа есть моменты, когда следует назвать вещи своими именами, даже если это приводит в дрожь. В такие моменты прибегать к дипломатическому языку означает проявлять позорную трусость. В такие моменты те, кто пытается преуменьшить опасность, берут на себя страшную ответственность. В такие моменты те, кто пытается промолчать, становятся соучастниками преступления.

Такой момент наступил с опубликованием документа, именуемого «документом Кенига».

Да будет ясно сказано:

ЭТО НАЦИСТСКИЙ ДОКУМЕНТ.

ЧЕЛОВЕКА, СОСТАВИВШЕГО ЕГО И ПОДПИСАВШЕГОСЯ ПОД НИМ, СЛЕДУЕТ НАЗВАТЬ ГАУЛЕЙТЕРОМ.

...ПО ДУХУ И В СВОИХ ПОДРОБНОСТЯХ ОТЧЕТ КЕНИГА МОГ БЫ БЫТЬ НАПИСАН КАКИМ-НИБУДЬ НАЦИСТСКИМ ГАУЛЕЙТЕРОМ В ТРИДЦАТЫЕ ГОДЫ, ДО ТОГО, КАК ГИТЛЕР ПЕРЕШЕЛ К «ОКОНЧАТЕЛЬНОМУ РЕШЕНИЮ ЕВРЕЙСКОГО ВОПРОСА».

Итак, что же представляет собой «документ Кенига»?

⁂

В разделе «Демографическая проблема и проявления арабского национализма» автор этого секретного «документа» с нескрываемым раздражением констатирует, что «естественный прирост арабского населения в Израиле находится на уровне 5,9 процента в год, тогда как среди еврейского населения он составляет 1,5 процента в год».

Из этого делается вывод, что увеличение численности арабов «чревато опасностью для нашего господства».

Особую тревогу у Кенига вызывает тот факт, что «национализм среди арабского населения Израиля с особой силой развился после шестидневной войны».

Какие же из этого делаются выводы? Прежде всего автор «документа» предлагает «расширить и увеличить еврейские поселения в тех районах, где наблюдается сконцентрированность арабского населения и где его численность значительно превышает численность еврейского населения, а также исследовать возможность разрежения (?!) существующих центров арабского населения».

Более того, Кениг рекомендует «приложить максимальные усилия к тому, чтобы привести все сионистские партии к национальному согласию в вопросе об арабах Израиля, чтобы исключить арабов из внутренней политической борьбы».

А для этой цели необходимо «действовать решительно и сменить большинство правительственного, полицейского и партийных аппаратов, занятых в арабском секторе».

Кенига приводит в ярость тот факт, что в отдельных районах страны «на создаваемых за счет государственных средств предприятиях, предназначенных для еврейского населения, на деле заняты арабские рабочие, составляющие от 25 до 50 процентов рабочей силы».

А раз так, то «необходимо выработать соответствующие договоренности с руководством всех предприятий в критических районах. Согласно этим договоренностям, число арабов, занятых на таких предприятиях, не должно будет превышать 20 процентов от общего числа работающих».

Имея в виду последовательное и планомерное вытеснение арабов из всех сфер квалифицированного труда, Кениг предлагает «облегчать выезд молодых арабов за границу и затруднять их возвращение и трудоустройство».

Не довольствуясь всем этим, расист Кениг рекомендует правительству Израиля: «следует учесть и изучить опыт других государств в отношении создания поселений национальных меньшинств».

⁂

А вот как Центральный Комитет Коммунистической партии Израиля характеризует «документ Кенига»:

Этот план предусматривает ускорение мер по иудаизации Галилеи, ускорение разрежения арабского населения, установление дополнительных препятствий для строительства в арабских деревнях, уменьшение правительственных субсидий и услуг, ограничение занятости арабских граждан, меры по уменьшению числа учащихся и студентов путем стимулирования их поездок на учебу за границу и предотвращения их возвращения на родину, а также других дискриминационных мер.

«Документ Кенига» предлагает усилить режим репрессий против арабского населения, давления на него и угнетения арабов под предлогом «соблюдения закона и установления порядка», путем принятия полицейских мер против Коммунистической партии Израиля и ее руководителей.

Кениг предлагает правительству официальное проведение явно расистской политики в духе апартеида в Южной Африке.

Силы демократии, сторонники мира и братства народов в Израиле были глубоко потрясены опубликованием этого меморандума.

Кениг и его сторонники в правящих кругах публично призывают сегодня к проведению открыто расистской политики, поощряемые политикой национальной дискриминации, проводимой правительством Израиля в отношении арабского населения.

Этот расистский меморандум, представленный еще перед «Днем защиты земель», состоявшимся 30 марта нынешнего года, проливает свет на поведение Кенига и многих других ответственных лиц правительственного аппарата накануне этого дня и непосредственно в этот день и разоблачает их как ответственных за кровавое нападение на арабское население.

Центральный Комитет Коммунистической партии Израиля предостерегает о серьезной опасности меморандума Кенига для арабского населения и прав человека в Израиле...

Апартеид в ЮАР. Полицейская облава.

Фото из журнала «Штерн» (ФРГ)

«Провести научные исследования и осуществить на этой основе проектные проработки, связанные с проблемой переброски части стока северных и сибирских рек в Среднюю Азию, Казахстан и в бассейн реки Волги», — говорится в утвержденных XXV съездом КПСС «Основных направлениях развития народного хозяйства СССР на 1976—1980 годы».

Ученые Москвы и Сыктывкара, продолжая разговор о водной проблеме, начатый «ЛГ» 1 сентября с. г., анализируют различные проектные предложения по переброске части стока северных и сибирских рек.

ВОДА СЕГОДНЯ И В 2000-м

РЕКИ ИДУТ НА ПОМОЩЬ

Мы говорили часто: «Советский Союз — одна из самых богатых водными ресурсами страна».

Водные источники в нашей стране действительно многочисленны, однако размещены крайне неравномерно и неблагоприятно. В наиболее обжитых и пригодных для сельского хозяйства районах сосредоточено всего 14 процентов запасов воды, в то время как малонаселенный Север имеет ее в избытке.

Чтобы покончить с этой вековой несправедливостью природы, необходимо перераспределить гидроресурсы. Тем более что в ряде районов Юга они вскоре будут полностью исчерпаны. Расчеты показывают, что к 1985 году потребление воды в южной зоне резко возрастет. Чтобы отвести угрозу водного голода и обеспечить развитие народного хозяйства на Юге, потребуется ряд крупных гидротехнических мер. «Генеральная схема комплексного использования и охраны водных ресурсов СССР», которую выполнил совместно с рядом специализированных организаций институт «Гидропроект» имени С. Я. Жука, как раз и предусматривает такие работы в течение ближайших двадцати пяти лет. Прежде всего необходимо полностью зарегулировать сток Волги, Днепра, Днестра, Кубани, Сырдарьи, Амударьи и некоторых других рек — создать ряд новых плотин и водохранилищ.

Однако в дальнейшем и этого окажется недостаточно. Вся южная зона европейской части страны, Казахстан и Средняя Азия уже сейчас испытывают большие затруднения с водой. Очень нуждаются в ней также районы Курской магнитной аномалии, ирригационные системы юга Украины, Донецкого бассейна, Поволжья. Развитие орошаемого земледелия, намеченное XXV съездом КПСС, потребует многих усилий. Без поступления на Юг стока северных и сибирских рек не обойтись. На наш взгляд, это наиболее радикальное решение водной проблемы.

В европейской части страны оно возможно в двух вариантах. По первому (восточному) — сток рек Печоры, Вычегды направляется через Каму в Волгу. По второму (западному) — в верховья Волги перебрасывается через Шексну сток рек Сухоны, Онеги, а также озер Кубенского, Вожа, Лача и Онежского.

Нужда в воде сейчас такова, что уже нужно осуществлять одновременно и незамедлительно оба варианта. Первая их очередь предполагает переброску 25 кубокилометров воды в год. Впоследствии объемы переброски могут быть значительно увеличены. Работы по перераспределению речного стока в европейской части СССР грандиозны и потребуют длительного времени и больших материальных затрат.

Другой район, который нуждается в помощи, — Казахстан и Средняя Азия. Его проблемы еще более сложны. Тут, правда, не использованы многие внутренние резервы, но в Казахстане и Средней Азии примерно 50—60 миллионов гектаров земель, пригодных для орошения, а собственных водных ресурсов хватает только для 8—10 миллионов гектаров. В низовьях Амударьи в течение ряда лет сооружались временные плотины для подачи воды в ирригационные системы. Из-за этого сток в Аральское море периодически почти полностью прекращался.

Интенсивное изъятие воды из Амударьи и Сырдарьи на орошение вызвало в последние годы снижение уровня Аральского моря на 3 метра, уловы рыбы уменьшились вдвое.

Расчеты показывают, что в ближайшие десятилетия собственные гидроресурсы Казахстана и Средней Азии будут исчерпаны, а уровень Аральского моря понизится еще на 3—4 метра. Дальнейшее развитие здесь орошаемого земледелия сможет базироваться только на воде, подаваемой извне.

Дополнительную воду этот район мог бы получить из Оби и Енисея. Даже при значительном развитии народного хозяйства в Западной Сибири отсюда возможно подать Югу требуемое количество воды. Более того, это одновременно улучшит водный режим в самой Западно-Сибирской низменности, создаст там условия для полного освоения природных богатств. Проведение здесь широкой мелиорации заболоченных земель, предотвращение затопления поймы Оби паводковыми водами и переброска части речного стока на Юг — это, по сути дела, единая комплексная задача, и решать ее надо, не разрывая на составные части.

Переброска вод сибирских рек в Казахстан и Среднюю Азию возможна также в нескольких вариантах.

Наиболее перспективна идея, о которой говорил В. Кунин («ЛГ», № 35, 1976) и которая разрабатывается нашим и рядом других научных институтов, — идея переброски воды из устья Оби через Волгу. Пожалуй, этот вариант наиболее выгодным образом совмещает интересы европейской и азиатской частей страны. Вода из Оби поступит в Печору (а из Оби можно взять до 200 кубокилометров!), направится в Каму и Волгу. На каскаде волжских гидростанций этот мощный приток обернется миллиардами киловатт электроэнергии. Пройдя Волгу, часть перебрасываемой воды направится в канал Волга—Урал, а оттуда в Аральское море и в Среднюю Азию. Вода в этом случае, как раньше, послужит на благо, отдача ее будет максимальной. Экономически этот проект обладает высокой эффективностью.

По масштабу и значению переброска сибирских рек в Волгу, Казахстан и Среднюю Азию перерастает из региональной проблемы в континентальную, так как под воздействием будут европейская часть страны, Западно-Сибирская и Арало-Каспийская низменности. Это окажет громадное влияние на размещение и развитие производительных сил на значительной территории СССР.

Исследовательские и проектные работы потребуют не менее десяти лет. Поэтому проектирование надо начинать уже сейчас, обеспечивая при строительстве на каждой стадии высокую эффективность капитальных вложений, как на это указывают решения XXV съезда партии и октябрьского Пленума ЦК КПСС.

Водное хозяйство СССР достигло уровня самостоятельной, высокоразвитой отрасли, затрагивающей интересы почти всех других отраслей. Мы считаем, что и по масштабам задач, стоящих перед водным хозяйством, и по сложности и противоречивости требований, предъявляемых к нему различными отраслями, необходим надведомственный орган — Государственный комитет по водному хозяйству.

Д. ЮФИНОВ,
начальник Всесоюзного проектно-изыскательского и научно-исследовательского института «Гидропроект» имени С. Я. Жука;
Г. ГАНГАРДТ,
заместитель главного инженера института

ШЕСТОЕ УСЛОВИЕ

Необходимость переброски части стока северных рек на юг страны сейчас почти ни у кого не вызывает сомнений: на юге ощущается острый дефицит воды. Тревожная обстановка складывается в бассейнах Каспийского и Азовского морей, где большое количество воды из Волги и Дона идет на орошение и на нужды промышленности.

Да, Север должен помочь Югу. Об этом говорилось на XXV съезде партии, на это указывает постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О плане мелиорации земель на 1976—1980 годы и мерах по улучшению использования мелиорированных земель». В ближайшие годы будет составлено технико-экономическое обоснование строительства и завершены проекты переброски.

Мы вступаем в ответственнейший период, когда необходимо старательно взвесить все «за» и «против», привлечь к обсуждению широкую общественность, скрупулезно учесть самые неожиданные последствия этого гигантского вторжения в природу. Можно только приветствовать те пять условий решения проблемы, о которых говорил директор Института водных проблем В. Кунин в беседе с корреспондентами «ЛГ» («ЛГ» от 1 сентября с. г.). Мы бы только добавили еще одно условие: пристальное внимание общественности к тому, как осуществляется проект.

Не секрет, что многие проектные разработки наших гидросооружений часто сводятся только к чисто техническим решениям: как получить необходимое количество воды. Об экологии нередко просто забывают.

Но проект переброски стока рек с севера на юг страны является грандиозным замыслом преобразования природы и экономического развития обширных территорий. Создаются также геотехнические комплексы, которые будут благоприятны для жизни людей не только настоящего, но и последующих поколений. Поэтому основное внимание здесь должно быть направлено не только на техническую сторону вопроса, но и на возможные изменения природной среды и экономики данного района, на поиск наиболее оптимальных для жизни человека условий. Переброска воды с севера на юг — не самоцель, а лишь средство преобразования природы и развития экономики.

Поэтому к началу проектирования мы должны иметь достаточно четкое представление о том, к чему приведет перераспределение стока на любой части затронутой им территории. Только после этого можно приступить к проектированию.

К сожалению, в созданных в настоящее время схемах переброски стока северных рек вопросы экологии освещаются недостаточно.

Что же произойдет с северной природой?

Если Юг получает остро необходимую ему воду и в результате этого создаются весьма благоприятные природные условия (при рациональном использовании водных ресурсов), то на северном склоне европейской части СССР гидротехнические сооружения могут вызвать серьезные экологические нарушения, что может крайне неблагоприятно отразиться на развитии народного хозяйства. Поэтому важно тщательно рассмотреть все предложенные схемы переброски стока и найти наиболее благоприятный для северного склона вариант. Ведь забирая без должного научного обоснования воду с Севера, мы можем просто-напросто вызвать там острый ее недостаток и стереть на водной карте нашей страны своеобразные [illegible] системы.

Как же решаются сейчас эти вопросы? Проанализируем для примера схему переброски части стока реки Печоры в Каму.

Ныне для восточного направления переброски стока существуют три варианта проекта, принципиально различных по степени воздействия на природную среду.

Схема переброски, предложенная институтом «Гидропроект», предусматривает почти полное отсечение стока Печоры в среднем и верхнем ее течении и подачу на юг (при первом этапе строительства) более 80 процентов годового стока реки, а на втором этапе — до 90 процентов, то есть до 30 кубических километров. В результате реализации этой схемы река Печора практически прекратит свое существование. Подпертые плотинами водохранилища — Митрофановское, а позднее Усть-Войское и Дутовское — затопят обширные площади лесов, все сельскохозяйственные земли на средней Печоре, перекроют пути миграции семги на нерестилища, снизят урожайность [illegible] в нижнем бьефе водохранилищ. Следовательно, улучшения природных условий в этом случае на территории Коми АССР не предвидится, никак не выигрывает от этого и народное хозяйство республики.

Вторая схема, предложенная Институтом водных проблем АН СССР, предполагает активное преобразование природы на севере страны и существенное влияние на экономику этого региона. По этой схеме часть воды из Печоры (от 20 до 50 процентов годового стока) забирается из ее нижнего течения в районе села Усть-Цильма и перекачивается по «Антипечоре» (то есть реке, текущей в обратную сторону) на водораздел, где по каналу она может быть переброшена в реку Вымь, а далее в Котласское водохранилище на Вычегде, а затем по трассе «Антисухоны» попадает в бассейн Волги. Объем изымаемой из Печоры воды будет зависеть от степени регулирования стока реки. Если забирать воду непосредственно из русла реки без регулирования стока, то можно перебросить на юг около 20—25 кубических километров воды в год. Если же создать регулирующие емкости в бассейне реки для задержки весеннего половодья, то можно подать на юг до 60 кубических километров воды.

Осуществление такой схемы переброски стока позволит сохранить водность Печоры почти на всем ее протяжении (снижение водности на 20 или 50 процентов произойдет только ниже села Усть-Цильма), а создание регулирующих водохранилищ в горах Урала повысит летний уровень реки. Не затрагивая существенно природных условий в бассейне Печоры, воплощение этой схемы значительно изменит гидрографию Севера и повлияет на экономику северных районов, так как часть Печоры будет повернута на юг и вместо выхода в Ледовитый океан пересечет европейскую часть страны с севера на юг. А появление на карте такой крупной водной магистрали позволит по-новому решать многие вопросы развития народного хозяйства. Эта схема более перспективна, чем предложение «Гидропроекта».

И наконец, третья схема, разработанная Коми филиалом АН СССР, предусматривает наименьшее воздействие на природную среду Севера европейской территории страны.

Сущность схемы заключается в том, что первая очередь переброски стока в объеме около 12—13 кубических километров в год осуществляется за счет изъятия воды из горных притоков Печоры — рек Щугора, Подчерема, Ильича и верховьев реки Печоры — и самотечной подачи их в Каму.

Создаваемые по этой схеме водохранилища, расположенные в горах, немного меньше равнинных. Тогда не будут затоплены сельскохозяйственные угодья в долине средней Печоры. Правда, водность притоков Печоры при этом снизится примерно вдвое. Потеряется также около половины нерестилищ семги.

На втором этапе строительства схемы предусматривается использовать часть вод реки Оби, которые можно будет по рекам Северной Сосьве и Лапину перебросить через Уральский хребет в Щугор и далее по трассе первой очереди в Каму. В этом случае проблема водообеспечения бассейнов Каспийского и Азовского морей решается за счет реки Оби и гидрографическая сеть северного склона не меняется радикально. А воды из Оби можно взять практически сколько угодно.

Из этих примеров видно, что различный подход к решению проблемы диктует и свои условия. Если нам нужна только вода, то вполне достаточно схемы, предусматривающей ликвидацию значительной части реки Печоры, со всеми вытекающими отсюда последствиями. Если же использовать гидротехнические сооружения также и для развития северных районов, для сохранения их природной среды, то нужны иные, может быть, более дорогие строительные решения.

Все это требует тщательного изучения, которое должно охватывать не только проблему переброски стока северных рек на юг, но и проблему освоения и сохранения природных ресурсов во всех районах по трассе переброски стока. Эти преобразования осуществляются на века и совершить их нужно так, чтобы потомки вспоминали нас добрым словом.

В. ПОДОПЛЕЛОВ,
председатель президиума Коми филиала АН СССР, доктор экономических наук;
А. БРАТЦЕВ,
заведующий сектором прогнозирования последствий антропогенных воздействий на природную среду, кандидат географических наук

Фото Ю. КОРОВИНА

РЕЗОНАНС

Генеральный директор объединения «Киевобувь» П. Тарасюк — человек в своем деле [illegible]. Герой Социалистического Труда. Его статья «Как угнаться за переменчивой модой» («ЛГ» № 11, 1976) не [illegible] читателей [illegible]. Даже руководители обувных предприятий, [illegible] П. Тарасюк, для себя и близких предпочитают покупать импортные туфли. Наши обувщики [illegible] фурнитуры, машиностроителями. Проблема повышения качества отечественной обуви, убеждает статья П. Тарасюка, может быть успешно решена только на [illegible] основе.

По существу, тот же вопрос — о координации усилий и разделении ответственности — поднят в статье «Бури за спиной покупателя» журналиста В. Разина («ЛГ» № 20, 1976), [illegible] о том, как увязываются интересы обувной промышленности и торговли.

Обе статьи вызвали читательскую почту. Мы получили и ряд официальных ответов.

ЛОГИКА ПОКУПАТЕЛЯ

ОБЗОР ПИСЕМ ЧИТАТЕЛЕЙ И ОФИЦИАЛЬНЫХ ОТВЕТОВ

Письма тех, кто покупает...

«Что такое хорошая обувь? Специалисты спорят, теоретизируют, а вопрос очень легкий. Хорошая — та, которая раскупается и не залеживается», — пишет читатель из Днепропетровска, не пожелавший себя назвать.

С этим вполне согласны К. Трусова из Симферополя, И. Коротченко из Чернигова. Многие авторы признают один-единственный критерий качества обуви — «раскупается, не залеживается». В почте мы находим печальные рассказы о том, как трудно иной раз найти подходящую вещь из серии «незалеживающихся».

Вот коллективное письмо из Кривого Рога — о мытарствах, которые пришлось испытать из-за плохого качества женских сапожек. Вот конверт со штемпелем Харькова — Б. Маевский сообщает, что потратил двухмесячный отпуск (накопившийся за два года), но так и не купил в большом индустриальном городе нужные ему вещи. Маевский работает в геологоразведке, бывает во многих районах страны, что дает ему основание заметить:

«Купить что-либо модное, быстро и по вкусу, не так-то просто, хотя деньги получаем немалые».

Впрочем, читатели отнюдь не настаивают на слове «мода», их больше устраивает разнообразие. Скажем, Н. Филипчук из Хмельницкой области живет и работает в деревне, естественна ее забота о том, чтобы «сельским женщинам делали сапоги немного шире в голенище, нежели горожанкам».

Частность? Разумеется! Однако из сотен и тысяч таких вот частностей складывается покупательский спрос. «Согласна с В. Разиным, — пишет М. Тарасевич из Витебска, — спрос изучается плохо».

«Читатели-покупатели» не вдаются в существо разногласий между обувщиками, смежниками, торговлей. Трудно не признать справедливость их логики: мы платим деньги и хотим получить за них современную, модную обувь.

Письма тех, кто продает...

Товароведы фирмы «Батас» из Клайпеды прислали обиженное письмо:

«Некоторые утверждения и выводы, сделанные автором статьи «Бури за спиной покупателя», глубоко оскорбили нас, работников торговли... Почему он наносит черное пятно на всех работников торговли?..»

Жаль, что товароведы не подписались. Вести спор, а тем более выяснять обиды удобнее открыто. Особенно когда страсти накалены. Откровенно говоря, мы не обнаружили в статье В. Разина «черного пятна». Автор сомневается в экономической целесообразности штрафов, взимаемых торговлей с промышленности. По его мнению, такая практика выгодна торговле, но невыгодна покупателю и государству, создает возможности для злоупотреблений. Вероятно, это было неосторожное замечание, поскольку вместе с анонимными товароведами из Клайпеды обиделось и союзное Министерство торговли.

Заместитель министра С. Семичев статью «Бури за спиной покупателя» опровергает, что называется, с порога. В ответе говорится, что никакой решительно выгоды от операций по понижению сортности и от штрафов торговля не имеет. Говорить, будто штрафы превратились в самоцель, неправильно. Суммы штрафов в план прибыли торговым организациям не включаются. Вывод соответствующий: «Статья В. Разина «Бури за спиной покупателя» представляет читателям проблемы в искаженном виде...»

Мы готовы отнестись к опровержению с вниманием, информируем о нем читателей. Но вот что удивляет, настораживает: в пространном — на 3,5 страницы — официальном ответе заместителя министра С. Семичева для самокритики нашлись лишь полторы строчки. Вот они:

«ДЕЙСТВИТЕЛЬНО, НЕРЕДКО ТОРГОВЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ ДОПУСКАЮТ НЕТОЧНОСТИ ПРИ СОСТАВЛЕНИИ ЗАКАЗОВ ПРОМЫШЛЕННОСТИ. НО то, что сегодня в продаже не хватает многих видов высококачественной обуви, вызвано главным образом тем, что планы производства устанавливаются промышленности ниже заказов и заказов торговых организаций, и, кроме того, по многим ассортиментным позициям моделям договорные обязательства некоторые фабрики систематически не выполняют. Зачастую они вырабатывают сверхзаказные изделия, пользующиеся ограниченным спросом, и не выполняют заказы по дефицитным позициям».

Если уж — «действительно», если — «нередко», если — «допускают», если — «неточности», то интересно узнать, что в этой области предпринимает Министерство торговли? Какие оно принимает меры для лучшего изучения спроса населения, более надежного и точного формирования «портфеля заказов»? Важно было бы услышать и соображения о совершенствовании экономических, правовых и организационных форм взаимоотношений торговых организаций с промышленностью потребительских товаров, поскольку эти отношения не устраивают обе стороны. Иначе говоря, статья давала повод для дискуссии по существу проблемы качества потребительских товаров. Заместитель министра С. Семичев не захотел этим поводом воспользоваться. В пространном официальном ответе не нашлось места для конструктивных предложений и государственных соображений о том, как лучше защитить интересы покупателя: мы обнаружили там лишь объяснения и опровержения, касающиеся перевода обуви во второй сорт и завуалированных штрафов.

Кстати, о штрафах.

Генеральный директор Ленинградского объединения «Скороход» Игорь Федорович Большешальский показал корреспонденту интересный документ. Это справка Ленинградского отделения Госбанка, касающаяся финансовых показателей работы Центральной базы «Рособувьторга».

Справка любопытная. Вот что в ней говорится: В 1975 году этой базе планировалось 1622 тысячи рублей прибыли. А фактически она получила 4366 тысяч рублей. И оказывается, свыше 60 процентов суммы прибыли (2629 тысяч рублей!) получено за счет штрафов с предприятий. Теперь, чтобы проследить тенденцию, возьмем первое полугодие 1976 года. База «Рособувьторга» планировала получить 850 тысяч рублей, а фактически вышло — 1844 тысячи. Вдвое больше! И опять львиная доля прибыли получена за счет штрафов. Вот и судите, выгодны или невыгодны торговле такие штрафы.

Генеральный директор «Скорохода» И. Ф. Большешальский, человек сведущий, пояснил: «Пять процентов суммы прибыли базы идут на образование поощрительных фондов — материального стимулирования, социального развития и т. д. Так почему же работники торговли будут отказываться от существующего порядка взаимоотношений с промышленностью? Правильнее было бы не 95 процентов, а всю сумму штрафов передавать в государственный бюджет».

Письма тех, кто производит...

Чтобы не занимать обзором слишком много места, мы из писем специалистов обувной промышленности выделим одно — начальника «Укробувьпрома» В. В. Белутенко, а из письма его — в основном то место, которое касается контроля.

Автор сообщает, что, по расчетам специалистов, на осуществление контроля качества в промышленности и торговле страны уходит 8 — 10 миллиардов рублей в год. Начальник «Укробувьпрома» замечает по этому поводу: «Сравните — на развитие всей легкой промышленности страны в десятой пятилетке предусматривается около 11 миллиардов рублей». Не возражая против контроля в промышленности, В. В. Белутенко считает его совершенно излишним в торговле. «Абсурдно контролировать вне производства готовую продукцию, — пишет он. — Зачем? Она уже готова, качество ее практически не изменишь. Только на Украине контролем качества обуви вне сферы производства занято около 500 человек. Расходы на их содержание составляют не менее 500 тысяч рублей в год...»

«Возвращаюсь к статьям П. Тарасюка и В. Разина, к вопросу о том, как все-таки обеспечить высокое качество обуви, — пишет в заключение начальник «Укробувьпрома». — Качество будет, если будет у нас полный комплекс. У него четыре слагаемых: 1. Ритмичное обеспечение материалами. 2. Хорошее оборудование. 3. Квалифицированные рабочие. 4. Обоснованное планирование. При отсутствии любого из этих компонентов качество обуви нас не устроит. Нужна именно комплексная система управления качеством продукции».

С этим согласны и те, кто руководит обувной промышленностью в масштабах всей страны.

Заместитель начальника управления организации производства новых видов изделий и поставок Минлегпрома СССР Г. А. Иванова считает выступление киевского директора П. Тарасюка «Как угнаться за переменчивой модой?» актуальным. Управление информирует:

«Разработана схема взаимодействия всех подотраслей легкой промышленности в создании и выпуске высококачественных и новых видов изделий... Продуман порядок организации работ по перспективному и промышленному моделированию и конструированию, внедрению новых моделей обуви. Намечен целый ряд мер, касающихся расширения ассортимента фурнитуры, технического перевооружения отрасли, повышения требований к сырью, красителям, материалам, поставляемым смежниками... «В десятой пятилетке будет внедрена комплексная программа стандартизации «Обувь».

Минлегпром СССР создал свою службу изучения спроса, в которой важная роль отводится фирменным магазинам...»

Такой же обстоятельностью, деловитостью отличается и другой официальный ответ (на статью В. Разина), подписанный заместителем министра легкой промышленности СССР А. Адамантисом. Не касаясь конкретных практических мер по улучшению качества работы — их очень много (письмо Минлегпрома СССР по объему равно ответу Министерства торговли, не содержащему, увы, информации ни о каких конструктивных мерах), мы процитируем лишь начало этого документа:

«Министерство легкой промышленности СССР рассмотрело статью В. Разина «Бури за спиной покупателя». Состоялось расширенное заседание коллегии Минлегпрома СССР, обсудившее вопрос «О мерах по увеличению выпуска высококачественной, модной обуви и материалов для ее производства в 1976 — 1980 годах».

В работе коллегии участвовали представители Госплана СССР, Госснаба СССР, Госстандарта СССР, Комитета народного контроля СССР, ряда министерств и ведомств, ответственные работники обувной промышленности республик, директора объединений, руководители научно-исследовательских организаций, передовики производства легкой промышленности.

Минлегпром СССР издал приказ, предусматривающий в 1976 — 1980 годах увеличение выпуска высококачественной модной обуви и материалов для ее изготовления, повышение эффективности производства обувных предприятий и предприятий смежных отраслей промышленности, уровня качества продукции и расширение ассортимента на основе технического перевооружения».

Письма тех, кто «соучаствует»...

В публикациях «ЛГ» сказано было, что обувщиков сильно подводят смежники, машиностроители в частности.

«В статье «Бури за спиной покупателя» правильно поставлен вопрос...» — это из ответа «Союзполимермаша», подведомственного Министерству химического и нефтяного машиностроения СССР. Напомним, что речь шла о неприглядной истории, с которой автор статьи столкнулся в Кишиневе. Дорогостоящие прессы для комбината «Искож», изготовленные «Тамбовполимермашем», оказались непригодными. Это было оборудование, о котором принято говорить: «Хоть стой, хоть падай, хоть смейся, хоть плачь». Больше года кожевники, а вслед за ними и обувщики слышали от машиностроителей лишь безответственные обещания, за которыми не следовало действие. Смонтированное оборудование не работало.

И вот теперь центральная организация — Всесоюзное промышленное объединение полимерного машиностроения — признает ошибку своего незадачливого тамбовского подчиненного: «...правильно поставлен вопрос об имевшихся недостатках в конструкции карусельных прессов для изготовления низа обуви...»

Что следует за признанием? «Союзполимермаш» пишет в «Литературную газету»: «В настоящее время карусельные прессы на Кишиневском комбинате находятся в эксплуатации и обеспечивают проектную производительность».

Оставалось лишь поздравить кишиневских кожевников и обувщиков с окончанием мытарств. С этой целью корреспондент позвонил в столицу Молдавии, директору «Искожа» С. И. Кульчицкому. И выяснилось, что поздравлять еще рано.

— Из 44 прессов, поставленных заводом «Тамбовполимермаш», три вообще не смонтированы, — сообщил директор. — Остальные проработали по семьдесят два часа, и мы обязаны были подписать акт о приемке. К сожалению, конструктивные недостатки были и остались. Одновременно работает 15—20 прессов, остальные мы ремонтируем своими силами. Все это тяжким бременем ложится на себестоимость продукции. Слабым утешением служит лишь сознание, что нашим коллегам в Красноярском крае еще хуже. На тамошнем комбинате «Искож» не работает ни один пресс. Их изготовлял, кстати, тот же тамбовский завод...

Говорят, на ошибках учатся. Однако похоже, что некоторые смежники обувщиков не спешат учиться на своих ошибках.

ОТДЕЛ ЭКОНОМИКИ «ЛГ»
(Обзор подготовлен Л. АМЕРХАНЬЯН, А. САНИН)

ОБРЯД И МОРАЛЬ

Мы являемся свидетелями и участниками интересного и сложного процесса рождения новых гражданских обрядов, а также наполнения старых традиций и обычаев новым содержанием. Речь, разумеется, идет о таких старых обычаях и обрядах, которые сами по себе, в своей основе не противоречат нашему мировоззрению, принципам нашей морали. В этом процессе остро назревает необходимость критически осмыслить, каким конкретным содержанием наполняются старые народные обычаи и ритуалы, всегда ли это содержание соответствует нашим моральным принципам, способствует ли решению задач нравственного воспитания.

Предлагаемая вниманию читателей страница является одной из попыток такого осмысления.

Л. МАРШАНИЯ,

первый заместитель Председателя Совета Министров Абхазской АССР

ЧУВСТВО МЕРЫ

Автор призывает сохранять и приумножать духовные богатства народных обычаев.

НА 16-Й СТРАНИЦЕ «Литературной газеты» была опубликована карикатура: лежит человек в гробу и крепко прижимает к груди... телевизор.

Смешно?

Наверное. Есть такие люди, что не могут и после смерти представить себя без телевизора. Хотя лично я воспринял этот рисунок не только с юмористической стороны. Вспомнилось, что у нас на кладбищах стали появляться там и тут могилы, оборудованные электрическим освещением и радиопроводкой, на некоторых даже устанавливают телевизоры: мол, покойный любил при жизни футбольные репортажи, пусть и после смерти наслаждается...

Поводов для веселья здесь очень мало. Да, наш народ всегда с уважением относился к памяти усопших, и это одна из благородных черт его национального характера. В старых обычаях — класть в могилу какую-либо особо любимую вещь покойного, символ его деятельности. Этот обычай сегодня в связи с изменением материальной культуры трансформируется. И вот на могиле летчика мы порой видим пропеллер, на могиле шофера — «баранку». Такое наполнение старого обычая новыми приметами едва ли у кого вызовет возражение. Но телевизор на могиле вовсе не одно и то же, что коробка леденцов, положенная в гроб, коль скоро покойный любил леденцы. Телевизор на могиле вольно или невольно свидетельствует о бахвальстве своим богатством со стороны родственников и меньше всего говорит об уважении к умершему, скорее наоборот.

Это бахвальство стало приобретать форму соперничества в том, кто возведет над могилами своих близких наиболее дорогостоящее и «оригинальное» надгробие. Правдами и неправдами добывались фасонный металл и дефицитные породы мрамора, которые вообще запрещено продавать частным лицам. Причем подсчитано, что его завезено из других республик на наши кладбища столько, сколько потребовалось бы на облицовку 10—12 уникальных общественных зданий, вроде Сухумского драматического театра, или двух линий метрополитена, таких, как та, что строится сейчас в Тбилиси. Обращает на себя внимание и горький парадокс: местные Советы, выделяющие в наших городах живым людям площадь из расчета до 9 квадратных метров на человека, порой, не скупясь, отводили покойникам по 40—50 квадратных метров.

Ясно, что подобное расточительство было посильно главным образом тем, кто наживал деньги нечестными путями, а таких несколько лет тому назад, к сожалению, у нас встречалось немало. Что же оставалось другим, тем, кто не обладал подобными средствами? Они вынуждены были или влезать в долги, чтобы не опозориться перед соседями, или же, считалось, не выполняли своего долга перед предками!

Выросли на кладбищах мраморные леса — зато интенсивно вытесняются зелень, цветы, деревья. Кладбища из места искренней скорби и поминания покойных ближними превратилось в арену соперничества, собственнического тщеславия, купеческого расточительства.

ДУМАЮ, читатели поймут, что эти невеселые мысли подсказаны не только рисунком на 16-й странице «ЛГ», но прежде всего тем, что в подобных фактах отражаются многие проблемы, связанные с сохранением и развитием народных традиций, обычаев, обрядов. Если они по-настоящему народны, уходят корнями в глубь национальной истории, то они не могут иметь ничего общего ни с мелкобуржуазным тщеславием, ни с соперничеством собственнических амбиций.

«Мы добились немалого в улучшении материального благосостояния советского народа, — отмечал Л. И. Брежнев на XXV съезде партии. — Мы будем и дальше последовательно решать эту задачу. Необходимо, однако, чтобы рост материальных возможностей постоянно сопровождался повышением идейно-нравственного и культурного уровня людей. Иначе мы можем получить рецидивы мещанской, мелкобуржуазной психологии. Этого нельзя упускать из виду».

Именно этими рецидивами и вызвано окарикатуривание, извращение некоторых традиций и обычаев. Начиная от рождения человека и вплоть до последних его дней каждое выдающееся событие в жизни сопровождается определенным обрядом, ритуалом. Очевидно, необходимо дать принципиальную, классовую оценку всем им, чтобы отделить те, которые действительно украшают и делают запоминающимися эти события, от тех, которые оказались извращенными и искаженными в угоду корыстным интересам духовенства, поставившего их себе на службу, в угоду купеческим и мещанским нравам, возродившимся у нас в недавние годы.

Вне духовной связи поколений — живой, постоянной, неразрывной — невозможно представить себе исторический процесс, нельзя объективно оценить настоящее и научно предсказать будущее. Подлинным патриотом может быть только тот, кто любит, изучает и утверждает все ценное, что накоплено предшествующими поколениями, кто свято бережет и пополняет духовную сокровищницу своего народа, своей нации.

Именно к этой цели направлены принятое в прошлом году постановление ЦК Компартии Грузии «О мерах по усилению борьбы с вредными традициями и обычаями» и соответствующее решение Бюро Абхазского обкома КП Грузии и Совета Министров республики. Их задача — отделить те элементы национальной культуры прошлого, которые органически сочетаются с новым мировоззрением, нормами и принципами коммунистической морали, от всего отжившего, устаревшего, чуждого нашему времени.

Эта задача двуедина. С одной стороны, необходимо выявить и умелой разъяснительной работой до конца искоренить некоторые действительно вредные обычаи, насажденные в свое время эксплуататорским обществом и церковью. Ясно, например, что такой обычай, как умыкание невесты, не может быть сохранен ни в каком виде, не подлежит никакому переосмыслению: С этим обычаем надо бороться как с вредным.

Гораздо сложнее другая задача — не допустить искажений действительно народных традиций и обрядов, искажений, происходящих под влиянием пережитков прошлого, антинародных в своей сущности, мелкобуржуазных представлений. Об этом главным образом и идет речь в настоящей статье. Недавно еще в нашей республике под маской национальных традиций или особенностей искажались и превращались в свою противоположность такие понятия, как известное повсюду гостеприимство наших народов, широта натуры и т. д. — вплоть до характерных для наших краев обычаев застолья, заздравных тостов, культуры вина.

Что может быть лучше и приятнее прославленного кавказского гостеприимства, когда гостя встречают от всего сердца, открывают ему свои души и двери домов, угощают и привечают искренне, без всяких расчетов и корысти? Но что общего имеют с этим многочасовые и многолюдные застолья, ставящие целью поразить обилием еды и питья, количеством выпитого вина и произнесенных тостов?

А сами эти тосты! Из освященной веками формы искренней, задушевной беседы за торжественным или праздничным столом они превратились в фарисейские восхваления всяких «видных» и «нужных» людей, присутствующих или отсутствующих за столом, причем порой бывает невозможно разобрать, что в этих восхвалениях правда, а что ложь!

Лет десять назад в Грузии проводилась Декада литературы одной из братских республик. Гостей всюду принимали и дружелюбно, и щедро, как искони привык наш народ приветствовать настоящих дорогих друзей. Но руководство одного из районов, который в числе прочих посетили гости, решило «переплюнуть» всех остальных: стол для гостей был накрыт в четыре яруса! Яства подавались одно необычней другого! И в заключение гостям — а их было 30 человек — преподнесли золотые часы каждому!

Конечно, устроители этого пиршества в первую очередь стремились произвести впечатление на вышестоящее руководство: вот, мол, как мы умеем! И представьте себе — им это удалось, а то, что щедрость была фальшивой, что деньги на эти роскошества были взяты из государственного кармана или собраны с колхозов района, осталось «незамеченным».

Итог? Искаженное представление не только о наших обычаях, не только о людях и их характере, но и о республике в целом, как крае неисчерпаемого изобилия, не требующего ни труда, ни забот. И нечего винить в ненаблюдательности или недружелюбии того иностранца, который, вернувшись от нас на родину, заметил: «Улицы в Грузии можно мыть вином, там оно льется рекой!» Откуда ему знать, сколько труда нужно крестьянину вложить, сколько пота пролить, чтобы вырастить виноградную лозу, уберечь ее от мороза и града, засухи и болезней! Откуда знать ему, как мы обхаживаем буквально каждую гроздь винограда, сдаваемую государству! Ему показали «винные реки», а не наш трудовой край с его замечательным народом.

Вообще должен сказать, что в недавние годы шло неприкрытое наступление «желудочных проблем» на человеческий интеллект. Пышные, многолюдные и многочасовые застолья заняли главное место и на похоронах, и на свадьбах, и при рождении ребенка, и при проводах новобранцев в армию. Радость и горе человека стали подменяться денежными расчетами, показухой, внешним эффектом, стремлением пустить пыль в глаза, а подлинные человеческие чувства отступали на задний план.

Не так давно в одном из наших сел хоронили юношу. Что может быть трагичнее оборванной в самом начале пути молодой жизни! Но кто-то из организаторов церемонии велел музыкантам исполнять... эстрадные песни! Это, так сказать, крайний случай, предел кощунства перед памятью покойного. Но, увы, совсем нередко возлияние за поминальными столами, многолюдными и многочасовыми «келехи» приобретают такой размах, что и гости, и тамада затягивают веселые заздравные песни, позабыв, где находятся. Перейдена тонкая грань мудрой и гуманной традиции, освященной веками: небольшой поминальный стол, за которым вспоминаются дела и жизнь покойного, был призван не только оказать уважение ему, выразить благодарность родственникам, приехавшим на похороны из других сел и городов, — хлопоты и заботы, связанные с приготовлением и устройством этого стола, позволяли близким родным как бы немного отвлечься от своего горя, забыться в будничных делах. Отвлечься, забыться, но не превращать поминки в веселую пирушку!

А вот факт противоположного характера. Справлялась шумная и щедрая свадьба. Сейчас трудно сказать, сколько на нее было приглашено гостей, но известно, что ушедших после свадьбы было на одного человека меньше, чем пришло. Один из гостей был убит! А произошло все из-за бычьей головы на свадебном столе: сей почетный приз предназначался победителю по выпивке. К концу свадьбы «в финал» вышли двое, перепившие всех остальных. Между их «секундантами» произошел спор, завершившийся трагически — гибелью одного из них.

Подобные пиры по различным поводам наносили серьезный и моральный, и экономический урон — резался скот, опустошались запасы, лилось вино. Потому и отметил Центральный Комитет Компартии Грузии, что подобные «традиции наносят ощутимый моральный и материальный урон». Дело не только в тоннах и тысячах рублей, потраченных впустую. Дело еще и в том, что они не безобидны для психологии, нравственного облика людей. Материальные затраты породили такое явление, как «покрытие» — сбор денег в помощь семье, понесшей расходы. Эти «покрытия» превращались, по существу, в некий «налог», которым облагали ближних и дальних родственников, друзей, знакомых, сослуживцев. И становится смерть или свадьба... источником счетов и расчетов, источником дохода!

Директор одного из сухумских ресторанов решил отметить бракосочетание своей дочери «по высшему разряду»: был объявлен соответствующий сбор, принесший 3040 рублей. Впоследствии двенадцать человек признали, что выплатили по 50—100 рублей, один из поваров в порыве верноподданничества внес 75 рублей — при зарплате 80 рублей! Добровольно? Бескорыстно?. У директора одной сельской школы скончался отец. Наставник молодежи справил ему поминки сначала в селе, где работал сам, потом поминал отца в деревне своей жены и, наконец, в родном селе покойного. Трижды поминки, трижды застолье, трижды... сбор денег!

Обратим внимание, что во многих случаях речь шла о тех работниках, которые должны были подавать пример остальным, но предпочитали использовать свое положение и авторитет по-иному. В последние годы ответственность и спрос с них стали строже — вплоть до снятия с постов, исключения из партии. Это заставило большинство отказаться от подобных действий. Но нашлись и такие, которые «приспосабливаются» к новым временам и требованиям. Председатель одного из сельсоветов на свадьбу дочери накрыл перед своим домом для всеобщего обозрения стол человек на шестьдесят. Но главные события, как выяснилось, были «замаскированы» — в глубине двора пировали еще шестьсот человек!

ТАМ, ГДЕ наживают моральный или денежный капитал дельцы, махинаторы, спекулянты, непременно страдают честные труженики, не имеющие ни лишних средств, ни желания участвовать в подобных «соревнованиях», но тем не менее вынужденные так или иначе испытывать их последствия на себе.

Не случайно поэтому то единодушие, с которым были встречены мероприятия по борьбе с вредными традициями и обычаями и по утверждению подлинно народных традиций. В Абхазский обком приходили убеленные сединами старцы, наиболее уважаемые у нас люди, носители и хранители наших традиций и обычаев, ветераны революции и войны — все они были единодушны в своих чувствах и мыслях, которые выразили в обращении, опубликованном нашими газетами. Кафедра конкретной социологии Тбилисского университета произвела опрос общественности по этим проблемам — в Абхазской и Аджарской АССР, городе Кутаиси, сельских районах Карталинии было опрошено 5529 человек. Из них свыше 70 процентов признали необходимым повести решительную борьбу с извращениями народных обычаев и традиций.

У нас появились и утвердились новые всенародные праздники, новые традиции и обычаи. Это торжественные дни Первомая и годовщины Октябрьской революции, День Победы, Международный женский день и профессиональные праздники, это праздники урожая и юбилеи ветеранов труда, это день проводов в армию и принятия в комсомол и пионеры... Широко стали распространяться литературные праздники и фестивали искусств. Переоценить значение этой новой традиции в деле воспитания людей, в деле укрепления интернациональной дружбы наших народов невозможно.

Но в то же время известно, что старания внедрить в быт «комсомольские свадьбы», «праздник посвящения в профессию» и т. п. нередко кончались формальными, скучными, не затрагивающими душу человека церемониями, а народ воспринимает лишь те новые обряды, которые соответствуют его духовным запросам, сложившимся традициям. Становление новой обрядности — дело деликатное, тонкое и сложное, требующее творческого подхода. О какой торжественности может идти речь, скажем, при бракосочетании, если, например, в Гаграх и Сухумском районе загсы ютятся в одной комнатушке, где одновременно регистрируются и брак, и рождение, и смерть! В таком же положении находятся загсы и в других местах, и не только у нас.

Но даже там, где условия с помещением лучше, сам обряд бракосочетания не стал еще праздничным и торжественным, запоминающимся как событие на всю жизнь. О какой торжественности может идти речь, если в Тбилисском дворце бракосочетаний регистрируется по 70—100 браков в день, а однажды даже зарегистрирован «рекорд» — 135 пар за смену! Вот и создается положение, что, по свидетельству самих работников дворца, немалая часть молодоженов после регистрации брака у них отправляется к служителям культа. Так что причин, почему борьба за чистоту и новых обрядов, и старинных традиций встречается в нашей практике с трудностями, немало.

В этой статье, естественно, использованы факты и материалы, связанные с Грузией, особенно с Абхазией, но проблема носит, думаю, общий характер. Об этом свидетельствуют и многочисленные высказывания недовольства по поводу свадебных машин, безвкусно, с мещанской разухабистостью разукрашенных лентами, шарами и куклами, о чем писали московские газеты.

Может, гости после таких свадеб и помнят долго головную боль с похмелья и шум в ушах. Но что запомнят сами молодые? Что передадут своим детям? Что оставят потомкам как традицию наших дней? Все эти вопросы сложные, требующие широкого и неотложного обсуждения.

Взять от прошлого огонь, а не пепел и передать поколениям этот огонь чистым, горящим ярко и ровно, — это наш святой долг и перед прошлым, и перед будущим.

СУХУМИ

ПРАЗДНИК ПОД ПОДОЗРЕНИЕМ

ОДНАЖДЫ зимой рано утром меня разбудил длинный звонок. «Носет же кого-то нелегкая!» — подумала я. Открываю. Вместе с клубами морозного воздуха в коридор вваливаются гурьбой незнакомые ребятишки. Руки их взметнулись вверх. Посыпалось вниз золотым дождем зерно. А мальчишки провозглашали здравицы, чтобы хлеб родился, чтобы скот плодился, чтобы все в этом доме жили долго и счастливо. И откуда взялось это у детей асфальтовых улиц?

Ах, это старый Новый год! Я-то о нем и забыла. И вдруг такая малюсенькая, совсем крошечная радость! Угощаю ребят конфетами, орехами, и они убегают. Ощущение радости не оставляет меня и по дороге в школу, и в учительской. Пришла еще одна учительница, сказала с улыбкой:

— Сегодня нас поздравили какие-то дети. Так славно...

Следующий возглас принадлежал мужчине:

— Каждое четырнадцатое января я не перестаю удивляться: до чего живучи пережитки! И кто только учит этих мальчишек звонить поутру к незнакомым людям?

Потом со всех сторон посыпалось:

— Ужасно! Куда смотрят общественные организации?..

— Неужто родители не могут купить им конфет?

— А я собрала зернышки и посеяла в цветочный горшок. Говорят, если взойдут — к счастью.

Я же думала так: если эти новогодние здравицы, не организованные комиссией «Новые обряды — в быт!», доселе популярны даже в городах, значит, что-то в них содержится глубинное, красивое, истинно народное.

Хочу передать свой диалог с одним старшеклассником, в котором я умышленно держала сторону противников новогодних здравиц.

— Неужели ты, такой взрослый, ходишь поздравлять на старый Новый год?

— Хожу к двум бабушкам и одному соседу с шести лет. В Бога! Конечно, не верю. Убежденный атеист. Но при чем здесь бог? И шоколадка мне ни к чему. И спать поутру хочется. Но все же приятно знать, что тебя кто-то ждет.

— Но ведь ты поддерживаешь предрассудки!

Парень пожал плечами:

— Я об этом как-то не думал... А жаль, если эти предрассудки, как вы говорите, исчезнут и, когда я стану взрослым, ко мне никто не придет под старый Новый год, не пожелает щедрого вечера...

Собственно, старый Новый год взволновал меня постольку-поскольку. А если говорить о народных обычаях, то больше всего я любила когда-то ночь под Ивана Купалу. Сколько с ней связано у нас на Украине легенд и песен, сказок и обычаев!

П. И. Чайковский не раз бывал в наших местах — село Низы всего в нескольких километрах от Сум. Я почему-то уверена, что он искал там волшебный цветок папоротника в ночь под Ивана Купалу и, может, нашел его. Но когда я говорила об этом с одним низовским школьником, членом школьного лесничества, он ответил: «Зачем искать то, чего нет? А что звезды в эту ночь по-особому красивы, так это от расположения созвездий». Очень умный мальчик. И папоротник ему ни к чему... А я искала этот таинственный цветок. Осталось такое впечатление, будто прикоснулась к тайне...

Иван Купала — праздник юности, а молодежь вся грамотная, в комсомольской организации состоит. Покритиковали одного, другого: что, мол, пережитки всякие разжигаешь... — вот так и ушли костры, песни в ночь под Ивана Купалу, канули в Лету.

Однако и по сей день живет у нас «Храм» — праздник, в сущности, религиозный, а «отмечают» этот праздник люди неверующие. Для хозяек эти дни превратились в демонстрацию кулинарных способностей, а хозяин, дабы не прослыть скрягой, должен выставить не менее 20 литров горилки. Поскольку на молитвы времени убивать не надо, то попойки за обильно уставленными столами продолжаются с утра до ночи. На следующий же день гости похмеляются. И от всего этого не только «богу», а, думается, и чертям тошно.

Справиться с дурным обычаем не могут, а хорошие предаются забвению. Надо бы нам определить, куда направить свои силы, с чем должно бороться, а что оставить в покое. Подходить к определению, где добрые народные традиции, а где вредные пережитки, надо, по-моему, очень осторожно. Здесь уместно напомнить пословицу: медведь лес ломает, а человек дуги из него гнет.

Анна КОЛЕСНИК,
учительница

Сумская область

ПИСЬМО ИЗ ДЕРЕВНИ

ПИСЬМО ИЗ ГОРОДА

ТОРТ СО СВЕЧАМИ

В КОМНАТЕ гасят свет, виновнику торжества подают спички и просят зажечь, одну за другой, все пятьдесят свечей на праздничном торте. Мы, гости, смеясь, начинаем считать вслух: «Один, два, восемь — учиться начал... пятнадцать — на завод пошел...» Девятнадцатая свеча почему-то не зажигалась. «Ранило меня в тот год на Висле», — доставая новую спичку, сказал хозяин дома. Смех оборвался. И вслух считать перестали. А хозяин, зажигая новые и новые свечи, говорил: «Нину встретил... дочь родилась... диплом защитил...»

Мерцают пятьдесят огоньков. Задумчиво глядит на них человек. Ну все, хватит, пора улыбнуться и постараться задуть все свечи разом, «чтобы прожить еще минимум столько же». Так положено по старому и милому обычаю.

Этот маленький эпизод вспомнился мне после одного странного разговора возле... загса. Веселый кортеж, украшенный лентами и воздушными шарами, остановился у заветного подъезда. Из машин высыпала шумная компания. Прохожие остановились, чтобы дать ей дорогу. Пожилая женщина, оказавшаяся в толпе «зрителей», ворчливо проговорила:

— Одеться надо было чуть поскромнее. Фата тут неуместна.

— А может, она давно и платье, и фату сшила! Что же теперь — выбрасывать? — запальчиво сказал девичий голос позади нас. Женщина обернулась и, взглянув на сердитую девчонку лет семнадцати, рассмеялась:

— Нет, то платье на ней не сошлось бы...

Невеста была в интересном положении, почти на сносях. Но одета по обычаю — в белое платье и фату с цветами. Впрочем, нет, как раз вопреки обычаю. Ведь наряд невесты, наверное, не просто униформа, как синяя курточка стюардессы, и не просто «нарядное платье», а символ как раз того невестина состояния, при котором ей до роддома еще далековато.

Сердитая девчонка, однако, не унималась:

— А если ей тоже хочется фату поносить? Что она, хуже других!

— Может, и лучше, — согласилась женщина. — А обычай надо уважать.

— Ваши обычаи до революции придуманы, — отрезала девчонка. — А вот моя сестра в третий раз замуж вышла и три раза фату надевала!

— Одну и ту же! — засмеялась женщина.

«А может, они действительно, устарели, эти символы и обычаи!» — думал я, уже идя своей дорогой. Вот тут мне и вспомнились те десять минут вокруг торта со свечами. Несомненно, это была кульминация вечера. Хотя торт сам по себе красив, но не в этом же только его смысл... Так и фата: она идет всем невестам без исключения. Но разве неправа женщина? Не всегда этот вид головного убора уместен. Каждый из нас рад увидеть в загсе пару любого возраста и положения, и, может быть, особо доброе чувство вызывает в нас картина, когда рядом с «женихом и невестой» стоят их (или одного из них) дети-школьники. Но мама с фатой на голове, действительно, наверное, не смотрелась бы. Так же, как и «третьеразовая» невеста: тут было бы нарушено нечто весьма деликатное...

Недавно мой знакомый, ветеран войны, рассказывал мне еще об одной несуразности свадебного обряда. Разукрашенные машины подъехали к могиле Неизвестного солдата, невеста положила цветы, все постояли, помолчали, и все было бы прекрасно, если бы они тотчас и уехали. «Нет, вздумали сфотографироваться здесь всей компанией, — пишет военный. — Стали живописно устраиваться, начались шутки, смех. Кто-то взял несколько аккордов на гитаре, кто-то запел веселый куплет. И тут меня, знаете, затрясло...»

Традиция побывать в день свадьбы у святых для всех нас мест возникла не так давно. И в принципе это прекрасная традиция. Даже в самый радостный свой день можно и нужно найти минуту для высокой и светлой грусти. Молодые минчане в такой день идут к Вечному огню на площади Победы, жители Тулы едут к могиле Льва Толстого в Ясную Поляну, москвичи кладут цветы к Мавзолею, идут поклониться Неизвестному солдату. Но весь ритуал этого поклонения, возникший из чистого душевного порыва, не может и не должен превращаться в обычное свадебное «мероприятие». Недопустимо объявлять обелиск непременной остановкой между двумя пунктами: загс — ресторан.

Невольно подумалось, что никому не приходило в голову спеть куплетик у аналоя. А разве солдатская могила менее свята для нас, чем для верующего — храм?

Многие обычаи и традиции удивительно умны, душевны и целесообразны. И требуют к себе глубочайшего уважения. Ведь созданы они вековым опытом и духом народным.

Не только свадебный ритуал богат символикой. Возьмите новогодний праздник: его полагается отмечать в семейном кругу, и чтобы непременно в доме была елка, а под ней — подарки для детей, а на ней — мишура, серпантин, блестки, игрушки. Чудесный праздник! А между тем старики еще помнят: одно время елка была запрещена как религиозный символ. Понадобился ряд принципиальных выступлений, в том числе и в широкой печати, чтобы снять с елочки напраслину и вернуть новогоднему празднику прелесть и очарование, тепло и уют, которые несет в дом лесная гостья. Спросите нынешних детей, почему наряжают елку, они ответят: потому что пришел Новый год. Ни о каком рождестве большинство детей и не слыхало.

Однако, если елке повезло, то другим столь же древним и в той же степени утратившим религиозный смысл символам и обычаям не везет. Люди их не забывают, не хотят забывать, так как не видят в них ничего «опасного» для себя и своих детей, однако вслух предпочитают об этих вещах не говорить. Я имею в виду следующее. Специально зайдя в булочную-кондитерскую на Комсомольском проспекте — дело было в июне этого года, — я спросил продавца, нет ли в продаже весеннего кекса. На меня посмотрели из-за прилавка как на не совсем нормального. И я не обижаюсь на продавцов. Вопрос был нелепым и фактически провокационным: ведь я отлично знал, что под псевдонимом весенний кекс скрывается широко известный и любимый всеми пышный сдобный кулич. И спрашивать его в июне — все равно что искать елочный базар в феврале.

Но мне хотелось убедиться, что существует некий молчаливый уговор вокруг некоторых старых обычаев, вернее их кулинарных символов. Заместитель управляющего «Мосхлебторга» Людмила Алексеевна Бурмакина подтвердила мою мысль цифрами: магазины подают заявку хлебопекарной промышленности на первый квартал — ноль килограммов весеннего кекса, на третий и четвертый кварталы — аналогично, а на второй — шестьсот тонн. И яиц в эти дни завозят в магазины на сотни тысяч штук больше, чем обычно. Согласно спросу. Студентки соревнуются между собой, кто красивее раскрасит и разрисует яйцо: я видел великолепные экземпляры в домах у моих друзей. Остался и милый обычай пригласить на чай с куличом, хотя никакого религиозного смысла этот чай не имеет.

Примерно такая же история происходит с мукой и сметаной на масленицу. Спрос на них резко возрастает. Не вкладывая никакого религиозного смысла, люди зовут друг друга на блины, со смехом, с удовольствием, с шуткой, просто как на встречу весны.

Вот чему я искренне радуюсь, так это тому, что в последние годы в День Победы все чаще устраиваются «землянки», когда ветераны войны, однополчане и их молодые друзья и близкие вспоминают фронтовой быт, пьют из фляжек и кружек походный чай и что покрепче, едят сухари и картошку в мундире...

...В этот июньский день ленинградцы подолгу и терпеливо ждут автобусов на остановках. Все знают, что сегодня их на линии меньше, чем обычно. И никто не сетует на долгое ожидание.

На некоторых же маршрутах автобусы идут в два, три и даже четыре раза чаще, чем обычно. И все переполнены до отказа. Как правило, в них едут целыми семьями, с бабушками и малыми детьми. И у всех пассажиров в руках цветы и корзинки со снедью. Не на загородный пикник едут эти ленинградцы. Они едут на кладбища. Едут поклониться памяти близких — отцов и матерей, дедов и бабок, сестер и братьев. Сегодня — «родительский день». День поминовения, который испокон веку отмечался накануне троицы. А вот теперь троица многими позабыта, а традиция поминовения осталась. И свято чтится людьми.

Конечно, это не праздник. Это день светлой памяти. День благодарности. День, высокой печали полный. Добротой и грустью пропитанный.

И я хотел бы в этот день услышать по радио задумчивые и грустные песни, которых так много у всех народов. А если это покажется кому-то слишком дерзким, то, по крайней мере, я бы не хотел в этот день слышать по радио комедий и частушек.

Хорошо бы еще накануне вечером положить цветы к портрету ушедшего навсегда дорогого человека. А автобус, идущий на кладбище, украсить печальной лентой или веткой березы.

Право же, люди станут только чище и добрее...

Л. ЭФРОС,
инженер

ЛЕНИНГРАД

Публикуемые выше письма читателей убедительно показывают, как непроста задача освоения в новых условиях старых народных обычаев и обрядов. Учительница А. Колесник сожалеет о том, что многие древние ритуалы, не содержащие ничего противоречащего нашим идеалам, нашим нравственным принципам, оказались незаслуженно забытыми, а попытка возродить их встречает порой даже необоснованное осуждение. Трудно не согласиться с точкой зрения украинской учительницы.

Но вместе с тем, как показывает письмо инженера Л. Эфроса, возродить тот или иной старый обряд сегодня недостаточно. Надо еще внимательно присмотреться к тому, как этот возрождаемый обряд «работает» с точки зрения главной задачи — формирования и воспитания личности. Многие обычаи и обряды имеют свои ритуалы. Важно, чтобы эти символы не воспринимались всего лишь как внешние атрибуты: украшения, развлечения, а то и хуже — престижного соперничества. Символы на то и существуют, чтобы СИМВОЛИЗИРОВАТЬ глубокий внутренний, нравственный смысл того или иного обряда. Если этого нет, обряд легко превращается в свою противоположность: воспитывает не высокие нравственные качества, а цинизм, неуважение к самому обряду и внутреннюю нетребовательность к себе, готовность использовать обрядовую символику в целях низменного, обывательского самоутверждения, бахвальства... Это видно и из письма инженера Л. Эфроса, и еще более — из остро ставящей проблему статьи первого заместителя Председателя Совета Министров Абхазской АССР Л. Маршания, который справедливо призывает умело управлять диалектическими процессами формирования и развития народных традиций и обрядов.

ПОХВАЛЬНОЕ СЛОВО

УЧИТЕЛЮ

В ЭТО ТИХОЕ осеннее утро вспомнился мне человек, давно ушедший для меня в прошлое. К стыду своему, за двадцать с лишним лет после окончания школы я сделал лишь одну попытку навестить Марию Петровну — она была уже на пенсии — да и то неудачную...

В школьной юности был я суетлив и несколько сверх меры звонок. Любитель поспорить. Нередко моими оппонентами, а вернее — жертвами, оказывались мало в чем повинные учителя, которые были вынуждены опровергать маловразумительное и доказывать малодоказуемое.

Но когда в класс входила Мария Петровна, «химичка», я становился совсем другим человеком. Ее спокойные манеры, темные с проседью волосы, сухое, почти аскетическое лицо — все было полно того, что мы называем «обаянием». Конечно, тогда я не мог определить свое состояние, а сейчас знаю точно — был очарован.

Не берусь судить о том, какое впечатление она производила на моих одноклассников, думаю — то же. Судьба некоторых из них сложилась так, что влияние Марии Петровны мне кажется несомненным. Не примитивно прямым (посоветовала выбрать такую-то профессию, и пожалуйста), а глубоко духовным, которое не осознается всю жизнь, но всю жизнь расходуется как драгоценный капитал.

Урок ее был быстр, даже стремителен, с легким шумом, с возгласами радости и огорчения. А когда звонили на перемену, я не то чтобы досадовал на это, а просто удивлялся: надо же, какой короткий урок!

Признаться, я никогда не любил самой химии. Но когда в класс входила Мария Петровна...

— Откроем задачники, — говорила она, — на странице... Все, начинайте. А вы, Приходько, Гришина, Савчук, Иванова, запишите условия другой задачки... — И она шла по рядам, заглядывая в тетрадки.

Двадцать лет назад она с блеском применяла то, что сейчас называют дифференцированным обучением. Усвоение нового у нас тогда походило на сценки, написанные опытным драматургом в расчете на блистательного исполнителя главной роли. Мария Петровна поминутно кого-то вызывала, будоражила и добивалась нужного результата, который часто высказывался устами ученика, отнюдь не сильнейшего. Класс учил себя сам. Это было нелегко — постоянно думать, искать ответа, зато урок оставался в памяти.

Света Гришина, которой давали особые задачки, тянулась по всем предметам еле-еле на тройки, по химии же — только четыре и пять. Поступила на химический факультет пединститута, окончила его с отличием, великолепно вела уроки, а затем — аспирантура к университете...

Юра Приходько, лучший ученик школы, единственный медалист нашего выпуска, поступил на химико-технологический факультет политехнического института, успешно учился и сейчас работает на крупнейшем химическом комбинате на Алтае.

Я никогда не бегал за Марией Петровной хвостом, чтобы поднести тетради, портфель или сумку с покупками. Не помню, встречался ли с ней за пределами классной комнаты. Но буквально через полгода после окончания школы, когда в студенческом общежитии зашел разговор о любимых учителях, я не успел и подумать, как сразу же в памяти возник ее образ.

...И вот совсем недавно отыскал я на окраине нашего города старенький, подлатанный свежими досками домик и осторожно повернул железное кольцо калитки. Тихо. В маленьком дворике — невытоптанная трава, бродят куры.

— Уехали, — сказал мне древний дед, сидевший на крыльце, — продали нам дом и уехали — три года как...

Я отдал деду ставший ненужным роскошный букет из астр и гладиолусов.

Было грустно. И стыдно тоже.

В. ТИХОМИРОВ

КРАСНОЯРСК

ШКОЛЕ

КАК-ТО РАЗ встретились на берегу пруда два человека: директор школы и бывший его ученик, один из самых «трудных». Сидели на берегу, говорили о жизни, вспоминали знакомых. А на берегу паслось стадо коров, и время от времени бывший ученик отлучался исполнить свои обязанности пастуха. Вообще-то пастухом работала его мать, но сегодня она отпросилась по своим делам, а сын, военнослужащий, сорокалетний генерал-майор, приехавший к матери погостить, охотно взялся заменить ее на работе.

Об этой встрече со своим бывшим учеником рассказал нам директор Сазоновской восьмилетки Сергей Григорьевич Максютин вот с какой целью: он доказывал, что самое главное — привить воспитанникам уважение ко всякому труду. А мы уже побывали в этой замечательной сельской восьмилетке, которую называют по имени директора—«школой Максютина», и убедились, что для такого коллектива нет неразрешимых воспитательных задач.

Переступаешь порог этого здания, проект которого многие годы вынашивал директор, и сразу попадаешь будто в оранжерею: пальмы, декоративные растения, небольшой бассейн, среди растений — лесные скульптуры.

И ни одной прописи, ни одного поучения, какими обычно пестрят стены школы. А только любимая ребятами стенная газета «Блискавка» («Молния»). Газета без редактора. Авторы заметок — ученики. Четыре постоянные рубрики: «Я одобряю», «Я сделал», «Я предлагаю», «Я критикую».

На втором этаже — холл, спроектированный по принципу «открытого пространства». Тут мир игры, сказки. Маленькие столики, удобные кресла, цветные витражи, ежечасно меняющие освещение уголка. Тут хорошо читается, думается. А это важно — ведь дети проводят в этой школе весь день, до прихода родителей домой.

Мы приехали в Сазоновку под вечер и попали на репетицию ансамбля, в котором сто мальчиков и девочек из 1—3-х классов разучивали на сопилках «Грай, дударику»...

— Нехитрый вроде инструмент, — говорил нам Сергей Григорьевич, — но знаете, кого мы записываем в ансамбль в первую очередь? Ребят, про которых говорят «медведь на ухо наступил». И они, представьте, неплохо играют. Сопилка хорошо развивает слух.

Об этой маленькой дудочке директор прочитал в книге Сухомлинского, где ей посвящены проникновенные строки. Замечательного павлышского учителя Максютин хорошо знал и его заветы старается осуществить в своей школе.

Все сазоновские школьники умеют читать ноты, есть здесь свои поэты, свои художники, краеведы, есть литобъединение, раздельные клубы для мальчиков и девочек, кружок юных механизаторов и отряд юных буденновцев-конармейцев.

Сотня школьников под руководством специалистов опытной станции принимает участие в выведении новых сортов пшеницы, подсолнечника.

Тут следует сказать и об особом режиме этой школы. Классные занятия заканчиваются в 12 часов дня — четыре урока (языки, математика, все основные предметы). Затем — два часа на подготовку уроков. К обеду — все на завтра сделано. Психологическая разгрузка полная. Начинаются активный отдых, игры, сон для малышей («25 кроваток, а надо бы для всех», — замечает директор). С четырех часов дня снова занятия в классе — уроки рисования, пения, музыки, физкультуры. В результате дети здесь устают меньше, успевают больше.

В сазоновских педагогических буднях уже сегодня угадываются контуры того типа школы, к которой мы идем через поиск, эксперимент, порою ошибки, трудные удачи. Того типа школы, которая наиболее полно будет служить воспитанию гармонического человека, формированию гражданина.

К. ГРИГОРЬЕВ,
В. ХАНДРОС,
спец. корреспонденты «ЛГ»

КИРОВОГРАД—КИЕВ

УЧЕНИКУ

СЕМЬ лет назад я сказал себе: хватит с меня этой изнурительной работы! Надо заняться наукой, семье уделять больше внимания, да просто читать, наконец. Нельзя уходить с головой в школьную жизнь!

Из семи последующих лет четыре я читал лекции студентам по этике и эстетике. У меня не было классного руководства, постоянной горы тетрадей, долгих педсоветов и совещаний. Ничего этого не было. Почему же я снова оказался в школе?

Потому что все эти годы меня не покидало ощущение, что я дезертировал.

...Возвращаясь из института, я часто садился перебирать свой школьный архив. Фотографии моих бывших учеников, их письма, сочинения, шпаргалки, рукописные литературные журналы, которые я с ними выпускал, наша школьная многотиражка, которую мы с ребятами с таким удовольствием делали... У меня перед глазами все время стояли ребячьи лица — умные и хитрые, глазастые и лукавые.

Каждый день входишь в класс, и на тебя устремляются десятки внимательных глаз. Дети чего-то ждут от тебя, учителя. С чего ты начнешь? Захватишь их внимание или тотчас потеряешь его? И десять лет прошло, а я, как учитель-первогодок, все еще волновался, входя в класс. Сейчас что-то произойдет, и, может быть, мне удастся вместе с детьми совершить открытие. Это не открытие в науке, нет. Может быть, мне удастся сегодня их глазами взглянуть на общеизвестный нам, взрослым, факт и удивиться так, как удивляются только в детстве.

Мои знакомые говорили мне, что надоедаю им со своей школой. Давно не работаю там, а все рассказываю и рассказываю. И однажды дома я сам «поймал» себя на том, что всецело поглощен раздумьями о школе. И понял, что пора возвращаться.

М. БРОДСКИЙ,
учитель школы № 20

РОВНО

Утро!

Фото В. КУЗЬМИНА

НОВЫЕ ЗАГАДКИ «ШКОЛЬНОГО ПРОЦЕНТА»

ПРОДОЛЖЕНИЕ ТЕМЫ

УЧИТЕЛЬ Семенов трижды приезжал в редакцию. «Как здоровье вашей жены?» — спрашивали мы его. «Спасибо, она поправляется, — отвечал он. — Но из школы нам придется уйти. Запасного сердца у нее ведь нет. А конфликт может повториться...»

Итак, Берновская сельская школа Калининской области потеряла двух учителей, супругов Семенова и Романову. Причина в том, что учительница Романова отказалась поставить фальшивые тройки кому-то из нерадивых учеников. Ее ругали, на нее кричали, она оказалась в больнице с сердечным приступом.

«Мы уходим из школы, — сказал Семенов. — Но, пожалуйста, не оставьте дело так. Примите меры. Завышение оценок развращает детей».

Этот и подобные ему факты, о которых сообщают читатели «ЛГ», побуждают нас вновь вернуться к проблеме процентомании, то есть сознательного завышения оценок учащимся ради лучших показателей школы. Напомним, что после бурной дискуссии «Этот загадочный «школьный процент», состоявшейся на страницах «ЛГ» в 1974—1975 годах, министр просвещения СССР М. А. Прокофьев заверил наших читателей в том, что министерством приняты и принимаются кардинальные меры для полного искоренения этого зла... По мнению заместителя министра М. И. Кондакова, также приславшего ответ редакции, борьба с завышением показателей — дело сугубо административное. «Во всех вскрытых случаях либерального подхода к оценке знаний, а тем более явного завышения оценок виновные привлекаются к строгой ответственности», — говорилось в письме М. И. Кондакова. Как же органы народного образования практически борются с рецидивами процентомании? С письмами учителей в руках и с этим вопросом мы обратились в Министерство просвещения СССР, в его Главную инспекцию, которая как раз и призвана выявлять и пресекать случаи завышения оценок.

— Мы принимаем решительные меры против очковтирательства, — сказал заместитель начальника Главной инспекции В. В. Невский. — Но факты эти чрезвычайно редки. Лет пять назад в Одесской области был случай, когда оценки в журнале не соответствовали знаниям учеников. Мы наказали директора школы. Еще один такой случай был недавно, год назад, кажется, в Николаевской области. Обратитесь к инспектору по Украине товарищу Невидомскому, он в курсе дела.

В. А. Невидомский сперва сообщил, что «на Украине все в порядке: 99,9 процента успевающих учеников»! Затем признал, что «бывают отдельные случаи завышения оценок», и рассказал про тот случай в Николаевской области, где сняли одного директора школы. «Но никакой процентомании в школах нет, нам такая «болезнь» неизвестна. Есть отдельные факты», — подчеркнул В. А. Невидомский.

— Почему же редакция получала и получает столько писем от учителей?

— Это пишут плохие учителя. Хороший учитель разберется на месте или напишет к нам, в инспекцию.

— И много у вас таких писем?

— На тему, которая вас интересует, писем нет.

Такого поворота дела мы никак не ожидали.

— Посмотрите тематику жалоб, поступающих в министерство, — продолжает нашу беседу заместитель начальника Главной инспекции В. В. Невский. — Ни о какой процентомании и речи нет. Однако я верю вам, что в редакции много подобных писем. Очевидно, учителя считают, что требование высокого процента успеваемости исходит от нас, то есть от министерства, и потому не пишут к нам. Но, поверьте, никогда ни один работник министерства на совещаниях или при личном обследовании школ не требовал представить 100-процентную успеваемость, не придавал никакого значения проценту.

— Кто же, по-вашему, требует от школы «выдать» высокий процент?

— Очевидно, эта практика возникает где-то на уровне роно. Но мы совершаем ежегодные плановые проверки школ, выезжаем каждую весну на выпускные экзамены. Проверка показывает, что обычно тройка соответствует удовлетворительным знаниям ученика, четверка — хорошим и так далее... Всего два случая, которые я вам называл, показывают, что завышение оценок — это не система, а исключение.

Вот это и есть то новое, что мы услышали от работников Главной инспекции.

А между тем сам министр придерживается другой точки зрения. 19 августа с. г. в «Учительской газете» опубликовано инструктивное письмо министра просвещения СССР М. А. Прокофьева «Критерии оценки деятельности школы». В письме, в частности, говорится:

«...нередко деятельность школы оценивается лишь по одному какому-то показателю, и на этой основе делаются выводы без учета других существенных факторов. Чаще всего в качестве такого показателя принимается процент успеваемости. В отдельных городах и районах, ориентируясь только на этот показатель, определяют места школ. Такой подход приводит к ряду нежелательных последствий, объективно содействует искусственному завышению оценок, умаляет значение важных воспитательных и иных факторов в деятельности школы. Против такого однобокого подхода к оценке работы школы справедливо протестует общественность. Критика подобного положения не раз высказывалась на страницах печати».

Итак, «общественность справедливо протестует». А в Главной инспекции министерства с трудом припоминают один-два старых факта завышения оценок...

Не странно ли? Ведь еще полтора года назад на страницах «ЛГ» были опубликованы десятки писем учителей о «загадочном школьном проценте», назывались конкретные адреса. Возникает законный вопрос: раз министерство не имеет никаких сигналов о фактах сознательного завышения оценок, проверялись ли многочисленные факты, приведенные в газете? Оказывается, не проверялись.

В ходе дискуссии большинство участников считали, что необходимо устранить сами условия, порождающие процентоманию, то есть формализм в оценке работы школы. Министр просвещения СССР М. А. Прокофьев ответил читателям «ЛГ», что этому будет способствовать принятие новых критериев оценки работы школы. Теперь эти новые критерии приняты. Не вдаваясь в их оценку — хороши они или плохи, пусть покажут жизнь, школьная практика,— заметим, однако, что возможность формального подхода и к этим новым показателям работы школы остается. И потому наш вопрос не снимается: какие меры принимаются против искажения любых показателей?

Выяснилось: административный меч ржавеет под лавкой—его не приходится применять, фактов очковтирательства в школах нет.

Ну что ж. Придется нам забыть о тысяче прошлогодних писем, по которым так и не принято никаких административных мер, и привести новые, свежие. Может быть, они все-таки написаны не сплошь «плохими» учителями, и Главная инспекция Министерства просвещения СССР заинтересуется фактами, которые ей неизвестны?

«В школе, где я работаю, директор Ахмед Абидович Дагиров помешался на процентомании, ничего ему не нужно, только мнимое благополучие на бумаге. При этом директор все время ссылается на то, будто министр просвещения требует только высокие проценты — 99 или 100. Каждый год директор заставляет учителей переправлять двойки на тройки. Учащиеся отлично знают об этом и не учатся, как положено. Вот сегодня ко мне подошла учительница Алиева и сказала, что директор не принимает у нее отчет, пока я не исправлю две двойки ее ученикам на тройки. Я отказался. Для исправления нет никаких оснований. Большинство же учителей покорно исправляет двойки на бумаге, так как боятся директора. Непослушные учителя уходят из школы».

Это пишет В. Кодоев, учитель математики Бамматюртской средней школы Хасавюртовского района Дагестанской АССР, учитель с 44-летним стажем, ветеран войны, кавалер многих орденов и медалей.

А вот письмо М. Утюжниковой, бывшей учительницы иркутской школы № 27:

«За три недели работы в школе № 27 я поставила несколько двоек. Семиклассники окружили меня: «Мария Ивановна, у нас двойки не ставят!» Я ответила: «Сделайте удовлетворительную работу, тогда я исправлю оценки». «Нет, вы сначала поставьте тройки...» — решительно сказали дети. Ой, как мне это не понравилось! Что за система? Но я решила, что за четыре года я научу этих ребят грамотно и писать, и мыслить. Поделилась своими планами с директором. На ближайшем педсовете он заявил: «Мы будем добиваться, чтобы Утюжникова оставила нашу школу».

«Я — старый учитель, — пишет в редакцию Ю. Кураев, учитель физики школы № 29 гор. Сызрани Куйбышевской области, — и, наверное, учу неплохо. Мои ученики часто поступают в вузы без провалов, а на физических олимпиадах систематически занимают лучшие места. И кабинет у меня хороший. Но радости от работы нет: надоели систематические гонения за выставление двоек. Работать в последнее время стало просто невозможно. Требуют всех переводить, всех выпускать.

Между тем слабых учеников много, и репетитором всех учитель физически быть не может. Поэтому перевод таких учеников — сплошное надувательство.

В последнее время в школах введена система аттестации учителей, от которой, однако, почему-то освобождены директор и завуч. Пользуясь этим, они ополчаются на неугодных, ставящих двойки, угрожая им этой аттестацией. По-прежнему о работе учителя судят по выставленным им же оценкам, несмотря на многочисленные выступления печати против этой нелепой системы.

Если даже Министерство просвещения не может найти выхода из создавшегося положения, что остается учителю: бороться с гранитной стеной или сдаться? Сдаться, потому что бороться уже нет сил: после каждого педсовета — гипертонический криз, больничный лист...»

И еще несколько строк из письма В. Гребенниковой, учительницы школы № 123 Ташкента:

«Я перешла в одну из школ Ташкента после работы в сельской школе. И с удивлением услышала, как завуч постоянно повторяет: «Вопрос о неуспевающих снят с повестки дня. Теперь борьба за качество». Это значит, что оценка «2» больше вообще не ставится. Объясните, кто дал такие указания?»

Судя по приведенным выше письмам, виновники процентомании — руководители школ, директора и завучи. Но вот письмо, полученное нами на днях:

«Мы—завучи средних школ большого и прекрасного города. Здесь мы начали свою рабочую биографию, здесь нам и кончать свой путь.

Выражаем недоумение и глубокое возмущение тем, что заставляют нас делать в школе. Процентомания и бесконечный поток отчетов, бумажная перестраховка убивают живое дело. Если бы мы стали перечислять, что требуют от нас роно и гороно, что мы обязаны записывать ежедневно и ежечасно, мы не добрались бы до конца этого письма.

Утвердился новый стиль контроля: оценка работы школы дается только по состоянию бумаг. Так называемые «фронтальные проверки» проводятся тоже только по бумагам. Так мы даем 99 процентов успеваемости! Если бы хоть раз записать на магнитофонную ленту, как «инструктирует» нас и директоров школ заведующий роно! Получив нахлобучку, мы соответственно обрабатываем «неспособных» учителей, и к концу четверти махровые лентяи получают свои тройки. Вы думаете, трудно выпустить из школы десятиклассника, не успевающего по 8—9 предметам? Очень просто. В протокол записывается, что ученик оставлен «на осень» по двум предметам. Согласно инструкции, такой ученик допускается к экзаменам на аттестат зрелости. Учителя получают приказ (от директора через нас) немедленно опросить ученика по остальным 6—7 предметам и поставить ему тройки. Также, «с особой снисходительностью», у него принимают экзамены. И все это — под ироническими улыбками наших воспитанников.

Таким образом, мы перечеркиваем всю воспитательную работу с учащимися. Не потому ли вызывает такую тревогу нравственный облик наших ребят? Мы бессильны что-либо изменить, так как с нами не церемонятся... Фамилий своих поэтому не называем».

Мы позволили себе, в порядке исключения, опубликовать это неподписанное письмо лишь потому, что по содержанию оно ничем не отличается от писем, в которых авторы не скрывают своих подлинных имен. Жаль только, что пришлось снять название города и роно.

Итак, роно — виновник всех бед? Послушаем представителя и этой категории работников просвещения. Вот выдержка из статьи Н. Глазова «Гипноз процентомании» («Орловская правда» от 24 июня 1976 г.)

«Анализирую итоги первых экзаменов в школах. Результаты хорошие. Но... не чувства радости и удовлетворения испытываю я, зав. роно. Тревогу и горечь вызывает во мне такое стопроцентное благополучие. Что греха таить, высокому проценту подчас приносится в жертву все святое — и честь, и совесть, и мораль, и детская, юношеская чистота. Особенно тяжело переживают растлевающее действие «процента» добросовестные и, конечно, молодые, еще не совсем «понаторевшие в жизни» учителя. Я могу со всей ответственностью заявить (из 40 лет 30 я проработал в школе, а 10 — заведующим роно), что никогда раньше с таким цинизмом и беззастенчивостью великовозрастный бездельник не сказал бы учителю: «Все равно поставите тройку. Иначе вам хуже будет».

...Когда два года назад облоно и роно взяли под контроль экзамены в одной средней и двух восьмилетних школах нашего района, то причин для оптимизма было прискорбно мало. Комиссии и представители слушали каждого ученика на каждом экзамене, пунктуально проверяли и оценили каждое сочинение и контрольную работу по математике. Для списывания, шпаргалок, подсказок условий также не было создано. И вот результат. У одной учительницы почти половина питомцев получила двойки по сочинению. Мы ее спросили, как объяснить такой провал. Последовал ответ: «Если бы вас на экзаменах не было, все сдали бы...»

Осталось выяснить одно-единственное обстоятельство: не могут работники Министерства просвещения СССР выявить факты очковтирательства со школьными оценками или просто не проявляют такого желания?

Министерство регулярно в конце года проводит выборочные проверки школ по «качеству знаний» учащихся. И результаты этих проверок дают «процент», далекий от желанных 99,9. Вот лишь несколько реальных цифр: 29 процентов девятиклассников проверенных школ не решили уравнения в контрольной по математике; 56,3 процента учеников средних классов не справились с заданием по геометрии; 24,7 процента шестиклассников не сумели опознать части речи в контрольной по русскому языку, а каждый пятый шестиклассник не смог определить падеж имени существительного. Что касается выпускного, 10-го класса, то 10 процентов учеников делают ошибки в правописании безударных гласных и 16 процентов не знают падежных окончаний имен существительных.

Все эти данные взяты из циркулярного письма Министерства просвещения РСФСР от 30 июля 1975 года.

— Не отражает ли циркулярное письмо истинную картину знаний учащихся? — этот вопрос мы задали начальнику программно-методического управления Министерства просвещения РСФСР В. П. Стрезикозину. Ответ был таков:

— Нет! Наши проверки «качества знаний» носят специальный характер. Мы составляем контрольные работы не по текущему материалу, а за весь год, то есть проверяем, как прочно откладываются знания предыдущих тем и уроков. А «процент успеваемости» складывается из текущих оценок учеников, как бы за «вчерашний урок».

Ну и ну! Выходит, прочность знаний не входит в понятие успеваемости! До чего же все-таки можно договориться, отрицая очевидное: знания учащихся школ порой не соответствуют выставленным оценкам. Общество, вузы и народное хозяйство получают из школ не только грамотных и эрудированных выпускников, но, случается, и людей с неполноценными знаниями. Самое ли это неприятное? В конце концов упущенное в школе можно наверстать в процессе последующей учебы, практической работы.

Гораздо опаснее другое — то, что подчеркивалось неоднократно: моральный урон, наносимый процентоманией делу воспитания подрастающего поколения. Если иные педагоги приучают детей к тому, что можно работать спустя рукава и получать удовлетворительную оценку за свой «труд», то где гарантия, что эта «привычка» не будет ими перенесена и во взрослую, самостоятельную жизнь? Такая практика несовместима с важными задачами улучшения нравственного воспитания подрастающего поколения, четко сформулированными XXV съездом КПСС.

Процентомания вступает в досадное противоречие с большими общепризнанными достижениями советской школы, добившейся в целом высокого качества подготовки своих выпускников. Это высокое качество, давно завоеванное нашей школой, должно сохраниться и теперь, в условиях осуществления всеобщего среднего образования. Сегодня наша школа должна учить всех. Она может учить всех, и учить хорошо!

Цель нашего сегодняшнего выступления — еще раз зафиксировать, что волнующая всех — не только учителей, но и учеников, и родителей — проблема процентомании в школе не решена, несмотря на попытки некоторых ответственных работников Министерства просвещения СССР отрицать само ее существование.

ОТДЕЛ КОММУНИСТИЧЕСКОГО ВОСПИТАНИЯ «ЛГ»

Юрий РЮРИКОВ

ПОЧЕМУ ДЕТЕЙ СТАНОВИТСЯ МЕНЬШЕ

ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ЗАМЕТКИ

ХОРОШО это или плохо, что детей рождается все меньше? Большинство пишущих говорит — «плохо»; большинство рожающих, судя по их поведению, думает — «хорошо». Кто прав? Пишущие, рожающие? Сегодня это одна из самых сложных проблем, от нее во многом зависят наше настоящее и будущее.

Зигзаги перехода

Человечество переходит сейчас к рождаемости по-настоящему человеческой, свободной — по потребности. Но переход этот идет зигзагами, и горожане стоят сегодня в крайней точке зигзага — в точке отката от максимума детей к минимуму.

Отвечая на анкеты демографов, женщины иногда говорят, что причины снижения рождаемости — материальные или жилищные затруднения, перегрузки делами, трудности с садами и яслями.

Демографы не соглашаются с таким объяснением. По их сведениям, детей меньше как раз у тех, у кого лучше жилье и выше зарплата. Такой же парадокс с яслями и садами: чем больше их в городе, тем меньше детей в городской семье...

Впрочем, демографы говорят и то, что сходится с мнением женщин: рождаемость падает и от вовлечения женщин в производство, и от теневых сторон урбанизации, и от других социальных сдвигов.

У рождаемости, наверно, очень много пружин — и экономических, и социальных, и этико-психологических, и общекультурных, и юридических, и педагогических. Они всегда действуют в сплаве, в сцеплении, часто они направлены в разные стороны, и число детей в семье — это их равнодействующая.

К сожалению, демографы еще не дошли до такого системного подхода к этой системе причин, очень пестрой и сложной. Двигатели рождаемости демографы изучают чаще всего по отдельности, в отрыве от общей системы. Они пытаются понять, как влияет на рождаемость то образование, то работа женщин, то доходы, то традиции, то какие-то группы этих причин — в отрыве от всех остальных.

Именно поэтому, кстати, им и кажется, что рост обеспеченности тянет за собой спад рождаемости. Но, может быть, дело совсем не в обеспеченности самой по себе, а в целом клубке причин, которые понижают рождаемость?

Этот единый клубок, в который сцеплены разнородные пружины рождаемости, можно бы назвать условно «ценой ребенка». «Цена ребенка», как мне представляется, — преломление в головах родителей всех этих разнородных сил, многослойный социально - психологический регулятор рождаемости.

В «цену ребенка» входит уровень насыщения главных человеческих потребностей, которые дают нам дети. В нее входят и преграды для насыщения других потребностей, которые тоже несут с собой дети. В нее входят наши нервные и физические силы, которые идут на ребенка, наши денежные траты и траты времени; в нее входят все радости и горести, все приобретения и потери, которые мы получаем от детей. И самое главное: все это мы (особенно женщины) рассматриваем через призму наших новых потребностей, новой системы ценностей.

«Цена ребенка» — вещь субъективная, но она вырастает из объективных условий.

После «взрыва потребностей»

В прошлом смысл жизни женщины сводился к тому, чтобы быть матерью, женой, домохозяйкой. Престиж женщины здесь прямо зависел от числа детей; чем больше их, тем лучше она исполняет свое жизненное назначение.

В нынешней системе ценностей смысл жизни женщины — сочетать домашнее и общественное поприща. По последней переписи, в главном материнском возрасте (20—40 лет) у нас работает примерно девять десятых женщин. А так как тип потребностей человека зависит от типа его жизни, у женщин рождается новая шкала потребностей.

В первые ее ряды выходят потребности во внедомашней жизни — работе, общении с людьми, в духовном и профессиональном развитии, в современных видах отдыха. Эти новые потребности занимают место рядом со старыми (в замужестве, материнстве), а то и теснят их.

В наш век круто меняется психологическая природа человека, и перемены ее двусторонни. С одной стороны, перегрузки урбанизации и ускоренного ритма жизни пригашают у многих из нас чувствования, стандартизуют их. С другой стороны, в нас все больше растет индивидуальность, личное своеобразие.

Индивидуализация сознания, чувств, привычек — это, видимо, главная перемена в нашей психологии. Она рождает в женщинах новые, личностные потребности — в самовыявлении, личном совершенствовании, в равенстве с другими людьми, в уважении к своему достоинству, в свободе поступка, поведения, выбора...

Расширение жизненных ролей женщины взрывом увеличивает число ее внутренних потребностей. Система их резко усложняется, делается куда более запутанной и трудной для насыщения.

Дети теперь не центральная и бесконкурентная ценность. Теперь престиж женщины зависит не от количества детей, а от качества, с которым она выполняет свои резко умножившиеся жизненные роли — домашние и рабочие. (Причем этот престиж, к сожалению, куда больше зависит от рабочих ролей, а не от сочетания с домашними.)

Рост жизненных ролей женщины явно затрудняет выполнение каждой этой роли: теперь они берут от женщины куда больше нервов, сил, времени. У большинства женщин (особенно у молодых матерей) — двойной рабочий день: один на работе, другой дома. Социологи высчитали, что домашняя нагрузка женщины в два—два с половиной раза больше, чем у мужчины, а общая нагрузка — на работе и дома — на 1/5—1/6 часть больше общей мужской.

Родив ребенка, женщина ощущает, что ее материнская миссия соперничает с ее трудовым призванием, с ее личностными ролями, отягощает ее домашнее положение.

Материнские заботы особенно выросли в последнюю четверть века — с отмиранием коммунального быта, с расслоением большой семьи на семью ветеранов и семью молодых родителей (таких малых семей у нас 85 процентов). Заботы, которые раньше делили между собой мать и бабушка, легли теперь на плечи одной матери.

Постепенное исчезновение воспитывающих бабушек тоже повышает «цену ребенка» — и прямо, и косвенно. В большой семье дети оставались обычно под присмотром бабушки, которая часто не работала, и такой острой, как сейчас, нужды в яслях и садах не было.

В последнюю четверть века все здесь переменилось. В 1950 году работали 19 миллионов женщин (рабочих и служащих); в 1974 году их стало 51 миллион! Домохозяек у нас осталось всего шесть миллионов. Бабушки, как правило, стали работающими, мамы — тоже, и нужда в садах и яслях круто выросла. И хотя в них ходит сейчас треть дошкольников, 11,5 миллиона детей (невиданное в мире число — большое социальное завоевание), но остальные делать это не могут. Матери этих детей несут на себе добавочный груз из-за нехватки детских учреждений.

Еще один источник высокой «цены ребенка» — педагогическая малограмотность многих родителей. Эта малограмотность — прямой результат отсутствующей у нас подготовки к семейной жизни. Неумение воспитывать детей крадет массу материнских радостей, явно «тускнит» родительское счастье.

Усугубляет «цену ребенка» и рост разводов, холостячества, и появление нового массового вида семьи — «материнской» семьи, в которой нет отца. В последнее время у нас каждый год прибавляется 700—800 тысяч детей, которых растит одна мать. Это дети, которые или родились без отца, или остались без отца после развода. У матери в такой семье куда больше перегрузок и нехваток — душевных и физических, и растить ребенка ей одной сверхтрудно.

Зло или добро?

У «цены ребенка» есть и другие слагаемые, о которых тут не говорилось. Но, видимо, стержень нынешней высокой «цены ребенка» — это перегрузки многих матерей.

Социальный статус женщины в нашей стране высок, как нигде. Недавно о преимуществах ее положения (сравнительно с женщинами Запада) с цифрами в руках написал американский социолог и общественный деятель В. Мэндел (в книге «Советские женщины», Нью-Йорк, 1975). Но, кроме плюсов, здесь есть и минусы (особенно в положении молодой матери), и о них много пишут советские социологи.

И нынешний спад рождаемости — это, видимо, стихийный ответ женщины на перегрузки, стихийное устранение одной из их причин — той, которая больше всего подвластна женщинам. На весах прогресса такой ответ выглядит, наверное, двояко. Минусы его сами бросаются в глаза. Минусы психологические многие испытывают на себе: у многих детей само положение единственного ребенка рождает «я-центризм», а то и эгоизм, и это отзывается потом на всем его отношении к людям, к семье, к работе.

Об экономических минусах остро сказал В. Переведенцев («Наш современник», № 6, 1975). Он высчитал, что с середины восьмидесятых годов рост рабочих рук у нас резко затормозится: в последние пятнадцать лет XX века в стране прибавится только пять миллионов работающих — в шесть раз меньше, чем в предыдущее пятнадцатилетие.

Но у спада рождаемости есть явные плюсы. Он смягчает разлад между домашними и рабочими ролями женщины, уберегает десятки миллионов матерей от перегрузок. Тем самым он позволяет им прямо участвовать в рабочей жизни общества: вспомним, что за последнюю четверть века число работающих женщин — рабочих и служащих — выросло у нас на тридцать миллионов, в два с половиной раза. Женщины составляют сейчас больше половины работающих, и, видимо, мы обязаны им минимум половиной того, что получила страна за последнюю четверть века.

Таким образом, спад рождаемости — вещь двоякая. Его главное русло (переход от семи-восьми рождений на женщину к двум-трем) — это переход к высшему, истинно человеческому типу рождаемости. Теперь женщина тратит на вынашивание и вскармливание детей не 15 лет жизни, как было раньше, а 3—4 годе. Этот новый тип рождаемости — социальное благо исторического размаха: он освобождает женщину от роли рожающей машины, роли «второго пола», помогает ей переменить тип жизни и стать фигурой, социально равной мужчине. Об этом очень убедительно говорят демографы А. Волков, А. Вишневский, Л. Дарский в только что вышедшем сборнике «Рождаемость: проблемы изучения» (М., 1976).

Но зигзаги этого перехода, качание маятника от максимума детей к минимуму — это лекарство вынужденное, и, леча один недуг, оно рождает другой. Дисгармонию, наверно, лучше устранять не другой дисгармонией, а гармонией. И сами женщины, судя по опросам демографов, думают в душе то же самое: материнские чувства многих из них явно не насыщены.

Восемь женщин из каждых десяти считают идеалом двух-трех детей в семье. Демографы тоже думают, что это «оптимум», наилучшее число детей (причем три лучше двух): при нем не страдает качество их воспитания, не суживается жизнь матери, не ущемляются интересы общества.

Но в большинстве семей страны — один-два ребенка. Значит, большинство мам, у которых один-два малыша, хотели бы родить еще одного, но пока не могут сделать этого.

Рычаги подъема

XXV съезд КПСС высказался за активную демографическую политику и записал в своих решениях предложения социологов, которые могут улучшить условия для материнства.

Активная демографическая политика — вещь очень сложная, и она, наверно, будет рождаться в экспериментах, в дискуссиях демографов, социологов, экономистов, психологов, педагогов. Несколько предложений для этих будущих дискуссий я и хотел бы сделать.

«Цена ребенка» многослойна, и придется, наверно, сразу — и по многим руслам — влиять на все ее слои. Первой мишенью должны быть здесь, видимо, домашние перегрузки женщины. Есть несколько путей борьбы с ними. Первый — передача основ домашнего труда обществу, крутой подъем службы семьи, быта. (Сейчас, кстати, эта служба замещает больше всего мужские работы — отопление, снабжение энергией, ремонт и т. п., и нужно бы делать упор именно на женские виды труда — особенно кухню и стирку.) Второй — передача этого ручного труда машинам, механизация домашних работ. Это главная — но стратегически долгая — дорога освобождения семьи от хозяйственных тягот.

Самую быструю помощь женщине может принести настоящее впряжение мужчин в лямку домашних забот. Вспомним, что женщины в последнее время взяли на свои плечи больше общественного труда, чем сняли с них домашнего. Наверно, мужчинам стоило бы поскорей восстановить нарушенное равновесие.

Четвертое русло помощи — вовлечение в домашние труды детей. Это важно и для их воспитания, так как растит в них самостоятельность, заботу о других людях.

Стоит подумать и о новых путях, которые, в общем-то, напрашиваются сами собой. Так, явное облегчение принесли бы с собой хозяйственные союзы семей, особенно молодых. Несколько молодых пар, живущих по соседству, могли бы, например, по очереди покупать для всех продукты, по очереди гулять с малышами, присматривать за ними. Это дало бы каждому полтора-два часа времени в день, десять—пятнадцать часов в неделю, резко снизило бы домашние перегрузки.

Недавно московские социологи семьи, руководимые З. А. Янковой, выяснили, что к такому соединению сил готовы от трети до половины молодых родителей. Им вызываются помогать — и по хозяйству, и в уходе за детьми, — многие пенсионеры. Такая «общинная» помощь друг другу особенно важна сейчас потому, что служба быта и ясли-сады еще не скоро смогут стать решающим подспорьем для многих семей.

В нынешнюю пятилетку в садах и яслях должно прибавиться 2,5—2,8 млн. мест; это много, но за пределами дошкольной сети все-таки останутся три пятых малышей страны. Социологи давно уже предлагают в помощь государственным садам и яслям создавать кооперативные — групповые, домовые, ведомственно-общественные.

При строительстве новых домов стоило бы выделять для таких садов-групп особое помещение — домовый уголок ребенка. Во многих старых домах тоже можно было бы найти для этого площадь. За детьми ходили бы по очереди родственники, пенсионеры — из числа желающих; кроме того, родители могли бы за свои деньги привлекать и воспитателя, и повара...

«Общинная» помощь может поднять и качество работы садов и яслей. Сейчас на воспитательницу приходится 25—30 малышей, и она просто не может уделять каждому хотя бы толику того индивидуального подхода, который составляет ядро воспитания.

Родственники, пенсионеры, младшие школьники могли бы взять шефство над садами и яслями. Они по очереди дежурили бы там, помогая воспитательницам, и такое шефство резко увеличило бы сумму ухода за каждым малышом, долю индивидуального внимания к нему.

Могут облегчить «цену ребенка» и архитектурные мероприятия. Архитекторы давно уже говорят, что нынешние принципы расселения семей и структура жилья отстают от семейных потребностей. Нужен «куст» квартир, в которых бы жили по соседству молодые семьи и семьи их родителей. Такое соседство соединило бы порванные нити взаимопомощи, оно помогло бы умерить и домашние перегрузки в молодых семьях, и атмосферу замкнутости, одиночество во многих семьях престарелых людей.

На принцип «отдельно, но рядом» стоило бы ориентировать расселение семей не только в новых, но и в старых домах, а для этого придется открыть (для желающих) массовый обмен квартирами.

Архитекторы предлагают и новый вид жилья — комплекс домов, которые соединены блоком обслуживания в единый «многодом».

В службе быта этого «многодома» будет все самое нужное для семьи: кухня-столовая, кулинария, прачечная-химчистка. Будут там и домовый сад-ясли, и спортзал, и клубные помещения. Ведать всем этим станут на кооперативной основе сами жильцы, работая по очереди и привлекая специалистов. У домовой службы быта будет много участников, и поэтому траты времени, денег, труда окажутся невелики.

Облегчит положение молодой матери и сокращенный рабочий день — за него прямо высказался XXV съезд.

Съезд принял и еще одно важное решение: частично оплачивать годовой материнский отпуск. Это применение принципа «по труду» к материнской работе — самой, пожалуй, важной на земле из всех работ — по выращиванию человека.

По сведению демографов, годовой отпуск берут семь молодых мам из десяти. Со временем материнский отпуск, наверно, еще удлинится и платить за него будут полностью.

Мать грудного младенца делает для общества не меньше, чем великие открыватели и созидатели. Она созидает опору общества — человека, закладывает ядро его характера, первичные фундаменты психики, от которых во многом будет зависеть весь его внутренний облик, все развитие.

Большую роль в лечении демографических недугов может сыграть массовое педагогическое просвещение родителей, обучение их труднейшему на земле искусству — выращивать из малыша хорошего, доброго, здорового, свободного человека. Такое искусство может круто поднять в наших глазах ценности родительства, радости общения с детьми, резко улучшить психологические пласты «цены ребенка».

МЕРЫ, о которых тут говорилось, касаются разных сторон быта, семьи, положения женщины. Каждая из них будет укреплять свое звено цепи, лечить свое недомогание, каждая будет дополнять другие тем, чего не хватает им. Меры эти смогут подействовать только в сплаве друг с другом, только «системно», и, возможно, они помогут круто снизить «цену ребенка».

ОТЦЫ И ДЕТИ

Фото В. БОГДАНОВА и Н. ЦЫПИНА

ПИСЬМА ОТДЕЛА СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫХ ПРОБЛЕМ

ПОЗВОЛЬТЕ ПОЗНАКОМИТЬСЯ

В РЯДЕ газет, издаваемых в странах социалистического содружества, постоянно публикуется информация о лицах, желающих вступить в брак. В этой рубрике каждый, кто хочет сообщает (разумеется за свой счет) некоторые данные о себе и о желаемом супруге (специальность, рост, вес, особенности характера и др.).

Вот пример. В газете «Берлинер цайтунг» за 23 сентября опубликовано 35 таких объявлений, из которых 18 дали женщины и 19 — мужчины. Адреса и фамилии этих лиц закодированы. Все это сохраняется в тайне, и в то же время предоставляется возможность установить с заявителем контакт путем переписки.

Мне кажется, что нам следовало бы использовать эту систему, которая позволит одиноким мужчинам и женщинам преодолеть ряд препятствий стоящих на их пути к созданию семьи.

Б. ТОМЧИН

ЛЕНИНГРАД

КОММЕНТАРИЙ ОТДЕЛА СОЦИАЛЬНО-БЫТОВЫХ ПРОБЛЕМ «ЛГ»

ЧИТАТЕЛЬ Б Томчин поднимает вопрос, который в «Литературной газете» уже обсуждался Начиная с 1969 года «ЛГ» поместила ряд статей о различных проблемах, связанных с резким ростом числа холостяков и незамужних, с увеличением числа разводов и детей которые не имеют отца. Опубликованная шесть лет назад статья А. Рубинова «Любовь по объявлению?» («ЛГ», № 21 за 1970 год) подробно рассказывала именно о том, о чем пишет ленинградец тов. Томчин: как в ГДР публикуются объявления людей, желающих познакомиться, об «эффективности» таких извещений, о нравственной стороне подобных публикаций.

Не только «Берлинер цайтунг» — еще 134 газеты и журнала ГДР публикуют анонимные сообщения желающих вступить в брак или только познакомиться. В свое время в республике прошли горячие дискуссии о пользе и вреде этих объявлений, и большинство горячо и убежденно высказалось за то, что им должно быть место в быту социалистической страны.

Фирма «Деваг» в своих пунктах, расположенных в различных городах страны, с готовностью принимает заказы. Надо заполнить специальный бланк: текст для печати. А для сведения фирмы необходимо сообщить свои фамилию и имя, указать номер паспорта. Паспорт надо предъявить непременно, чтобы избежать «шуток». Объявления платные

В одном из последних номеров газеты в разделе «Женитьба» помещено 43 объявления женщин и 31 — мужчин. Вот два из них:

«Дипл. инж., 28/164, блонд., стр., незам. без дет. хотела бы познакомиться с жизнер. муж некур. чт. пот. сочетаться браком»

Никаких загадок. Она — инженер с дипломом, 28 лет, рост 164 сантиметра, блондинка, стройная, незамужняя, без детей. Он должен быть жизнерадостным и некурящим... Чтобы потом...

«Мол. мужчина, 32/183, ремесленник, разв., мечтает начать все снова с жизнер. милой женщиной до 36 л., можно с двумя детьми...»

«Разв.» — это, конечно, разведенный...

И после каждого объявления — номер квитанции фирмы «Девага», название города, в котором живет автор

Каждое издание, публикующее объявления желающих создать семью, имеет свою специфику: молодежь избирает журнал «Магацин», учителя — свою отраслевую газету...

Среди авторов объявлений больше всего тех, кому за 25. Прибегают к публикациям люди всех профессий. Считается, что в более выигрышном положении оказывается тот, кто первым проявил инициативу: он может выбирать — ему присылают фотографии, адреса.

Судя по письмам в редакцию, читатели «Литературной газеты» не забыли эту публикацию и часто напоминают: если всеми признано, что в век больших городов людям труднее стало знакомиться, почему бы им не помочь? Многие авторы ссылаются на сообщение журнала «Молодой коммунист» о миллионах неженатых и незамужних людей в возрасте от 20 до 40 лет. В редакцию несколько раз письменно обращался один житель Минска и требовал ответа: почему редакция местной вечерней газеты не приняла у него объявления о том, что он хочет создать семью? Потом он явился в редакцию лично и задал тот же вопрос: разве предосудительно поместить такое объявление? Вы говорите о давней традиции, которая существует в ГДР? Но раньше у нас меньше было одиноких людей и поэтому не было традиции...

— Вы попробуйте поместить мое объявление! — просил он.

Чем больше проходит времени, тем настойчивее такие призывы. Авторы их соглашаются, что у каждого народа свои обычаи и не все, что привычно для соседей, кажется естественным у нас. Но почему бы все-таки не попробовать?— спрашивают они. Не стоит ли сделать попытку, зная, как много у нас стало одиноких людей, как снижается рождаемость? Миллионы холостых и незамужних — это люди, нередко обделенные счастьем в личной жизни, множество обделенных счастьем людей. А от этого теряют не только они, но и наше общество.

Посоветовавшись с демографами и социологами, редакция «ЛГ» решила провести небольшой эксперимент — поместить два пробных объявления, взятых из редакционной почты. Авторы их заранее согласились предоставить демографам, социологам, журналистам для изучения письма, которые получат. Но в свою очередь они взяли с редакции слово не разглашать ни их имен, ни имен тех, кто откликнется.

«Литературная газета» не намерена впредь отводить место для таких объявлений, но надеется, что ее маленький эксперимент позволит выявить немало важных суждений — о необходимости, а возможно, наоборот, о ненужности подобных публикаций. Не лишним будет добавить, что их сторонники считают уместным помещать объявления, конечно, не в центральной прессе, но в местных газетах, приложениях, бюллетенях и т. п.

Итак, два объявления.

Одинокий мужчина. 48/166, образование гуманитарное, домосед, хотел бы познакомиться с блондинкой до 35 лет, любительницей театра и симфонической музыки. Москва. № 1.

Разведенная. 32/182, с ребенком шести лет, техник-строитель, хочет познакомиться с мужчиной — любителем спорта, жизнерадостным, непьющим. Воронеж. № 2.

ОФИЦИАЛЬНЫЙ ОТВЕТ

«СМЕРЧ»

В связи с публикацией судебного очерка Аркадия Ваксберга «Смерч» («ЛГ», №№ 33, 34, 1976) редакцией получено письмо, подписанное первым заместителем председателя Центрального совета по туризму и экскурсиям В. СМИРНОВЫМ, в котором говорится, что совет «считает публикацию очерка весьма актуальной и полезной как для дальнейшего совершенствования организации туристских путешествий и обеспечения их безопасности, так и для воспитания читателей и привития им ценных для советского человека качеств — коллективизма, взаимопомощи, мужества, дисциплинированности».

Далее в письме сообщается о конкретных мерах, принятых для исправления серьезных недостатков, на которые обращала внимание газета. На турбазах и приютах установлены радиостанции, что позволяет получать оперативную информацию о прохождении туристов по маршрутам. На приюте «Фишт» организован метеопункт. Заключен договор на предоставление вертолетов для проведения профилактических и поисково-спасательных работ. Для улучшения обслуживания туристов только на горных маршрутах Краснодарского края выделено 137 тысяч рублей. Оборудованы дополнительные укрытия для туристов на случай резких метеорологических изменений. После выступления газеты пересмотрена программа подготовки инструкторов, улучшено обеспечение горных турбаз и контрольно - спасательных служб транспортными средствами и снаряжением.

«По заданию Центрального совета, — говорится далее в письме, — очерк «Смерч» широко обсуждался на совещаниях и семинарах туристских работников, в туристских базах, клубах туристов и т. д., где особое внимание было уделено этическим сторонам поднятой в очерке «Смерч» проблемы».

* *

Получено также письмо, подписанное начальником Главного управления гидрометеорологической службы при Совете Министров СССР Ю. ИЗРАЭЛЕМ, в котором говорится, что в очерке «правильно указаны недостатки в работе Краснодарской гидрометеорологической обсерватории». Всем прогностическим органам Гидрометеослужбы предложено обсудить на производственных совещаниях очерк «Смерч» и сделать из него надлежащие выводы. Начальнику Северо-Кавказского управления гидрометеослужбы тов. Черенкову А. Е., не осуществившему надлежащий контроль за работой Краснодарской обсерватории, строго указано.

КОГО ЗАЩИЩАЮТ АМЕРИКАНСКИЕ КОНГРЕССМЕНЫ?

О ШУМИХЕ ВОКРУГ ТАК НАЗЫВАЕМОГО «ДЕЛА ВИНСА»

ИНФОРМАЦИОННЫЕ агентства сообщили недавно из Вашингтона: палата представителей и сенат конгресса США большинством голосов приняли резолюцию, призывающую Советское правительство освободить из заключения баптистского проповедника Георгия Винса.

Кто же этот Георгий Винс, почему высший законодательный орган Соединенных Штатов столь озабочен его судьбой, что даже отложил в сторону жгучие внутренние дела ради этого вопроса?

В конце января 1975 года судебная коллегия по уголовным делам Киевского областного суда рассмотрела в открытом судебном заседании дело по обвинению 46-летнего Г. П. Винса в ряде преступлений, предусмотренных Уголовным кодексом УССР. В приговоре сказано, что в ходе судебного следствия было полностью доказано предъявленное Винсу «обвинение в нарушении законов об отделении церкви от государства и школы от церкви... а равно в организационной деятельности, направленной к совершению этих деяний, в изготовлении и распространении в письменной и печатной форме клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй», а также побуждающих «граждан к отказу от общественной деятельности и исполнения гражданских обязанностей». По совокупности совершенных преступлений Г. Винс был приговорен к лишению свободы в исправительно-трудовом учреждении.

Казалось бы, вопрос ясен. Однако определенные круги за рубежом подняли неимоверный шум вокруг «дела Винса». Появились «разоблачительные» статьи, авторы которых утверждали, будто в Советском Союзе идут «гонения на религию»; созывались шумные сборища, составлялись крикливые петиции. Выходя в поисках аргументов далеко за рамки фактов, установленных судом, и подчас просто игнорируя эти факты, радетели Винса утверждали: он-де всего лишь «нес слово божье», он только просвещал «невежественные массы» (именно такое выражение было употреблено в одной из подкомиссий конгресса США). При этом почему-то забывали, что в «деле Винса» речь идет вовсе не о безобидном исповедании веры.

И на суде, и в печати, и при встречах с приезжавшими в СССР религиозными деятелями Запада было убедительно доказано, что религиозная активность служила Г. Винсу лишь ширмой, за которой творились дела, наносящие серьезный ущерб нашему обществу и по сути своей направленные против государства. И тем не менее возня вокруг пресловутого «дела Винса» продолжается. Радиостанция «Немецкая волна», например, на днях заявила, будто «деятельность» Г. Винса не рассматривается как предосудительная в «цивилизованном мире».

Итак, речь уже зашла о цивилизации. Ну что ж, с этого и можно начать разговор. Только, наверное, придется несколько выйти за круг обстоятельств, рассматривавшихся следствием и судом, как выходят за него те, кто кричит о «религиозном угнетении» в СССР.

НЕМНОГО О «ЦИВИЛИЗАЦИИ»

В «деле Винса» особую роль играет несчастный случай с солдатом Иваном Моисеевым.

Осенью 1972 года в редакции ряда газет и в Союз писателей СССР пришло письмо из села Волонтировка Молдавской ССР от родных Ивана Моисеева, «убитого, — как утверждалось в письме, — в пытках за убеждение веры в бога в рядах Советской Армии». Письмо содержало требование к газетам «расследовать» это дело и «найти преступников, замучивших его». (Как впоследствии выяснилось, это письмо было «организовано» подручными Винса.)

Просьба родных была удовлетворена. Автор этих строк беседовал со множеством людей, так или иначе причастных к происшествию, с родными и единоверцами Ивана Моисеева, ознакомился с многочисленными документами. И вот тогда-то впервые всплыла фамилия Винса...

Суть случившегося такова.

В июле 1972 года, купаясь в Азовском море, недалеко от берега, Моисеев утонул на глазах у многочисленных купальщиков. Попытки вернуть его к жизни оказались тщетными, хотя тут же были приняты все возможные меры врачами близлежащего пансионата и «Скорой помощи». Несчастный случай — констатировало проведенное расследование.

— Ничего подобного — убийство! — заявил «совет церквей евангельских христиан-баптистов» (так стало именовать себя руководство группы баптистов, отколовшейся в 1961 году от основной массы баптистов). Дело в том, что Иван Моисеев еще за несколько лет до призыва в армию вступил — по настоянию родителей — в отколовшуюся группу баптистов. Одним из руководителей раскольников и был Георгий Винс — секретарь «совета церквей евангельских христиан-баптистов». Именно Винс изготовил фотомонтаж, на котором якобы видны «следы мучений» и «смертельных ран», нанесенных Моисееву, именно он в тайно изготовленных «бюллетенях», «братских листках» распространял злобную клевету на Советскую Армию и Советскую власть среди членов своей секты; отдельные экземпляры этих «документов» были переправлены за границу и тотчас же использованы для антисоветской пропаганды.

Еще тогда, когда начатое по требованию родителей Моисеева расследование не было завершено, радиостанция «Свободная Европа» передала специально для Молдавии такое сообщение: «Тело Моисеева было брошено в Черное море, а его семье сообщили, что Моисеев утонул. Когда тело передали семье, один из наиболее любопытных родственников открыл гроб и увидел, что грудь Ивана Моисеева шесть раз была проколота ножом в области сердца. В письмах семье он описывал преследования, которым подвергался из-за веры. Пытки его дошли до предела, когда Ивана закрыли в клетку и подвергли физической и психологической пытке».

Эта сравнительно длинная цитата нам еще пригодится. А пока заметим, что и «Свободная Европа», и журнал «Тайм», и прочие органы западной пропаганды были удивительно сдержанны в описаниях «пыток» Моисеева. Распространявшиеся Винсом писания содержат сведения о куда более изощренных мучениях, нежели сажание в клетку. Вот что приведено в одном из «бюллетеней» «совета церквей» как якобы записанное со слов самого И. Моисеева — неизвестно кем, неизвестно когда: «Декабрь 1970 года. Пять суток держали голодным, после спросили «Ну как, изменил свои убеждения?» Потом пять часов стоял ночью на морозе от 25—30 градусов в летней форме, потом целую ночь, потом несколько ночей. Так длилось две недели. В январе после обработки в военной части меня отправили в сторону Свердловска. Посадили в тюрьму в спецкамеру одного, откуда повезли по пяти спецкамерам для своеобразных пыток. В первой камере я мог лежать, во второй — стоять и сидеть. В третьей все время лился холодный душ с потолка, я мог только стоять. Четвертая камера была рефрижератором, где замораживали до предела. Пятая камера пыток — давление на тело, где меня одели в специальный резиновый костюм и посредством надувания воздухом сдавливали все тело. И всякий раз спрашивали: «Ну как, изменяешь свои убеждения, иначе семь лет будешь здесь». Я заявил: «Если воля божия, то буду здесь семь лет». Так продолжалось двенадцать дней».

Странно, почему эти жуткие подробности опущены теми, кто кричит о «подавлении религии в СССР»? Или они опасаются, что западная общественность уже не верит рассказам о том, как большевистские комиссары поедают живых детей? Быть может, они считают, что эта уже ни в какие ворота не лезущая чушь вызовет недоверие и к их рассуждениям о «преследовании за веру» в Советском Союзе? Что ж, вполне оправданные опасения.

(На всякий случай заметим, что в ходе расследования была прослежена день за днем — на основании документов, приказов, рассказов сослуживцев Моисеева — вся его жизнь в указанный период. Никуда он не ездил, никем не арестовывался, а занимался обычной военной учебой.)

Нелишне здесь будет, пожалуй, привести и еще некоторые живописные детали, о которых умалчивают органы массовой пропаганды на Западе. Оказывается, Ивана Моисеева командиры преследовали не просто за религию, но за то, что он... творил чудеса. Да, чудеса, и тем самым обратил в свою веру весь полк, весь медицинский персонал и даже многих политработников. Источник нашей осведомленности — все те же издания, подготовленные и распространявшиеся Винсом и его помощниками.

Однажды ночью в казарму к Моисееву явился ангел. Он забрал Ивана с собой, вылетел с ним через крышу и «улетел на другую планету», где Моисеев встретился и запросто беседовал с апостолами и пророками. Когда об этом узнали солдаты, они вначале удивились, а потом начали прозревать. Особенно раскрылись у них глаза после того, как Иван обратился к господу с просьбой предоставить отпуск одному неверующему сержанту-армянину. Бог лично обещал вмешаться в это дело. И впрямь: через несколько часов в часть позвонил ангел, представился генералом и приказал немедленно отправить сержанта домой. Офицеры пытались «опровергнуть всеобщее мнение солдат, что бог дал отпуск сержанту, но было поздно». Солдаты подразделения как один уверовали в бога. «Было торжество среди солдат, начальники же с позором вышли вон». После этого Моисеев попал под автомашину весившую 6,5 тонны, чудесно исцелился от всех переломов за одну ночь — и этим заставил весь госпиталь заявить: «Да, бог есть!» Затем было еще чудо с буханкой хлеба, которую бог катил перед автомашиной Ивана... Да мало ли каких чудес не было!

Нет, это не насмешка над теми, кто верит в чудеса: именно в таких выражениях Винс пропагандировал деяния Ивана Моисеева.

В своих писаниях Г. Винс к этим нелепицам присоединил и другие измышления, менее смешные и более злобные: будто офицеры, видя непреклонность Моисеева, «зарезали» его, труп отвезли на машине с надписью «Правда» и выбросили в море. И это среди бела дня, на глазах у многочисленных свидетелей! Что это, говоря юридическим языком, как не клевета, то есть распространение заведомо ложных, порочащих другое лицо измышлений? Только Винс пытался опорочить не одно лицо, а все общество, армию, государство. Это является составом одного из тяжких преступлений по советскому праву.

Но, может быть, в остальном «цивилизованном мире» подобная клевета на государство действительно не является предосудительной? Не будем далеко ходить за примерами: в Великобритании действует закон, где сказано: «Преступная деятельность состоит из: 1. Совершенных деяний, опубликованных или произнесенных слов или рукописей, преследующих цель дискредитировать или вызвать возмущение против суверена, правительства, конституции Соединенного королевства... или же судебной системы». Уголовный кодекс ФРГ также говорит, что «тот, кто выдуманные или искаженные факты, зная, что они выдуманы или искажены, публично отстаивает или распространяет, с тем чтобы оклеветать государственные учреждения или постановления верховных органов, карается лишением свободы».

Так обстоят дела с «цивилизацией».

ЦЕЛЬ ОПРАВДЫВАЕТ СРЕДСТВА?

Но, судя по всему, Винс не только «пропагандировал». Он обладает еще и незаурядными организаторскими способностями — недаром же его назначили секретарем «совета церквей». И тут мы подходим к действительно загадочному и зловещему, что есть в истории с солдатом Моисеевым.

До мая 1972 года, до того дня, как его за отличные успехи в боевой подготовке отпустили из части для поездки домой, Иван Моисеев никому не говорил ни о творимых им чудесах, ни о каких-либо преследованиях. Да и дома он, по признанию отца, рассказывал, как ему хорошо в части, как его все уважают и хвалят. Он даже стал шофером у командира части, его отпускали на молитвенные собрания. Однако после разговоров с отцом он встретился с некоторыми активистами из «совета церквей». О чем были эти беседы — неизвестно, но обратно в часть он поехал, имея при себе адрес «верного человека» из числа отколовшихся баптистов Василия Мирошниченко.

Когда мы беседовали с Мирошниченко, его жена в простоте души заявила: «Он был святой, брат Иван, настоящий святой, и мы много раз ему это говорили». Святой. А какой же святой может быть без тернового венца и мученической смерти? «Совету церквей» в то время крайне необходим был собственный святой. Вера стала слабеть, и вовсе не по причине «гонений со стороны властей». Листки и брошюрки, выпускавшиеся созданной Винсом — в нарушение установленных правил — печатной точкой, признают: «В наши дни бездеятельностью поражено большинство верующих», «веры нам недостает и усердия», «в наш век народ отступил от бога». И даже стихами: «В огне беспечности, в угаре равнодушья спит христианство в наш ужасный век». Нужен, ох, как нужен был руководству «совета церквей» свой святой!

Иван Моисеев вполне подходил для этой роли. Человек не без способностей, он быстро усвоил нехитрые основы преподносимого в его общине учения: надо страдать и верить, верить и страдать. Он наизусть заучил стишок: «Без страдания нет победителя. Молодежь, как букет свежих роз, жизнь отдай своему искупителю. Ждет подарка страдалец Христос». Он прочитал все 139 рассказов пухлого томика (выпущенного все тем же «советом церквей») «Детский друг», многие из которых описывают смерть близких и друзей, награду за веру, муки, которые должен принять истинный христианин. А тут еще беседы с Мирошниченко, который не только принимал Моисеева у себя дома, но и приезжал к нему в часть.

Приезжал к Моисееву в эти дни и недели и еще один брат во Христе, Владимир Бедрик, приезжал из Запорожья на собственной машине — специально, чтобы встретиться с Моисеевым. О чем были их беседы — это, наверное, навсегда останется тайной («У нас церковь отделена от государства. Не смейте вмешиваться в наши дела» — вот ответ, который я неизменно получал при малейшей попытке что-то выяснить). Но вскоре, оказавшись на море, Иван Моисеев крикнул не «спасите!», не «тону!» — нет, по свидетельству очевидцев из числа отдыхающих, он скорее радостно крикнул «эгей!» — и погрузился в воду.

Семен Моисеев, брат погибшего Ивана, рассказывал мне, что незадолго до смерти Иван записал в своем блокноте: «Государственный приказ: выйти в море и вернуться! Христов приказ: выйти в море и не возвращаться!» Кто же передал Моисееву божий приказ? Скорее всего, не ангелы, далеко не ангелы.

— Меня не покидает мысль, — говорит Семен Моисеев, — что всю эту историю с Иваном и его смерть подстроили баптисты-раскольники.

Странные явления со смертью Моисеева не кончились. «Свободная Европа» говорит об «одном из наиболее любопытных родственников», который чуть ли не случайно открыл гроб перед захоронением. Неправда. Активисты секты уже заранее шумели, что-де «Иван замучен за веру» и что следы «преступления» можно увидеть, как только откроют гроб. Ясно лишь, что «ножевые раны в области сердца», о которых твердил Винс в своих писаниях, — это следы внутрисердечных инъекций адреналина, произведенных врачом Ириной Новиковой из пансионата «Свет маяка» в попытках спасти жизнь солдата.

В самой Волонтировка всего два баптиста-раскольника — отец и мать Моисеева. Но в день похорон их единоверцы собрались чуть не с половины республики, будто вызванные по беспроволочному телеграфу. Очевидцы говорят: трудно описать, что творилось в этот день. Шум, крики, проклятия; активисты секты кричали сами и подговаривали кричать других: «Не отдадим детей в армию!» А от этих «активистов», как было неопровержимо установлено на суде, тянулась прямая нить к Г. Винсу. Как на подобные вещи смотрят в «цивилизованном мире»? Тот же английский закон о преступной деятельности карает за «возбуждение недовольства или возмущения среди подданных его величества». Аналогично о «лицах, которые подстрекают, организуют, содействуют или участвуют» в беспорядках, говорит и законодательство США.

Киевский суд установил, опираясь на абсолютно доказанные факты: Винс рассчитывал разжечь слепую вражду среди верующих, толкнуть их на противозаконные шаги и открытое противодействие законам.

ЗАЧЕМ НУЖНЫ ШИФРЫ?

В мае нынешнего года по территории Украины разъезжали в качестве автотуристов подданные Нидерландов Ван дер Вайле и Цееленберг. При таможенном осмотре у них были обнаружены тщательно оборудованные тайники в автомобиле — 4 бортовых и один под днищем багажника. Эти тайники открывались и закрывались при помощи специальных электромоторов и магнитных защелок. Как сообщили «автотуристы», в тайниках они провезли свыше тысячи экземпляров «литературы» и тысячу западногерманских марок для «нужд отделившихся баптистов», а конкретнее — для семьи Винса и для его подручных.

Точно так же обнаружились тайники в автомобиле, на котором разъезжали по Советскому Союзу «туристы» — подданная Нидерландов Пуррендина Бреедвельд и Катерина Вобора, гражданка США. Они рассказали, что прибыли в СССР по заданию религиозной организации «Слово и дело», представитель которой, Ван дер Кифт, снабдил их этой специально оборудованной (в заводских условиях) автомашиной, дал им 200 экземпляров брошюр и крупную сумму денег. «Туристки» встретились с женой Г. Винса — Надеждой Винс и вручили ей деньги.

Подобных фактов можно привести множество. Все они убедительно говорят: деньги для финансирования своей поистине многогранной деятельности Г. Винс и его коллеги черпали и черпают из-за границы. Получают не только бумажные знаки: здесь и литература, и весьма совершенное техническое оборудование вроде магнитофонов, фотоаппаратов, и новейшие полиграфические принадлежности. Кто-то платит за все это долларами, гульденами и марками, кто-то снабжает связников, кто-то строит для них специальные автомобили.

Что это — «братская помощь», как о том твердят различные «миссии», посылающие связников и именующие себя «чисто духовными» учреждениями? Но, во-первых, хотелось бы знать, как реагировали бы, скажем, американские законодатели, если бы они выяснили, что какая-то организация систематически и в больших масштабах субсидируется из-за рубежа. А во-вторых: зачем же посылать деньги контрабандой, если можно это делать легально, в соответствии с законами? Поневоле начинают одолевать сомнения. Они усиливаются, когда знакомишься с техникой этой «братской помощи». Вот ведь как хитро были устроены тайники в автомашине, предоставленной Бреедвельд и Вобора. Вначале нужно было соединить гнездо прикуривателя на приборной доске с определенным шурупом возле заднего бокового стекла. Начинал вращаться электромотор, и за левым подлокотником открывалось углубление. В нем — рукоятка, при помощи которой можно было открыть второй тайник — за задним сиденьем, в углублении бензобака. Уже оттуда открывался третий тайник — за правым подлокотником, куда и прятались «материалы». Вряд ли стоило городить такую механику ради нескольких десятков религиозных брошюр. Речь, очевидно, может идти о более важных материалах.

У одного из связников был обнаружен любопытный документ — тезисы его предстоящих переговоров с председателем «совета церквей» Г. Крючковым. Среди прочих есть такой загадочный пункт: «Миссии разные, но нет чисто духовных. Все хотят материалы, предлагают деньги».

Первая фраза этого «тезиса» расшифровывается без труда. Речь идет о целом ряде «духовных миссий», или центров, созданных на Западе и провозгласивших своей целью «оказание помощи гонимым христианам». Что на самом деле среди них «нет чисто духовных» — это достаточно хорошо известно.

А вот вторая фраза заставляет задуматься. Итак, «миссии» предлагают деньги — но лишь в обмен на материалы. Какие материалы? Частичный ответ на вопрос дают обнаруженные у двух связников из ФРГ, Корта и Энгерта, шифровальные таблицы. Да, настоящие шифровальные таблицы, которые являются непременным атрибутом разведки и в которых в данном случае сказано, как зашифровывать адреса (нужно прибавлять к номеру дома и квартиры то 2, то 4, то 8) и города (Ленинград — это «Надя», Москва — «Леня», Минск — «Вадим»), какой код следует употреблять для обозначения применяемой аппаратуры. А в перечень «применяемой аппаратуры» наряду с машинами офсетной печати (A), автомобилями (X), валютой (Y), киноаппаратами 8-супер (C) входят и такие вещи, как приборы для подслушивания (O), фотокамеры для репродуцирования документов (R), печатающие машины фирмы IBM (L) и даже... счетчики Гейгера. Необъяснимая загадка: зачем богослужителям из «совета церквей» счетчики Гейгера?..

Обращает на себя внимание и еще одно странное обстоятельство. Как сообщила американская печать, летом нынешнего года перед подкомиссиями конгресса США выступили с показаниями некие «свидетели», сообщившие о «примерах, когда христиане в СССР разрывались на куски собаками (!), вырывались языки у христиан». Всю эту и прочую галиматью выслушивали члены подкомиссий по международным организациям, по внешней политике и военным вопросам. Выходит, что деятельность Георгия Винса имеет отношение и к военным делам?..

Во всяком случае, именно член этой подкомиссии, конгрессмен от штата Алабама Джон Бьюкенен, как сообщает баптистская печать Америки, обратился в конгресс с предложением: потребовать от Советского Союза, чтобы тот «немедленно освободил из заключения Георгия Винса» и вообще прекратил притеснять верующих.

«НЕ ПЛАЧЬТЕ О РОССИИ!»

Что касается «притеснения верующих» вообще, то на этот счет существует несколько иной взгляд. Его придерживаются те священнослужители Запада, которые сами приезжали в Советский Союз и лично убедились в положении дел. Д-р Дэвид Рассел, генеральный секретарь баптистского союза Великобритании, в начале нынешнего года вторично побывал в Советском Союзе. «Я был очень занят, — писал он в «Баптист таймс», — и участвовал в трех заседаниях исполкома Европейской баптистской федерации (которые проходили в Москве. — Б. Р.). Четыре раза проповедовал в Москве и Киеве, был на двух приемах. Дал интервью прессе и провел беседу, записанную для украинского радио. Когда я прибыл в Москву из Лондона, меня прямо с самолета спешно доставили на кафедру центральной баптистской церкви, и через несколько минут я уже проповедовал в церкви».

Не правда ли, картина мало похожая на времена Древнего Рима, когда христиане «разрывались на куски» дикими зверями?

Не случайно более объективные религиозные наблюдатели на Западе призывают «борцов за свободу религии в СССР»: «Не плачьте о России! Плачьте о себе! Церквей много, но сколько в них пустых скамеек? Наша свобода насаждает «церкви» гомосексуалистов и «церкви» сатаны». Такой отчаянный голос прозвучал недавно со страниц калифорнийской религиозной газеты «Наши дни».

Остается добавить немногое. Зарубежные «голоса» твердят, будто семья Винса «живет в нищете», а его детям «отказано в получении высшего образования». Это ложь. Семья Винса живет в центре Киева, в благоустроенном доме. Его жена домашними делами себя не утруждает. Ходят по магазинам, стирают и убирают комнаты в доме другие «сестры во Христе», из числа тех, что победнее. Дочь Винса действительно не учится, и ее в самом деле исключили из учебного заведения — но только за то, что она пропустила без уважительных причин около 200 лекций и семинаров и пыталась прикрыть это фальшивой справкой. Верующие из их общины не без основания подозревают, что деньги к жене Винса поступают от зарубежных миссий в обмен на «материалы». У семьи Винса, как считают некоторые, осталось в общине не более десятой части приверженцев. Община, кстати сказать, недавно зарегистрировалась в законном порядке, невзирая на отчаянное сопротивление семьи Винса.

* * *

Что же можно сказать в ответ на резолюцию конгресса США по «делу Винса»? Можем только еще раз повторить то, что говорилось неоднократно: за веру, за принадлежность к той или иной церкви в СССР никого не преследуют. Хочешь молиться Христу, поклоняться Магомету или чтить Будду — пожалуйста, это дело твоей совести или, как сказали бы многие советские люди, твоей цивилизованности. Но когда под прикрытием религии совершаются общественно опасные деяния, посягающие на социалистический правопорядок, — это, простите, уже вопрос не совести, а уголовного кодекса.

Борис РОЩИН

У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

«МЫ ВСЕ ЖЕ НАЙДЕМ РАДОСТЬ...»

ЭТОТ КОНТИНЕНТ называют по-разному: «бушующий», «пылающий», «революционный», «огненный». Все подобные эпитеты подходят к нему. Не подходит только «спокойный» (впрочем, никто никогда и не называл его так), и все еще не подходит, к сожалению, «свободный». Народы Латинской Америки всю свою историю борются за свободу. Они свергли иго испанского колониализма. Но тут же пришлось начать борьбу против нового колонизатора — Соединенных Штатов Америки, которые отняли у многих стран этого континента политическую и экономическую независимость.

Эта борьба продолжается и сегодня. О ней рассказывается в недавно выпущенной Политиздатом книге известного советского журналиста Карэна Хачатурова «Противостояние двух Америк».

Из стран Южной и Центральной Америки автор для своего более подробного повествования выбирает лишь несколько — Эквадор, Колумбия, Коста-Рика... и, конечно, Чили.

С гневом и болью пишет Хачатуров о трагедии Чили, шаг за шагом прослеживая развитие заговора международного империализма против правительства Народного единства.

Поездка советского журналиста по странам Латинской Америки — дело нелегкое. Кроме встреч с людьми, у которых советская «краснокожая паспортина» вызывает чувство симпатии к ее обладателю, журналисту приходится общаться (иногда не по своей воле) и с теми, у кого эта «паспортина» вызывает совсем другие эмоции. С юмором пишет Хачатуров о том, как на рассвете в номер отеля в Боготе ворвались агенты политической полиции, чтобы учинить обыск по той причине, что советский журналист путешествовал якобы «под двумя фамилиями» (оказалось, что имеются в виду испанское написание фамилии, принятое в визитных карточках, и французская транскрипция, употребляемая в паспорте). Но читателю становится ясной атмосфера, которая царит в некоторых странах Латинской Америки, где тайная и явная полиция тренирована на инструкциях ЦРУ и где буйно произрастают антикоммунизм и антисоветизм, лелеемые американскими средствами массовой информации.

Автор рассказывает, как после возвращения в Рио-де-Жанейро из поездки по Советскому Союзу известного бразильского драматурга Диаса Гомеса к нему обратился собрат по перу с таким вопросом: «А правда ли, что в СССР едят новорожденных?» Диас Гомес невозмутимо ответил: «Да, правда, перед самым отлетом я съел одного, приготовленного с жареным рисом. Было очень вкусно!»

А ведь вопрос задавал не безграмотный крестьянин, не рыбак с Амазонки, а писатель!

Проблеме идеологической экспансии Соединенных Штатов посвящены многие страницы книги. Современные конкистадоры уповают «не только на грубое насилие. Они во все больших масштабах используют весь комплекс идеологической экспансии с целью морально разоружить народы, отравить сознание людей, растлить их души».

Этой же цели служит и главный экспортер идеологической отравы — информационное агентство США — ЮСИА. Автор подробно рассказывает о том, как многочисленные филиалы этого пропагандистского ведомства, прикрываемые дипломатическим статутом информационных отделов посольств и консульств, используются как центры идеологических диверсий.

Путь «пылающего континента» сложен и противоречив. Но народы Латинской Америки и их друзья и братья во всем мире верят в его светлое завтра.

Свою страстную и убедительную книгу, написанную с горячей любовью к простому народу, с чувством солидарности с его героической борьбой за свободу, независимость и социальную справедливость, Карэн Хачатуров заканчивает строками великого поэта-коммуниста Пабло Неруды:

Ломая новые звезды,
молотя по упрямым
металлам,
среди грядущих созвездий,
задубелые от страданий
и смертельно уставшие
от уходов и возвращений —
мы все же найдем радость
на самой горькой планете.

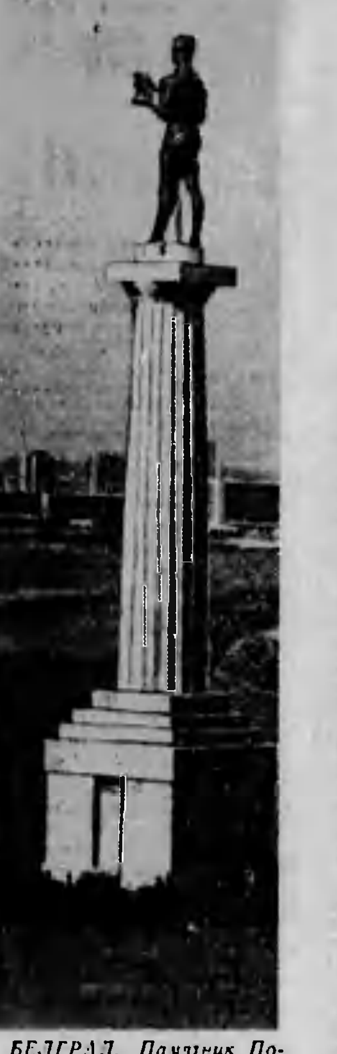
Г. МАТВЕЕВ

К. А. Хачатуров. «Противостояние двух Америк». Политиздат. М. 1976 г.

ДВАДЦАТОЕ ОКТЯБРЯ В БЕЛГРАДЕ

Иво АНДРИЧ

Недавно белградская газета «Политика» напечатала очерк «Двадцатое октября в Белграде», принадлежащий перу выдающегося югославского писателя и общественного деятеля Иво Андрича. Сегодня мы публикуем этот очерк, рассказывающий об освобождении Белграда советскими и югославскими войсками. Очевидцем этих волнующих событий был сам писатель.



БЕЛГРАД. Памятник Победителю
Фото М. ТРАХМАНА

ЭТО ДЕНЬ, о котором часто думаешь и с которым связаны самые разные воспоминания.

Уже с начала октября назревали эти события. Передвижение войск, рев самолетов, костры, отдаленная пушечная канонада, взволнованные голоса. Страх и ожидание. Все слилось воедино. Как будто там, где Сава впадает в Дунай, где-то в вышине, развевается, чуть слышно потрескивая на ветру, стяг, невидимый, но огромный, как небо. Его едва слышно, но в высоте над головой различаешь его таинственные биения, непрерывные и постоянные — и во время работы, и во время разговоров, и даже во сне. Пока в один прекрасный день то, что было предчувствием в вышине, не опустилось в город и не стало явью у нас на глазах.

В субботу, 14 октября, немцы вытащили на улицы тяжелые орудия и установили пулеметы на крышах высоких зданий. Началось.

Шесть дней и ночей мужчины в запертых домах, а женщины и дети в подвалах слушали, как громыхают орудия, как рушатся кровли и фасады домов, как, точно тонкий слой льда, разламываются асфальт и гранитная мостовая. Тревожась за себя, за своих близких, за все то, что они любили, люди следили за этими звуками, тщетно стараясь разгадать в них свою судьбу. А грохот, и рев, и треск снаружи росли, меняли место и направление, но росли непрерывно.

Германский фашизм, подобно игроку, теряющему ставку и терпение, громко и злобно бросал свои последние карты в уже проигранной битве против свободы. Он поднимал в воздух дома вместе с их обитателями, сжигал школы и музеи, сеял смерть и разрушения всюду, где только мог, вносил угрозу смерти в каждый дом и в душу каждого человека.

А на рассвете шестого дня на улицах нашего города воцарилась какая-то целительная тишина. Однако и она была непродолжительной. Немного поколебавшись, тишина превратилась в неописуемую музыку смеха, песен и радостного плача.

В этот миг туманного рассвета все окна в домах стали распахиваться, в них появлялись фигуры мужчин и женщин с поднятыми руками и озаренными лицами. Все что-то кричали, смеялись и указывали в глубину улицы. Различались только слова: «Русские! Наши! Русские!» И эти два слова взмывали вверх, ширились, сливались, словно навсегда должны были остаться связанными воедино. И уже не только головы торчат из окон, люди вылезают по пояс, каким-то чудом, вопреки всем законам физики, удерживаясь на карнизах. Появились и флаги. Ворота, до сих пор запертые на засовы смертельного страха, лопнули, точно почки весной, из них повалил наш люд, измученный и униженный, но бессмертный народ Белграда. Народ, выдержавший все, что казалось невозможным выдержать, народ, победивший противника, который казался непобедимым, народ, с которым происходило сейчас одно из великих исторических чудес.

После неполных четырех лет того, что называлось словом «оккупация», того, что было серым, и холодным, и скользким, и тяжелым, и позорным, и несущим смерть, что имело привкус крови, и желчи, и пепла, что было смертью до смерти, жизнью без тени человечности, того, что являлось совершенным отражением будущего существования, которое готовил фашизм не только этому восторженному Белграду, Сербии и Югославии, но и всей Европе, — после всего этого внезапное пробуждение от жуткого кошмара, ослепительное сияние, слезы, которые невозможно удержать, слова, которые застревают в горле, выход из мрака, который казался вечным, во вселенную неугасимого духа. Освобождение!

Огонек надежды, который человек сберег в душе ценой самых больших усилий и жертв, превратился вдруг в солнце и теперь согревал, и светил в вышине, и говорил, что ничто не потеряно, если этот огонек сохранился, что есть надежда для всех, что еще будет жизнь, радость, и труд, и созидание в мире красоты и достоинства.

А мимо нас проходят бойцы, точно пришельцы из другого мира: светловолосые и спокойные парни в касках, в серых советских шинелях, проходят вперемежку с нашими партизанами, юными, загорелыми и рано созревшими бойцами из Боснии, Шумадии и Далмации. Люди подбегают к ним, хотят прикоснуться, увидеть их поближе, одарить. Они рассеянно улыбаются, но продолжают неудержимо двигаться вперед с винтовками наперевес, устремив взгляд на противоположный берег Савы, где время от времени еще стучит тяжелый пулемет и шипит мина.

Улицы усыпаны разбитым стеклом, которое хрустит и скрипит под ногами, точно снег в ясный зимний день. Зияют разбитые окна и пробоины от мин и снарядов на фасадах домов. Отовсюду, цепляясь за ноги, свисают оборванные провода. Мертвыми тушами стоят разбитые танки и обгоревшие грузовики. В воздухе — запах гари. Огромное октябрьское солнце поднимается над Белградом. Проходят все новые и новые толпы людей, окликают друг друга, обнимаются. А на клочке пустой земли, откуда открывается вид на Земун, советский солдат, совсем мальчишка, кричит своим товарищам, которые волокут в глубину улицы противотанковое орудие:

— Коля! Коля, давай пушку сюда!

Все выглядит волшебным и смятенным, как во сне, но мы знаем, даже не знаем, а чувствуем всем своим существом, что после всего, что было, и вопреки тому, что было, возвращается жизнь — жизнь и свобода.

Перевел
с сербскохорватского
Александр РОМАНЕНКО

ХЕЛЬСИНКИ: КТО ПРОТИВ?

Никола ИНДЖОВ,
болгарский публицист

РАЗМЫШЛЕНИЯ У КНИЖНОЙ ПОЛКИ

ЭТА книжная полка символична и в то же время вполне реальна. Более того, она поддается инвентаризации. За 1974—1975 гг. в Болгарии было издано 40 книг французских писателей, 32 — английских, 25 — американских. За тот же период во Франции вышло пять болгарских книг, в Англии — две, в США — одна.

Может быть, у нас издательств больше, чем в трех крупных западных странах, вместе взятых? Это, конечно, не так. Быть может, болгарская литература не представляет интереса для читателя в западном мире? И это неверно, ибо переводчиками и пропагандистами книг наших авторов выступали такие известные мастера слова, как Поль Элюар, Рафаэль Альберти, Жоржи Амаду, и другие. Сегодня на капиталистическом Западе есть немало крупных знатоков болгарской литературы, изучающих ее классическое наследие, внимательно следящих за ее современным развитием. Ежегодно по приглашениям Софийского университета и Союза болгарских писателей к нам приезжают свыше двухсот специалистов и переводчиков болгарской литературы, причем половина из них — представители западных стран. И тем не менее за целых два года лишь восемь книг болгарских писателей появились там на книжных прилавках. Причина этого, как нетрудно догадаться, в определенной ориентации всего книгоиздательского механизма на Западе, в ориентации, которая сегодня, спустя более года после совещания в Хельсинки, выглядит совершенным анахронизмом.

Сколько желчи и клеветы обрушивает буржуазная печать на страны социалистического содружества по поводу реализации решений так называемой «третьей корзины»! Но эта же пресса намеренно игнорирует и замалчивает тот факт, что в социалистических странах, к примеру, у нас в Болгарии, книга западноевропейского писателя нередко имеет больший тираж и переиздается чаще, чем на его родине.

Немаловажный вопрос в культурном обмене — не только распространение зарубежных книг, но и качество перевода. В последние годы американскую поэзию у нас переводят несколько высококвалифицированных литераторов, среди которых особое место занимает поэтесса Леда Милева. Она — дочь замечательного поэта-революционера Гео Милева, который был переводчиком и составителем первых значительных антологий западноевропейской поэзии в Болгарии. Кроме того, Леда Милева — представитель НРБ в ЮНЕСКО.

Другой известный поэт — Атанас Далчев — переводит с французского и испанского. Смею утверждать, что зачастую наш читатель начинает интересоваться тем или иным явлением в поэзии Франции либо Латинской Америки прежде всего потому, что перевод выполнен Далчевым. Еще пример: полное собрание драматургических произведений Шекспира выходит у нас в переводе Валерия Петрова, блестящего мастера современного болгарского стихосложения.

Говоря о доступности культурных богатств, не стоит забывать и об их цене в самом практическом значении этого слова. Мне приходилось бывать в странах Западной Европы, и не раз я должен был проводить сложные расчеты с карандашом в руке, дабы выкроить деньги на покупку книг. У нас же великолепно изданная книга того или иного зарубежного писателя стоит один-два лева, а массовые издания — и того меньше.

Культурный обмен — не только взаимное знакомство с литературой и искусством, но и личные контакты писателей. Болгария широко открыта для деятелей культуры Запада, многие из них бывали у нас. В то же время большинству болгарских литераторов приходится месяцами дожидаться виз, чтобы нанести ответный визит.

Очевидно, что абсолютного равновесия в культурном обмене между большими и малыми странами быть не может. Если мы, скажем, издаем Шекспира во многих томах, то это не значит, что мы настаиваем на совершенно идентичном издании болгарской классической драматургии в Англии. Однако совсем другое дело, когда речь идет о равноправии в культурном обмене. Здесь я хочу напомнить слова Георгия Димитрова, который говорил, что в области культуры нет больших и малых народов, что все народы равны в своих возможностях создавать духовные ценности универсального характера. Эта мысль особенно актуальна сегодня, когда разрядка напряженности, развитие культурного обмена, несмотря на все противодействия реакционных сил, являются реальным содержанием международной жизни.

СОФИЯ

Уильям САРОЯН:

ИНТЕРВЬЮ ПО ДОРОГЕ В ГАРНИ

«ЯБЛОНИ—ЗВЕЗДЫ... ЭТО ВЕЛИКОЛЕПНО!»

Известный американский писатель Уильям Сароян недавно гостил в Армении. На своей фотографии, сделанной в Ереване, он написал слова приветствия читателям «Литературной газеты».

Мы публикуем ответы писателя на вопросы нашего собственного корреспондента Зория Балаяна.

— Вы, варпет*, впервые посетили Советский Союз в 1935 году. Затем вы были здесь четверть века спустя. И вот вы вновь наш гость. Как видите, отрезки времени, разделяющие ваши визиты, довольно солидные. А потому я и хочу задать вам традиционный вопрос. Какие вы увидели перемены?

— Прежде всего скажу, что перемены я наблюдаю в самом себе. Не боюсь, что меня вновь, как это уже бывало, обвинят в излишнем автобиографизме и автопортретизме. Ибо в такие моменты и происходят перемены в самом себе. Представьте: я приехал в Армению, когда мне было двадцать семь. Во второй раз — мне было пятьдесят два, а теперь вот — шестьдесят восемь. Старик. Прямо как знаменитый философский автопортрет незабвенного Сарьяна — три возраста художника на одном полотне. По существу, это в чем-то три разных человека. Но для трех разных Уильямов Сароянов в каждый приезд общим, объединяющим было одно: трепетное волнение, когда я ступал на родную землю. Перемены вообще трудно определить в двух словах. Я лишь могу сказать, что в первый свой приезд обнаружил здесь армянскую литературу в лице Чаренца, Исаакяна, Демирчяна; во второй—Маари, Кочара, Заряна, а вот сейчас уже новое поколение — молодежь. Чувствуется преемственность. И не только у литераторов. Сегодня, например, я узнал, что у шестидесятилетнего потомственного каменотеса, творца великолепных хачкаров (камень-крест), три сына работают вместе с отцом. Традиции армянских мастеров резьбы по камню сохраняются. Перемены я вижу, наблюдаю, ощущаю. Сорок один год назад я впервые увидел не только Ереван, но и Москву. И нынче я приехал сюда через Москву. Я обратил внимание на то, что эти два города очень изменились. Оба стали одновременно и изящными, и могучими.

— Вы не раз встречались с Мартиросом Сарьяном, чьи полотна, как и ваши книги, пронизаны светом, мечтой. Сарьян писал ваш портрет...

— Сарьян в моей памяти живет вместе со своими картинами. Я смотрел на него и думал: как хорошо, что ему восемьдесят лет! Радовался, что в столь преклонном возрасте он бодр, что у него ясный ум и твердая рука. Это вселяло надежду, что и я смогу творить долго. О художнике вообще трудно рассказывать. Я посетил вчера дом-музей варпета, и мне все время хотелось только одного — молчать. Ибо не я действую на картины, а они на меня. Словом, все то же, в чем меня давным-давно упрекали критики.

— В так называемом автобиографизме? Справедливо ли это?

— Обвиняя, критики не подозревали, что этим они вольно или невольно утверждают мою писательскую сущность. В конечном счете роман — это романист, а рассказ — это рассказчик. Почерк писателя мы узнаем не только по стилю, но — по глубине переживаний автора как человека, как личности. Я, например, никогда не поверю, что всю ту невыносимую душевную боль, которую мы наблюдаем у героев Достоевского, можно, так сказать, придумать за письменным столом. Где-то мне бросилось в глаза название: не то «Рассказ о пережитом», не то «Рассказ о прожитом». Я подумал: так нельзя назвать свое произведение, потому что писатель всегда пишет о пережитом. Так что я не приемлю термина «автобиографизм». Личная жизнь Хемингуэя — вся в его книгах. Я очень люблю и ценю Томаса Вулфа и, помню, даже радовался, когда и его упрекали в пресловутом «изме».

— Варпет, вы говорили мне, что по натуре вы язычник, что у вас много богов, которые вам покровительствуют в процессе писания. Назовите некоторых из них.

— Правда, искренность, ирония...

— Как известно, вы в свое время получили премию нью-йоркских критиков за «Путь вашей жизни». Как вы относитесь сейчас к критике?

— Лично я не только могу обходиться без критики, но делаю это с радостью. Думаю, что в некотором смысле и литература может жить без нее, чего не скажешь о критике, которая вряд ли может существовать без литературы. В те далекие времена, когда создавались «Илиада» и «Одиссея», критика официально не существовала. И ничего: старик Гомер, думаю, ослеп вовсе не из-за этого. Что же касается меня, то, признаюсь, я люблю, когда хвалят, и не очень страдаю, когда поносят. В этом, как и во многом другом, мне безгранично близок и симпатичен великий Чехов, у которого я учился, как бы это поточнее выразиться, интеллигентности, что ли. Он считал, что на критику не отвечают. Это прекрасный принцип. Не у каждого хватит мужества и достоинства не реагировать на критику. Если подумать, то все дело в том, что критик или прав, или не прав. Если прав, то глупо отвечать, если не прав, то тем более нет смысла связываться, ибо в таком случае он или неумный, или нечестный человек. Однако интуиция подсказывает мне, что критика — это самостоятельный литературный жанр. Так по крайней мере, по-моему, должно быть.

— Кто, кроме Чехова, из русских и советских писателей вам наиболее, как вы говорите, близок и симпатичен?

— Кроме Чехова?.. Ну, прежде всего сам Чехов. Он сопровождает меня всю жизнь. Я до сих пор часто его перечитываю. Все у него, в хорошем смысле слова, вызывает зависть... У него тонкая душа, тонкая лирика, искренность тонкая, и даже непримиримость и мужество у Чехова тонкие. В предисловии к своей книге «Избранное» я перечислял писателей, которые оказали на меня влияние. Среди них — Чехов, Толстой, Горький. Но список этот можно, конечно, продолжить. Я не только перечитываю Чехова и Толстого, не только чуть ли не ежегодно считаю необходимым читать «Шинель» Гоголя. Есть ведь Достоевский и Тургенев. Из современников могу назвать такие имена, как Шолохов, Симонов, Эренбург, Ваагн Давтян. Я сейчас сказал о Гоголе и подумал, что еще сегодня вспоминал о нем. Утром, перед тем как нам отправиться в дорогу, в гостинице собралось более двадцати человек. Все они, хорошие, добрые люди, пришли приветствовать своего соотечественника. Вглядываясь в их лица, я в какой-то момент невольно вспомнил Гоголя. Меня всегда удивляет, как он умеет показывать разных людей, разные портреты, разные характеры. И всего двумя-тремя точными штрихами. А тут передо мной все лица разные, непохожие друг на друга, красивые и не очень. И мне, несмотря на, скажем прямо, неподходящий момент, несмотря на шум, гам, хохот, шутки, вдруг захотелось тут же заняться разбором этих лиц.

— Простите, что перебиваю вас, но утром в номере гостиницы действительно стоял шум и гам. И больше всех веселились вы сами. Когда же вы успевали заниматься «разбором» лиц ваших гостей?..

— Это моя работа. Я бы сказал иначе: такая у меня работа. Я не становлюсь писателем в момент, когда сажусь за машинку. Стучать на машинке — лишь часть труда, часть процесса. Не может писатель садиться за письменный стол, если он не наэлектризован, если он не набит новыми, всегда свежими впечатлениями и образами.

— Любите ли вы поэзию?

— Этот вопрос задал мне Грант Матевосян. Задал, и сам же за меня начал отвечать. Говорил, что я прозаик-поэт. Понятно, что он имеет в виду некоторый лиризм в моих вещах. Однако я и вправду пишу стихи. Начал свою литературную деятельность со стихов. И сейчас грешу ими. Но никогда не публикую. Это уж пусть за меня делают после моей смерти. А стихи пишу, наверное, потому, что они — потребность. А может, это нужно, чтобы всегда чувствовать над собой власть точного слова, власть краткости, презрения к длиннотам и, конечно, чувствовать образы. По-моему, в конечном итоге образ, образность и отличают поэта от непоэта, художника—от ремесленника. И все дело в том, что поэтом и художником может быть человек, вовсе не пишущий стихов. Вот, например, Григор Гурзадян. Мне сказали, что он создал прибор, который был запущен в космос. Я считал бы себя обкраденным без этой встречи с Гурзадяном. Мне не очень понятно, над чем он работает. На столе, видел, лежат его монографии на английском языке; прочитал заглавие и вовсе запутался. Предмет моего исследования — человеческая душа, а он исследует космос, звезды. Он мог бы сто лет объяснять мне смысл своих занятий, а я так все равно ничего бы и не понял. Но вот он стал говорить на языке образов. И я понял: наши возможности наблюдений на Земле за галактикой уже исчерпали себя. Мы добились того, что держим в руках кусочек от хвоста огромного неведомого животного. И по этому кусочку пытаемся составить представление о самом животном. Когда ученый вынес свой телескоп в космос, те же самые возможности возросли в несколько раз.

А как Григор великолепно говорил о своих звездах! Как у него глаза горели! Он говорит, а я ничего не понимаю. Он говорит о жизни и смерти звезд — я опять ничего не понимаю. Я знаю только о жизни и смерти человека, дерева, озера. И он, словно угадав мои мысли, стал говорить о яблоневом дереве. Мне теперь никогда в жизни не забыть про гурзадяновское дерево. Даже видится настоящая, всамделишная яблоня, которая растет там, в космосе. Этот полюбившийся мне, очень симпатичный человек говорил о том, что мы имеем разное представление о звездах не потому, что они такие уж разные, а потому, что наблюдаем их в разное для их жизни время. И, видимо, заметив, что я опять заскучал от собственного тугодумия, он сказал: представьте, мы наблюдаем дерево зимой. Оно — высохшее, словно мертвое. Но весной оно совсем другое: какое-то певучее, покрытое бело-розовым облаком. И уж совсем другое это же дерево в конце лета или в начале осени. В нем уже есть что-то библейское. И висят плоды, как игрушки в сочельник на елке. Конечно, если человек увидит три столь разные яблони одновременно, то вряд ли подумает, что это одно и то же дерево. Яблони — звезды... Это великолепно! Просто чудо, и об этом надо написать. Я — человек, далекий не только от политики, но и от науки. Но все же готов снять шляпу перед ученым, особенно, когда он в душе — поэт. Если он в душе поэт, значит, он будет творить только добро.

К счастью, Гурзадян к тому же художник. При этом слове я теперь всегда вспоминаю Минаса Аветисяна. Это великий художник. И то, что он так рано ушел от нас, — большая трагедия для современного искусства. Минас — тоже поэт. Я люблю поэтов, я люблю поэзию.

— Есть ли у вас какой-нибудь девиз?

— Пожалуй, нет. У меня, скорее, есть принцип свой, внутренний: «Не подчиняй себя никому, но и себе никого не подчиняй».

— Вы по натуре путешественник. Непоседа. Насколько я знаю, в свое время лучшим средством передвижения вы считали велосипед: все вокруг хорошо обозревается. Понятное дело, путешествия — это наблюдения, впечатления, новые знакомства, словом, все то, что необходимо писателю. Но непрерывные путешествия требуют хорошего здоровья, которое сегодня ассоциируется со спортом. Вот и хотелось бы знать, как вы относитесь к спорту.

— Мир спорта — прекрасный писательский материал. В этом отношении можно позавидовать Джеку Лондону и Хемингуэю. Из русских я бы назвал Куприна. Спорт — это юность. А юность не может жить без кумира. Глядя на кумира, юноша сам стремится к совершенству: вот что важно. Сам я спортом никогда не занимался. Мой лучший спорт—путешествия. Первое, что я сделал, как только у меня появились свободные деньги, махнул в Старый Свет. Это произошло после выхода в США сборника рассказов «Отважный юноша на летящей трапеции». Получив гонорар, я пересек океан и прямиком — в Армению. Тогда же я встретился и подружился с Егише Чаренцем. Я гордился не только тем, что я — его соотечественник, но и что я — человек его профессии. Тогда, помню, Чаренц говорил мне: «Ты пишешь по-английски, тем не менее ты армянский писатель». И он, конечно, был по-своему прав. Позже я сам писал — все, что я делаю, держится на трех китах: английский язык, американская почва и армянский дух.

— Что вы больше всего не любите? И что — презираете?

— Трусость. Предательство. Пропаганду войны и насилия. Иногда, к сожалению, и талантливые люди или из-за близорукости, или опьяненные успехом и славой позволяют спекулировать своим именем, не ведая, может быть, того, что подобная спекуляция приведет к беде. Война начинается не с одного какого-нибудь случайного выстрела, не сразу. Война начинается исподволь, когда одни позволяют себе трусость, предательство, спекуляцию идеями и принципами, другие терпят все это.

— Как вы относитесь к духу Хельсинки, к разрядке?

— Я думаю, и соглашение в Хельсинки, и разрядка — это прекрасно. Сохранить мир, подумать о будущем планеты — это же самое в конечном счете проповедует и истинный художник. Здесь многое зависит от нас. Я не политик и не священник, но я проповедую добро и искренность. От проповеди я могу перейти к активной пропаганде. И вот сейчас думаю пропагандировать Советскую Армению. Я говорю — Советскую, потому что на земле я видел, если можно так выразиться, много «Армений» — армянских колоний в разных странах. Даже мой родной город Фресно (штат Калифорния), особенно в начале века, можно было назвать своего рода Арменией. Я это все к тому, что имею возможность сравнивать. А потому скажу: Советская Армения — это, на мой взгляд, один из лучших практических аргументов для СССР. Я знаю, какой была Армения, я видел ее своими глазами почти полвека назад и вижу сейчас. Глубоко убежден, что только гордый человек, свободный человек, человек, преисполненный чувства собственного достоинства, я бы добавил — и национального достоинства, может поставить замечательные памятники на своей земле почти всем своим писателям-классикам. Я посетил памятник армянам — жертвам геноцида и с благодарностью подумал о русском народе, спасшем армян от гибели. Ведь и сам я — жертва геноцида. Я родился на чужбине.

— Вами, варпет, написано более двух тысяч рассказов, не считая огромного количества романов, пьес, повестей...

— Раз уж мы договорились, что это не просто беседа, которая ведется в весело подпрыгивающей машине по дороге в Гарни, а настоящее интервью, притом — для «Литературной газеты», значит, вы сейчас спросите, над чем я работаю, какие у меня планы. Не скажу. И дело вовсе не в тайне и не в суеверии. Просто я всегда работаю, пишу. Я — писатель. Пишу о человеке. Чтобы рассказать, над чем сейчас работаю, я должен пересказать сюжет. А сюжет — это не более, чем анекдот.

Лучше пусть читатели узнают, что Уильям Сароян в прекрасный туманный день отправился в дорогу специально для того, чтобы увидеть древний языческий храм. И все поймут, что, побывав в Армении, нельзя не повидать Гарни. Между прочим, я уже его видел. По дороге из Ленинграда в Ереван Размик Давоян и Левон Мкртчян показали мне в газете «Правда» снимок Гарни. Кстати, вот что я добавлю к тому, что уже говорил. Реставрация античного языческого храма, этого ценнейшего памятника мировой культуры, — тоже аргумент Советской власти.

— Начав было перечислять литературные жанры, в которых вы трудитесь, я хотел спросить еще о вашем отношении к кинематографу и телевидению, поскольку эти средства массовой коммуникации сейчас успешно соперничают с литературой.

— Кино я люблю. Много работал для него. Порывал с ним. Что касается телевидения, то с ним вопрос посложнее. У меня, например, дома нет телевизора. Конечно, телевидение — чудовищный конкурент для литературы. Но есть от него и какая-то польза. Некоторые бездарные писатели, графоманы, что могли бы с успехом отираться в литературе, нашли приют на телевидении. В то же время множество журналов и газет обанкротилось, тиражи книг упали, цены на них повысились. До десяти долларов стоит книга. Даже я не всегда могу позволить себе покупать их. В этом отношении вы прямо какие-то сумасшедшие: большинство ваших книг, как я успел заметить, стоят меньше рубля...

Лично я люблю печататься в газетах. Многие мои рассказы увидели свет на газетной полосе. Это и огромный тираж, и оперативность. Газету обычно читают сразу, не откладывая, в отличие от книги. Не думаю, что телевидение испортит погоду печатному слову. «Вначале было слово», и оно не будет отменено. Ошибаются те, кто считает, что нас нынче меньше читают. И бояться надо не телевидения, а серости, пошлости, бездарности. Мне кажется, напрасно сегодня футурологи ставят вопрос о месте литературы и телевидения в будущем. Ничто — ни теперь, ни через тысячу лет — не заменит мне «Шинели» Гоголя.

— Что вы думаете об огромном распространении на Западе так называемой массовой развлекательной литературы?

— Уже в словосочетании «развлекательная литература» есть что-то противоестественное. Литература—не американский футбол и не кетч. Прекрасная поэтесса Сильва Капутикян спросила меня, кто были прототипами рассказа и пьесы «В горах мое сердце». Я перечислил всех героев, в том числе женщин, и добавил, что прототипом всех своих героев был я. Какое уж тут развлечение, когда писатель живет сначала жизнью своих героев, а затем делится этой множественной жизнью со своими читателями! Сверхзадача писателя заключается в том, чтобы не самому стучаться в читательские черепные коробки, а впускать их всех в свою жизнь, в свой дом, в свое сердце. Какое уж тут развлечение! Добро и человечность может проповедовать только настоящая литература. Достоевский, например.

— Считаете ли вы сами себя популярным писателем?

— Есть популярнее, шумнее. Но мне лично нравится моя популярность. Она какая-то ровная, и люди меня принимают не с патологическим экстазом, а с улыбкой.

— Есть ли в вашей нынешней поездке по Армении какие-либо конкретные творческие цели?

— Есть. Книга. И я уже начал ее.

— В одном из наших литературных изданий есть рубрика для писателей «Как мы пишем?». Что бы вы ответили на подобный вопрос?

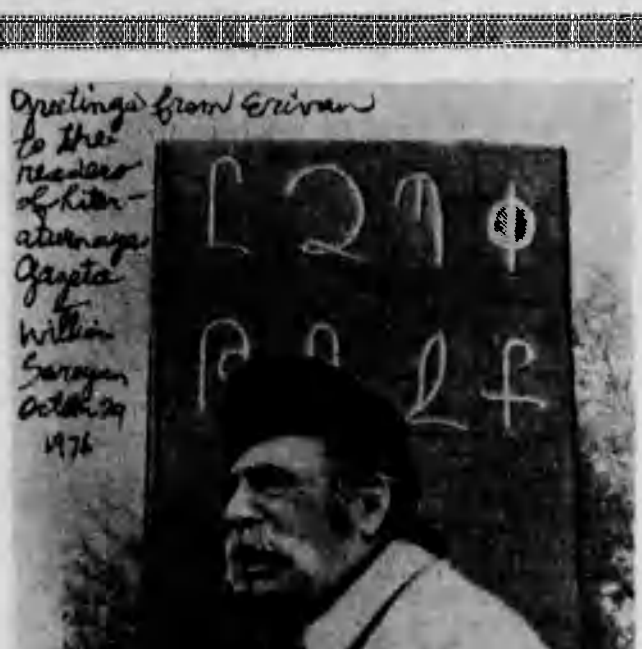
— Не знаю. Разве можно, например, хлебопека спросить: «Как вы печете хлеб?». А если спросите, разве он сумеет ответить вам, как печет хлеб? Я не знаю, как пишу. Одно могу сказать: пишу каждый день. Никогда и нигде не расстаюсь с машинкой. Каждый день — это очень важно. Потому, что если пишешь каждый день, то невозможно, чтобы ты не сказал чего-нибудь стоящего хотя бы раз в году.

— Гостю не напоминают о времени отъезда. Поэтому я хотел бы спросить, когда вы намерены в следующий раз приехать в Советский Союз?

— Я вовсе здесь не гость. Всякий раз я приезжаю на родину, к своим соотечественникам. Возможно, через два года приеду снова.

— Через два года вам исполнится семьдесят...

— Через два года исполняется сто пятьдесят лет со дня присоединения Восточной Армении к России. Хочу разделить с моими соотечественниками этот великий праздник. Я не слеп и вижу, какой стала моя родина. Я знаю, какой она была. Уильям Сароян родился на чужбине. Пусть люди рождаются на земле своих предков.



---

* Так в Армении обращаются к истинному мастеру своего дела.

КЛУБ 12 СТУЛЬЕВ

РОГА И КОПЫТА

● ЭТО ИНТЕРЕСНО

Двадцать один год проработал инженером Н. Глышков. За это время скромный труженик ни разу не опоздал на службу, не отпрашивался по личным делам, добросовестно исполнял свои обязанности и уходил домой в положенное время.

● НОВОСТИ ТОРГОВЛИ

Если вас встретили улыбкой, если вам ответили на все вопросы и объяснили, что нужного вам товара нет, такой магазин по праву носит звание «Предприятие отличного обслуживания».

● НИКОТИАНЕ — БОЙ!

Смело и решительно поступил А. Семгин, бесповоротно бросивший дурную привычку. Все запасы сигарет, махорки, табака, папирос и сигар, кальяны, трубки и мундштуки, пепельницы, зажигалки и спички он подарил вылечившему его врачу.

● СПОРТ

Надо оберегать чистоту принципов любительского спорта от всякого рода дельцов, рвачей и карьеристов.

Поэтому угадывающих более трех цифр в «Спортлото» следует дисквалифицировать как профессионалов.

Пусть эти любители легкой наживы играют в денежно-вещевую лотерею.

Песенник «Клуба ДС»

Вечерком на реке всякое бывает
РЫБНАДЗОР

Мы в глаза друг другу глянем,
Руки жаркие сплетем
ДЗЮДОИСТЫ

Не могу я тебе в день рождения дорогие подарки дарить
СКУПОЙ РЫЦАРЬ

Дайте парню только срок
ПРОКУРОР

ОТДЕЛ НИЩЕНИИ КЛУБА ДС

Владимир ЛАТУШОВ, Виталий СКУРАТОВСКИЙ

КАБЕЛЬ

Собравшись с духом, мы пересекли заводской двор и нахально вошли в проходную.

— Подержи, отец, — сказал я вахтеру и сунул ему в руки бухту кабеля.

— Лучше поверху пустим, — как бы советуясь, произнес Петя и согнал со стула пожилую вахтершу.

Я влез на стул и стал аккуратно прибивать кабель.

— Чего делаете, ребята? — поинтересовался вахтер.

— Спецкабель подводим, — ответил Петя. — Теперь вместо тебя за опоздавшими телекамера будет следить. Прогресс, отец, не дремлет.

Вахтер хмыкнул и продолжал смотреть, как мы работаем.

— Заводи сюда, — сказал Петя, открывая дверь на улицу. — Датчики надо подсоединить.

Он громыхнул в кармане ключами. Мы вбили еще несколько скоб и посовещались.

— Да, ты прав, датчики лучше всего подсоединить здесь, — громко сказал Петя и обратился к вахтеру. — Отец, дай кусачки! Мы свои в цехе оставили.

Тот вынес кусачки, и я ловко перекусил кабель у самой двери.

— Спасибо, — протянул Петя кусачки. Вахтер ушел.

Мы еще раз стукнули молотком по стене, позвенели ключами, подняли кабель и спокойно влезли в подъехавший трамвай.

— Не много ли мы на проходную потратили? Может не хватить.

— С запасом брали, — успокоил Петя. — И для телевизионной антенны хватит, и чтобы белье на балконе развешивать.

ИНТЕЛЛИГЕНТЫ «Клуба ДС»

Вит. РУЧИНСКИЙ

БЕДОЛАГА

Сижу я как-то раз в нашей секции одна-одинешенька. Девчонки на третий этаж убежали. Там, слух прошел, сапожки должны выкинуть с вышитыми жуками. С ума сойти! А у нас, в «Мужской одежде», тишина и спокойствие. Если какой покупатель и заскочит, то только для общего развития. Покрутит головой, повздыхает — и мимо. И горит наш месячный план фиолетовым пламенем, а с ним и прогрессивка. Матвеевна, зав. секцией, в подсобке заперлась. Наладилась голову хной мыть. На свадьбу собирается, племянник у нее женится. А я, значит, сижу, свитер Славику довязываю и про него, ирода своего, думаю.

Вдруг, слышу кто-то шепчет: «Девушка!» Поднимаю голову — мужчина, шатен. Но нет, не Тихонов. Щупленький, в очках и с портфелем. «Мне, — объясняет, — хотелось бы куртку нейлоновую. Но только, чтобы кругом простроченная была, а на рукавах обязательно разноцветные шевроны и воротник чтобы шерстяной, вязаный». Я, конечно, грубить ему не стала: мы за культурное обслуживание боремся, на неприятность можно нарваться. Но все же говорю: «У вас в очках, наверное, диоптрий маловато. Советую сменить. Таких курток у нас отродясь не бывало». «А вы, — говорит, — оглянитесь». Оборачиваюсь — что такое? На вешалке правой, где у нас плащи-болоньи болтаются, все куртками забито! Откуда? Что? Непонятно. Но в точности, как он объяснял: зеленого цвета, а на рукавах красные шевроны. «Пожалуйста, — говорю, — выбирайте». Сама, не будь дурой, для Славика одну отложила.

Шатен надел на себя куртку, перед зеркалом крутится. Как раз тут девчонки вернулись. Про сапожки слух оказался ложным. Ну, они моментально на куртки набросились, щупают. И покупатели набежали. Я сразу чеки выписывать, остальные — кто на контроль, кто по телефону звонить: у каждой свой Славик. Пошла работа. Тут опять он, этот шатен. «Ну что вам еще?» — спрашиваю. «Понимаете, — говорит, — глаза у меня, к сожалению, голубые. Так что зеленый цвет мне явно не идет. Мертвит он. Нельзя ли голубую?» «Берите, что есть, — отвечаю. — Сами же видите, что одни зеленые». А он опять так ласково: «Оглянитесь». Оглядываюсь — на средней вешалке вместо демисезонных пальто — «Мечта пенсионера» мы их зовем, третий год, как завезли, — куртки! Нежно-голубого цвета! Схватил он одну и опять к зеркалу. Смотрю, Матвеевна бежит, голова полотенцем замотана. «Что у вас тут творится? — кричит. — Почему меня не предупредили?» — И шепчет, чтобы отложили одну голубую для ее племянника. «Чем, — говорит, — сервиз этот дурацкий дарить, куда лучше куртку. А невеста, ничего, перебьется».

Народа тут набежало видимо-невидимо. Все лезут, пристают с вопросами: много ли завезли, на сколько хватит? Матвеевна вызвала из очереди четверых добровольцев, чтобы за порядком следили. Шум стоит, ругань. Кого-то выпихивают, кто-то на свои особые заслуги напирает. Кошмар!.. Чувствую, кто-то меня за рукав дергает. Опять он, шатен! «Я, — говорю, — думала, вы давно дома». «Все хорошо, — отвечает, — но пояс меня все-таки как-то полнит. А так, чтобы без пояса у вас нет?» Я ему по-хорошему: «Вы что, не видите, что творится? Сейчас и эти кончатся». «Да нет, — говорит, — не может быть, чтобы без поясов у вас не было. Ну-ка, оглянитесь». Гляжу, на левой вешалке этих страшненьких костюмов с пиджаками в серых яблоках как не бывало! А висят куртки! И, конечно, без пояса! И голубого цвета! Он, радостный такой, пробирается к ним, но тут один из этих самых добровольцев, что Матвеевна вызвала, бросается к нему наперерез. Спортивного вида парень, штангист или борец, на Славика моего похож. «Этот, — кричит, — вообще не стоял! Как он только пролез сюда, нахал? А ну, выходи!» Вся очередь, конечно, зашумела: «Не стоял! Не стоял!» Шатена никто и слушать не стал. Я попробовала вступиться, и мне досталось. Короче, вывели его.

Тут директор прибегает, Сидор Палыч. Глаза вытаращил. «Кто вам позволил, — кричит, — стратегическую заначку распатронить? Я куртки эти на 31 декабря планировал — по секциям разбросать, показатели подправить!» Матвеевна сразу ему режет: «А это все ваша АСУ любимая! Предупреждали, вырубите автоматику на складе!»

Ну и дела, думаю. Не иначе, это мой шатен автоматику подкрутил. Смотрю, а он в хвост очереди приткнулся.

Торгуем час, торгуем два. Доходит до него все-таки очередь. И надо же, как раз на нем куртки кончились. Последнюю старушка, что впереди его стояла, уволокла. Стоит он передо мной, чуть не плачет. Я в глаза ему уставилась. Все жду, что скажет он: «Оглянитесь». А он тихо так говорит: «Вот так всегда: задумаешь купить вещь, которая нравится — и никак не выходит». Махнул рукой и ушел.

ИЗ ЦИКЛА «РАССКАЗИКИ»

А. КЛИМОВ (ЛИПЕЦК)

АНОНИМКА

«Уважаемый Сергей Сергеевич! Пишу Вам эту анонимку потому, что не могу молчать. Не могу закрывать глаза на Ваше вопиющее, выходящее из рамок поведение. Ах, какой же Вы все-таки человек! И зачем Вам это — не понимаю. Ну почему бы Вам не жить, как все люди, без выкрутасов? Попроще? Так нет, Вам обязательно надо выделиться, заявить о себе. Мало того, что на работу к восьми, раньше всех, приходите, так еще и с обеда минут за пять до конца перерыва вернуться норовите. Чисто по-человечески я мог бы Вас понять, если бы Вы за это получали дополнительное материальное вознаграждение. Но оно не отражено ни в одной ведомости, ни по одному бухгалтерскому отчету не проходит. Получается, что все это Вы делаете за здорово живешь, безвозмездно. Непонятно. Но это еще куда ни шло, с этим как-то можно мириться. А как расценивать Ваши ежегодные отпуска, которые Вы берете в порядке очереди? То февраль, то ноябрь, то апрель, то март. Вы же подрываете свой авторитет в коллективе. Создаете нездоровую обстановку, дискредитируете, я не побоюсь этого слова, своих коллег, у которых на уме только июль, в крайнем случае — август. Где Ваше чувство собственного руководящего достоинства? Или это Ваше постоянное участие в субботниках, в общественных делах конторы! В позапрошлый выходной Вы металлолом собирали, в прошлый — макулатуру, а в следующий, по слухам, в подшефный колхоз собираетесь. Ни за что не поверю, что у Вас столько свободного времени. А как же семья? Жена, дети? Нехорошо, Сергей Сергеевич, я бы на Вашем месте сначала близким уделил внимание, а уж потом все остальное. А может быть, Вы настоящий, идеальный, так сказать, руководитель? Тогда я тем более не могу молчать.

Доброжелатель
(Серафим Петрович Мотькин)

P. S. Прошу мою анонимку учесть при очередном распределении квартир».

ПЕРЕВОДЫ ПЕРЕВОДОВ

Амброз БИРС

ПОЭТ И РЕДАКТОР

— О сэр, — сказал Редактор Поэту, который зашел узнать насчет своей поэмы, — мне очень жаль, но я должен признаться, что из-за небольшой потасовки в редакции большая часть вашей рукописи стала неудобочитаемой: на нее опрокинули бутылку чернил, уничтожив все, кроме первой строчки — как это там у вас...

— «Листья осенние падали, падали, падали»?

— Вот-вот! К несчастью, я не успел прочесть поэму и поэтому не смог восстановить ход событий, а то мы могли бы изложить их своими словами. Если ваши новости не затасканы и еще не появлялись в других газетах, то не будете ли вы так добры и не свяжете ли их с тем, что у нас осталось, пока я доделаю срочную работу? «Листья осенние падали, падали, падали...» Продолжайте!

— Что?! — сказал Поэт. — Не думаете ли вы, что я на память воспроизведу целую поэму?!

— Только суть, только основные факты! Все остальное мы сделаем сами. Я задержу вас всего на одну минуту. «Листья осенние падали, падали, падали...» Ну, дальше!

Послышались звуки отодвигаемого стула и медленно удаляющихся шагов. Когда наступила тишина, ничего поэтического, кроме медленно остывающего стула, в отделе текущих событий не осталось.

Перевел с английского В. КИРЗОВ

КОНКУРС «КЛУБА ДС»

Эдмунд ИОДКОВСКИЙ

ВОСЛЕД БОККАЧЧО И ГЛАЗКОВУ

Недавно я прочел 7-строчное стихотворение Николая Глазкова:

Летит по космосу
комета.
Ее павлиний яркий
хвост
На миллионы тянет
верст...
Однако про комету эту
Что думает
Глазков-поэт?
«Комета, — скажет он,
— ракета:
Естественно,
иных планет!»

Симпатичная космическая миниатюра таит в себе одну тайну: это акростих — первые буквы каждой строки образуют посвящение «Леночке».

Заинтригованный этой тайной, я обратился к последней книге Николая Глазкова «Вокзал» («Советский писатель», 1976) и обнаружил там целую россыпь акростихов. В разделе «Лирика года» я насчитал более 30 акростихов: «Михалкову», «Лесючевскому», «Вите Бокову», «Коле Старшинову», «Жене Елисееву», «Булатику Окуджаве» и даже «Лаврику, аврушке, умнице».

Как сообщает Большая Советская Энциклопедия (2-е издание), изобретение акростиха приписывалось Эпихарму (ок. 540—450 гг. до н. э.). Особенной популярностью форма акростиха пользовалась у александрийских и византийских поэтов, а также в эпоху Возрождения. Известны замечательные акростихи Боккаччо, Максима Грека, Кариона Истомина, Л. Мея, К. Бальмонта, В. Брюсова, М. Кузмина и других поэтов.

В молодости Н. Глазков, будучи студентом Горьковского пединститута, одновременно работал грузчиком в порту, разгружал баржи. По его примеру этой осенью я тоже работал грузчиком в Одессе и в короткие минуты отдыха написал акростих, посвященный старшему другу-поэту. Привожу его в качестве — пусть несовершенного — образца этого жанра:

У Лузановского
причала
Мне исполнилось
тридцать шесть.
Начинается
жизнь сначала,
И достоинств ее —
не счесть!
Целый день без всякой
гордыни
Ем арбузы, не жду
наград
И гружу у причала
дыни,
Помидоры и виноград.

Осень зреет
в библейских
гроздьях,
Эрудиты и пастухи
Тихо смотрят
в степные звезды,
Увлеченно творят
стихи.
Ко всему причастен
на свете,
Озорую, пасу стада.
Легендарно найтую*
сети,
Если надо — вожу суда.

Главное — я
расстался с болью,
Ложью, той, от которой
слеп.
Ах, как славно
посыпать солью
Заработанный
потом хлеб!
Каждый труд мне
теперь не пытка,
Он по нраву мне,
по плечу, —
Ведь Прекрасная
Одесситка
Улыбается москвичу.

---

* Найтовать — выбирать сети из моря (жарг.).

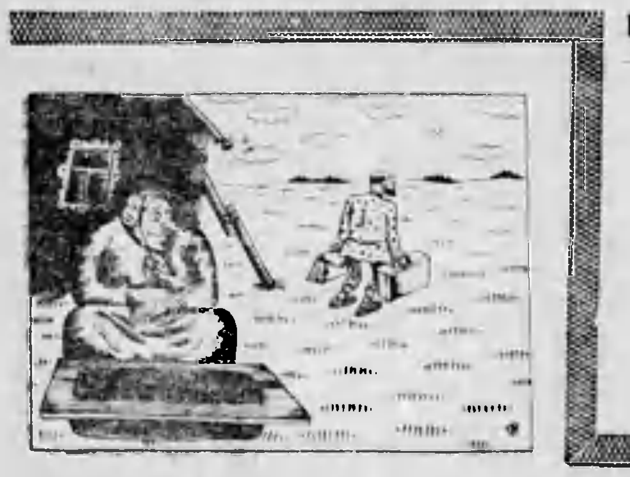
От администрации «Клуба ДС»

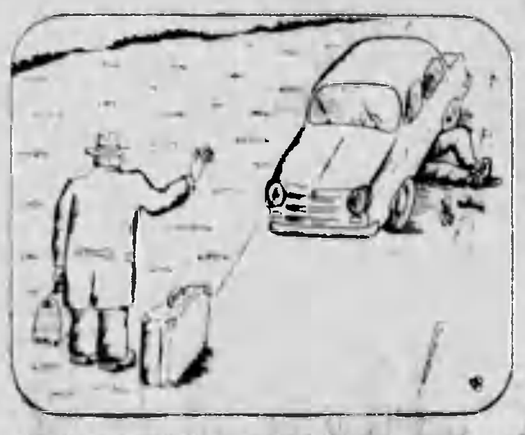
Вослед Боккаччо и Глазкову «Клуб ДС» объявляет среди читателей конкурс на лучший акростих. В качестве опорного слова предлагается фамилия знаменитого людоеда и душелюба Евг. Сазонова. Например, посвящение «Сазонову» легко укладывается в два четверостишия, а «Жене Сазонову» — даже в три.

Администрация «Клуба ДС» долго совещалась: что же назначить в качестве премии за лучший акростих? Было решено, что победители нашего конкурса получат бесплатную подписку на стенгазету «Рога и копыта».

Администрация надеется, что этот конкурс вызовет возросшую поэтическую культуру наших читателей, не говоря уже о писателях.

ЧУ-ДА-КИ





Рисунки В. ДУБОВА

Евг. САЗОНОВ

МОВЕТОНИКИ

То не ржание лошадки,
То не стук
копыт коня —
То к соседям
по площадке
В выходной пришла
родня.

* * *

То не то чтоб
одолженья,
То не вызов на дуэль —
Книгу
жалоб-предложений
То мне подал
метрдотель.

* * *

То не явь, а сон мне
снится.
То не правда,
и вранье:
То приносит праведница
Мне постельное белье.

* * *

То не циник, не невежа,
То не хам во всей
красе —
То репризой самой
свежей
Нас смешит
конферансье.

* * *

То не дым лесных
пожарищ,
То не прочие дымы —
То курить с тобой,
товарищ,
До сих пор
не бросим мы.

РАССКАЗ

КОГДА Я СМОТРЮСЬ В ЗЕРКАЛО

А. ХАИТ

Сколько я себя помню, меня всегда за кого-то принимают. За кого, не знаю, но только не за меня. Видно, есть в моем лице что-то настолько банальное и ординарное, что оно напоминает все лица сразу. Даже у меня, когда я смотрюсь в зеркало, возникает ощущение, что этого человека я уже встречал. Только не помню где: в автобусе, булочной или на службе.

Раньше, когда я был молодым и наивным, я часто спорил, горячился, даже документы предъявлял, но с годами смирился. Понял, что все равно ничего не докажешь, только людей против себя настроишь. Так и хожу по улицам, похожий на других. Прикрываю воротником свое чужое лицо.

— Володя!

Это, наверное, меня. Хотя вообще меня зовут Петей. Оглядываюсь: через всю улицу бежит ко мне невысокая полная женщина в брючном костюме. Женщина не в моем вкусе, но ее это, кажется, не смущает.

— Вовочка, — кричит она издалека, — милый! Куда ж ты пропал, бессовестный? Не звонишь, не заходишь...

— Да закрутился, — осторожно говорю я, — дел полно.

— Ладно уж, — грозит она пальчиком, — знаю я твои дела. Не первый год знакомы.

Не первый. Понятно. Значит, это у нас длится давно.

Женщина берет меня за руку:

— Слушай, может, зайдешь ко мне, а? Хоть на минуточку?

Я не могу отказать, когда на меня смотрят такими глазами.

— Ладно, только ненадолго.

Я сижу с неизвестной женщиной в незнакомой квартире. Мы пьем сухое вино, которое я терпеть не могу, и вспоминаем Гагры, в которых я никогда не был. Постепенно разговор истощается. Несколько минут мы сидим молча.

— Эх ты, — говорит моя новая знакомая, — я из-за тебя на все иду, мужа обманываю.

Во мне просыпается мужская солидарность:

— Вот это нехорошо. Мужа обманывать — последнее дело.

— Подлец, — устало говорит женщина. — Нотации мне читаешь после всего? Да ты, да ты... Знаешь, кто ты?

Узнать я не успеваю, потому что хлопает входная дверь.

— Муж, — испуганно говорит женщина.

Я быстро оглядываю комнату: стол с недопитыми бокалами вина, пепельница, полная окурков, женщина в домашнем халате. Не хватает только мужа, вернувшегося из командировки.

А вот и он! В дверь заглядывает высокий мужчина с густыми, как у пуделя, бакенбардами. Он внимательно смотрит на меня и многозначительно произносит:

— Та-ак...

Затем решительными шагами направляется ко мне. Я закрываю глаза и поглубже вжимаюсь в кресло. Я не люблю, когда меня бьют. Мне всегда кажется, что это плохая примета.

— Та-ак, — повторяет муж, — пожаловали наконец.

— Это не я... Это недоразумение!

— Какое там недоразумение?! Постыдились бы, Семен Борисыч! Взяли деньги на две недели, а сами полгода не отдаете.

Час от часу не легче. И этот меня с кем-то путает. Хотя уж лучше быть пойманным должником, чем застигнутым любовником.

— А я, собственно, как раз пришел отдавать... Сколько я вам должен?

— А вы уже забыли?.. Пятьдесят рубликов!

— Сколько?! — я испуганно смотрю на женщину, но она молчит. Ей моих денег не жалко. Честь дороже.

— У меня с собой только тридцать, — жалко улыбаюсь я. — Если не возражаете, двадцатку я завтра поднесу.

Муж вырывает деньги у меня из рук.

— Давайте уж! Только смотрите, завтра непременно.

Я выскакиваю из квартиры, забыв попрощаться с моей возлюбленной. Заметая следы, кружу какими-то переулками и проходными дворами и, только убедившись, что погони за мной нет, спокойно выхожу на улицу, небрежно прикусив сигарету.

На улице меня поджидает какой-то широкоплечий мужчина.

— Валерий? — полувопросительно говорит он.

На всякий случай я киваю.

— Долго же я ждал этой минуты, — радостно говорит мужчина и с размаху бьет меня по щеке.

— За что? — кричу я. — За что?!

— За то. Месяц прошел, а уже забыл. Мне Кульчицкий все рассказал.

— Какой Кульчицкий? Не знаю я никакого Кульчицкого!

— Да?.. Может, ты и Тарасова не знаешь? — говорит он и снова надвигается на меня.

Я чувствую, что лучше согласиться.

— Тарасова знаю. Кого знаю, того знаю.

— Ну вот что: завтра сам явишься к Иван Матвеичу и все расскажешь, как было.

— Расскажу, — охотно соглашаюсь я.

— Смотри, я проверю.

— Обязательно, — говорю я. — Доверяй, но проверяй.

Несколько секунд он смотрит на меня, прикидывая, не добавить ли еще. Затем поворачивается и не спеша уходит в глубь улицы.

Интересно, за что этот Валерий получил по морде? Что он такого натворил?

Я иду по бульвару, погруженный в мысли о неизвестных мне Кульчицком, Тарасове и многих, многих других, о которых я никогда не узнаю.

— Гражданин, — окликает меня пожилая женщина с коляской. — Что же это вы? Сказали на минутку, а сами на полчаса ушли.

— Извините, — по привычке говорю я, — задержался немного.

— Задержался! Будто у меня других дел нет, как за вашим ребенком смотреть.

И она решительным движением катит ко мне коляску.

Это уж слишком. Даже для меня.

— Простите, — говорю я, — но это не мой ребенок.

— Как не ваш? Вы же сами просили за ним поглядеть.

— Вы ошиблись. Вас просил другой человек.

Женщина внимательно меня разглядывает:

— Странно... И внешность такая же, и одежда.

— Одежда — может быть, но не ребенок. Это не мой ребенок, понимаете? У меня вообще нет детей.

— Странно, очень странно.

От наших голосов ребенок просыпается. Он высовывается из коляски, протягивает ко мне ручки и говорит:

— Папа, папа!

— Чудовище! — говорит женщина. — Это же надо: отказаться от своего ребенка!

Она с презрением отворачивается и, размахивая хозяйственной сумкой, скрывается в темной аллее.

Мы остаемся вдвоем. Я и чужой ребенок. Подождем. Должен же за ним прийти настоящий отец. Проходит пять минут... десять... Никого.

Начинается дождь. Мелкий, противный. Мимо нас бегут люди, похожие на меня, но настоящего отца все нет. Ребенок начинает хныкать. Наверное, он замерз или хочет есть. Я заглядываю в коляску. Симпатичный мальчик, даже чем-то на меня похож. Может, действительно пойти с ним домой? Посидим, обогреемся, а потом вернемся.

Я иду по улице, толкая перед собой коляску с чужим ребенком. Холодные капли дождя падают мне за шиворот, но я не обращаю внимания. Мне хорошо. Сейчас улицы пустынны, и я хоть несколько минут могу побыть самим собой. А мне это нужно, очень нужно. Ведь день не окончен, впереди еще встреча с женой. Интересно, за кого она меня примет сегодня?..

ВЫХОДИТ ПО СРЕДАМ
Цена 15 коп.

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

АДРЕС РЕДАКЦИИ: 103654 ГСП, Москва Ц. Цветной бульвар 30. Телефон для справок: 295-00-00 доб. 63

А. ЧАКОВСКИЙ (главный редактор).
Редакционная коллегия: Ч. АЙТМАТОВ, Б. ГАЛАНОВ, В. ГОРБУНОВ (отв. секретарь), Г. ГУЛИА, Ю. ДРУНИНА, Е. КРИВИЦКИЙ (зам. главного редактора), Г. МАРКОВ, Г. МЕРКУЛОЧЕВ, Л. НОВИЧЕНКО, О. ПРУДКОВ, В. СУББОТИН, В. СЫРОКОМСКИЙ (первый зам. главного редактора), А. ТЕРТЕРЯН (зам. главного редактора), А. УДАЛЬЦОВ (зам. главного редактора), А. ХАКИМОВ, Ф. ЧАПЧАХОВ.

А—09090 Типография «Литературной газеты»: Москва К-51. Цветной бульвар, 30. Зак. 800 ИНДЕКС 50067